

М.К.КАРТЕР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО
КИЕВА

Ответственный редактор
действительный член Академии наук Украинской ССР П. П. Ефименко.

В настоящей работе автор отнюдь не ставил перед собой задачу написать историю древнего Киева в свете археологических исследований.

Руководство Киевской археологической экспедицией, возложенное на автора в течение ряда лет (1938—1947 гг.)¹ двумя крупнейшими археологическими учреждениями Советского Союза — Институтом археологии Академии наук Украинской ССР и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, — обязывает его, в первую очередь, подытожить результаты работ названной экспедиции за указанные годы.

Археологические работы большого масштаба, осуществленные экспедицией, не только обогатили нашу науку огромным количеством новых разнообразных памятников, но и позволили поставить, а отчасти и решить немало различных проблем истории древнего Киева. Публикуя по возможности полные данные об открытых и изученных экспедицией памятниках, стремясь раскрыть как можно полнее методические приемы полевого исследования и с доступной полнотой опубликовать документацию процесса исследования, автор, однако, не считал возможным ограничиться сухим отчетом о раскопках и перечнем найденных при этом памятников. Автор пытался выдвинуть свою интерпретацию вновь открытых памятников для обеспечения возможности дальнейшего использования их в качестве исторических источников. Разумеется, что в соответствии с задачей настоящей работы проблемам широкого исторического синтеза не могло быть уделено главное внимание².

¹ Археологическое исследование древнего Киева было прервано войной и временной немецкой оккупацией. Экспедиция возобновила свои работы в 1945 г.

² Предварительные сообщения о результатах работ экспедиции и публикация некоторых материалов сделаны в следующих статьях автора:

1) Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК АН СССР, 1, 1939, стр. 9—10.

2) Археологические раскопки древнего Киева, Наука и жизнь, Изд. АН СССР, № 2, 1940, стр. 38—40.

3) Княжеское погребение XI в. в Десятиной церкви, КСИИМК АН СССР, IV, 1940, стр. 12—20.

Автор пользуется случаем отметить, что все основные научные результаты достигнуты Киевской археологической экспедицией в 1938—1947 гг. в первую очередь благодаря огромной энергии и самоотверженному труду ее сотрудников, среди которых главную роль всегда играли студенческая молодежь и аспиранты киевских и ленинградских высших учебных заведений.

4) Погребение киевского дружинника X в., КСИИМК АН СССР, V, 1940, стр. 79—82.

5) К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., КСИИМК АН СССР, VI, 1940, стр. 61—66.

6) К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны, КСИИМК АН СССР, VII, 1940, стр. 76—80.

7) Тайник под развалинами Десятинной церкви, КСИИМК АН СССР, X, 1941, стр. 75—85.

8) Землянка-мастерская киевского художника XIII в., КСИИМК АН СССР, XI, 1945, стр. 5—15.

9) Киевская экспедиция 1946 г. (тезисы доклада), КСИИМК АН СССР, XXI, 1947, стр. 38—40.

10) К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода, Труды Всероссийской Академии художеств, I, Л., 1947, стр. 15—50.

11) К вопросу о древнейшей истории Киева, СА, X, 1948, стр. 235—254.

12) Розкопки у Києві в 1946 р., Археологічні пам'ятки УРСР, I, Київ, 1949, стр. 7—20.

13) К истории киевского зодчества XII—XIII вв., КСИИМК АН СССР, XXVI, 1949, стр. 128—137.

14) Киев и монгольское завоевание, СА, XI, 1949, стр. 55—102.

Материалы Киевской археологической экспедиции были широко использованы различными авторами в коллективном труде „История культуры древней Руси“, т. I, М.—Л., 1948.

ВВЕДЕНИЕ

Археологическое изучение древнейшей столицы русского государства — города Киева — началось 125 лет тому назад.

Первые археологические раскопки в собственном смысле этого слова были произведены в Киеве в октябре 1824 г. В этом году по инициативе Е. Болховитинова, археологом-самоучкой К. Лохвицким были раскопаны развалины Десятинной церкви. С тех пор в течение всего XIX в., в связи с различными работами по планировке города, нередко снимались мощные пласты культурных слоев, благодаря чему обнаруживались памятники различных эпох. Наблюдения за этими работами имели преимущественно дилетантский характер и порождали многочисленных „кладоискателей“ (Анненков, Турчанинова, Хойновский).

Только в первые годы XX в. начались настоящие научно организованные археологические исследования на территории Киева. Но и эти исследования нередко носили печать любительского „вещеискательства“, разрушавшего целостность памятников. Так, наряду с образцовыми по методике раскопками Археологической комиссии, проводившимися с 1908 по 1914 г. под руководством Д. В. Милеева, раскопки В. В. Хвойко (1907—1908 гг.), несмотря на огромный научный интерес раскрытых им памятников, в методическом отношении были далеко не на высоте.

Огромный размах археологических работ, развернувшихся в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, выдвинул не только новые задачи исследований, но и новую методику раскопок. Вместо узких траншей, прорезавших и разрушавших памятник, советская археология выдвинула требование вести раскопки широкой площадью, стремясь полностью или, по крайней мере, возможно шире охватить изучаемый памятник.

Коренным образом изменились, по сравнению с дореволюционными археологическими исследованиями, задачи и интересы советской археологии. Дореволюционные исследователи-археологи увлекались, главным образом, парадной стороной жизни города, их интересовали преимущественно пышные церковные постройки, клады драгоценных вещей, богатые погребения и т. п. Интересы и задачи советской археологии

стали значительно шире и многостороннее. В частности, особый интерес при изучении древнерусских городов стали вызывать районы, заселенные ремесленниками. Изучение этих районов действительно позволило нарисовать правдивую картину жизни феодального города, основу этой жизни — городское ремесленное производство и тяжелую подневольную жизнь городского ремесленного люда.

Надо сказать, что даже раскопки в центральном, наиболее аристократическом районе Киева, начатые более ста лет тому назад и успешно продолжающиеся до последнего времени, позволили установить, что в нескольких десятках метров от роскошных княжеских дворцов и блиставшей расточительной пышностью Десятинной церкви ютились небольшие землянки-мастерские княжеских холопов. Тем большие надежды в отношении изучения городского ремесла должны были вызвать окраинные районы города, сплошь заселенные „черным“ городским людом. Под углом зрения именно этих задач и были развернуты широкой площадью раскопки в различных районах древнего Киева.

Особенное внимание советских археологов, изучавших древний Киев, было приковано к важнейшей проблеме происхождения города и к древнейшим периодам его истории. По вполне понятным причинам эти вопросы принадлежали к наименее разработанным историками, опиравшимися по преимуществу на письменные источники. В результате археологических исследований последних лет сказочный туман легенд, которым была окутана древнейшая история города, постепенно рассеивается. Раскопки на территории Владимирова Киева показали, что так называемый „город Владимира“ не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками было установлено существование в границах „города Владимира“ более древнего городища, окруженного рвом и валом, за пределами которых находился огромный языческий курганный могильник VIII—X вв. Инвентарь многочисленных погребений позволил восстановить яркую картину жизни города в VIII—X вв. Над уничтоженным в конце X в. курганным некрополем расположился новый город Владимира с Десятинной церковью в центре его.

Археологическими исследованиями было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трех) самостоятельных поселений VIII—X вв. Легенда о трех братьях — основателях города, записанная в древнейшей киевской летописи, являлась, повидимому, отголоском реального факта существования нескольких самостоятельных поселений на территории Киева, лишь в конце X в. объединенных в один город.

Систематизация и изучение многочисленных кладов римских монет и случайных находок этого же времени, а также раскопки на территории города древнейших погребений, относящихся к III—IV вв. н. э., позволили восстановить еще более древнюю страницу его истории. Можно считать несомненным наличие на территории Киева нескольких небольших славянских поселений в первые века н. э.

Но наиболее многочисленный и яркий материал, добытый при раскопках в Киеве, относится к летописному периоду его истории (конец X—XIII вв.). Открытие значительного количества отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалин каменных храмов и княжеских дворцов X—XIII вв., сопровождавшееся находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря, позволяет

нарисовать яркую картину жизни города накануне монгольского завоевания.

В результате раскопок последних лет с изумительной наглядностью раскрылась потрясающая по своему драматизму картина разгрома цветущего города татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоев Киева позволило установить длительный период запустения „верхнего города“ в результате монгольского нашествия.

І. РАСКОПКИ В УСАДЬБЕ МИХАЙЛОВСКОГО ЗЛАТОВЕРХОГО МОНАСТЫРЯ (1938 г.)

І.

Территория Михайловского Златоверхого монастыря не раз была местом разнообразных случайных находок и раскопок. В монастырской усадьбе и ее окрестностях было найдено с 1787 по 1949 г. двенадцать кладов домонгольской поры. Разнообразные памятники древнего ювелирного искусства, найденные в этих кладах, составляют немалую часть среди киевских находок этого рода.

Еще в первой половине XIX в. на монастырской территории были обнаружены развалины двух древних храмов, раскопки которых, к сожалению, почти не оставили следов в научной литературе, ввиду чего вопрос об атрибуции этих памятников остается до настоящего времени дискуссионным.

В связи с развертыванием крупного строительства на территории бывшего монастыря, здесь еще в 1937 г. Институтом археологии АН УССР были проведены небольшие разведки, позволившие в 1938 г. организовать систематические раскопки широкой площадью. Участок раскопок 1938 г. расположен на вершине Михайловской горы, между некогда существовавшими здесь Михайловским Златоверхим и Дмитриевским монастырями. Позже, повидимому в XVII в., этот участок вошел в усадьбу Михайловского Златоверхого монастыря и был использован сначала в качестве хозяйственного двора, а позже — под фруктовый монастырский сад, существовавший до самого последнего времени.

Работа экспедиции продолжалась со 2.VII по 23.VIII 1938 г.¹ Раскопки были развернуты к северо-востоку от Трапезной церкви монастыря. Всего на этой площадке было вскрыто около 400 м², не считая тех участков, где находится значительно более поздняя яма. Границы

¹ В экспедиции под руководством автора принимали участие: руководители участков — В. К. Гончаров, Г. Ф. Корзухина, З. Ф. Вальта; научные сотрудники — В. О. Довженко, П. И. Жадан, Охотник, Креченко, Д. А. Шапченко, Л. В. Меерсон; практиканты — студенты Ленинградского государственного университета И. П. Шаскольский, Д. А. Рабинович; студент Киевского государственного университета Е. В. Махно; зав. хозяйством И. М. Беспалько; фотограф В. И. Маслов.

этой ямы были прослежены со всех сторон, но от раскопки ее пришлось отказаться, так как на всей ее площади древние культурные слои полностью уничтожены.

На раскопанной площади на глубине от 1 до 3 м был раскрыт удовлетворительно сохранившийся участок городского поселения (рис. 1).

Уже на глубине 0,25—0,30 м на всей площади раскопок в поздних по основному составу слоях попадались в большом количестве фрагменты стеклянных браслетов XII—XIII вв. и керамика того же периода. Количество этих находок увеличивалось по мере углубления раскопок. На глубине около 1,00 м на одних участках и на глубине от 2,00 до 2,50 м на других лежат слои, насыщенные уже исключительно древними находками. Слои эти лежат непосредственно на материковом лессе, зачистка которого выявляла темные гумусные пятна старых ям, канав и жилищ полуземляночного типа. Характер стратиграфии участка заставлял тщательно разбирать уже самые верхние слои, которые дали очень большое количество находок XII—XIII вв. Особо тщательной разборке подвергались гумусированные слои, лежавшие непосредственно на лессе, и тем более — землянки и древние ямы. Необходимо отметить, что на раскопанной территории почти отсутствуют находки, относящиеся к XIV—XVI вв. Верхние слои в изобилии давали находки XVIII — начала XIX вв. и в сравнительно незначительном количестве — находки XVII в. Обстоятельство это позволило установить, что после татарского разгрома этот район, повидимому, оставался долгое время почти незаселенным, что, конечно, и способствовало лучшей сохранности древних культурных слоев и, в частности, сооружений.

В северной части раскопа была обнаружена вырубленная в лессе лестница, которая вела в какое-то помещение, находившееся глубоко под землей (рис. 1). Лестница состояла из девяти ступенек, начинавшихся на глубине 1,07 м от уровня современной поверхности, и кончалась на глубине 3,10 м каким-то помещением, которое раскрыть полностью по техническим условиям было невозможно. На ступеньках лестницы лежали деревянные части обрушившегося покрытия. На полу раскопанной части этого помещения было найдено много древней керамики (XII—XIII вв.), обломки древних стеклянных браслетов и некоторые другие бесспорно древние предметы. Но наряду с этим на той же глубине было найдено очень значительное количество обломков керамики и стекла XVII—начала XVIII вв. Каким образом попали эти поздние вещи в подземное помещение — после его обвала, или же они находились в нем, когда оно еще функционировало, — установить не удалось. Назначение и время возникновения этого подземного помещения остается пока неясным. Только окончательная раскопка сможет дать исчерпывающий ответ на эти вопросы.

К югу от вскрытого помещения было раскопано древнее жилище полуземляночного типа, которое сохранилось довольно плохо; границы его были с трудом прослежены по слабым остаткам обожженных стенок и по утрамбованному глиняному полу (рис. 1). Обожженные стенки землянки I сохранились далеко не везде и только на очень незначительную высоту. Лучшие остальных сохранилась северная стенка, особенно в части, примыкающей к печке. Землянка перерезана по диагонали поздней траншеей для прокладки водопроводной трубы. В северо-восточном углу хорошо сохранилась нижняя часть печи. Печь была устроена непосред-

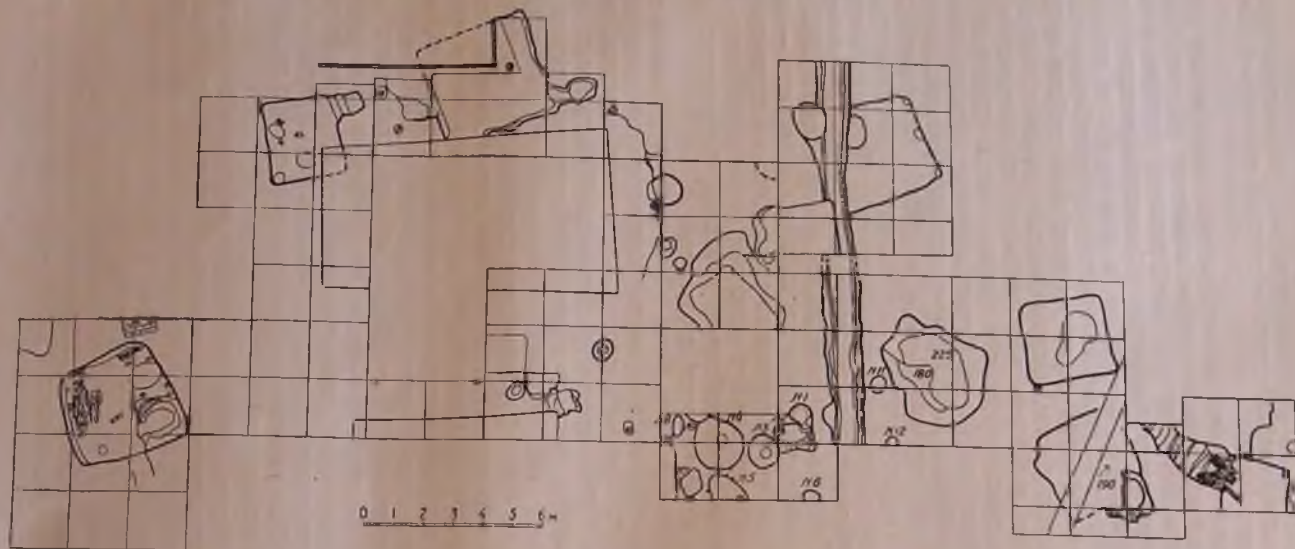

Рис. 1. План жилищ в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря.

ственно на грунте. Под печи возвышался над уровнем пола землянки всего на 0,25 м. Повидимому, под неоднократно подмазывался: он состоял из сильно обожженных слоев глины, хорошо расслаивавшихся. Под нижним слоем глиняной обмазки, непосредственно на материке, лежала битая глиняная посуда слоем от 0,10 до 0,15 м. Фрагменты керамики, частично вынутые из-под обмазки пода, по характеру обжига, форме сосудов и орнаментации очень напоминают керамику, найденную в землянках и подле них. Сохранившиеся *in situ* нижние части глинобитного

Рис. 2. Жилище I. Печь.

свода печи, а также найденные в значительном количестве обломки обвалившейся части свода позволяют полностью реконструировать не только форму печи, но и ее конструкцию. Внутри свод печи имел не ровную, а волнообразную желобчатую поверхность. Она была покрыта как бы вертикальными канелюрами (рис. 2). Эти же канелюры попадались в большом количестве и на обломках свода, найденных подле печи. Тщательное изучение поверхности этих канелюр позволило установить на поверхности глины отпечатки волокон дерева, а самая форма канелюр явно указывала на то, что они получились от выгоревшего деревянного каркаса, с помощью которого была вылеплена печь. Каркас этот делался из прутьев, выгнутых в форме полусферы. Повидимому, внутренняя поверхность деревянного каркаса была обмазана тонким слоем глины, который вскоре обваливался, и деревянный каркас выгорал, отчего внутренность печи получала желобчатую канелированную поверхность. На полу землянки и вокруг нее найдены куски обгорелого дерева и много фрагментов керамики, но ввиду плохой сохранности самой землянки найденные вещи, конечно, сохранились не *in situ*.

Соседняя с только что описанной землянка II сохранилась еще хуже. Очертания ее, однако, можно было проследить, так как темное пятно гумуса, заполнявшего углубление землянки, ясно выделялось среди материкового светложелтого лесса. Местами, по границам этого пятна, можно было проследить и куски обожженных стенок, редко *in situ*, чаще в обвале. У юго-восточного угла землянки обнаружены следы вертикально врытого деревянного столба (рис. 1).

В северо-западном углу землянки была глиняная печь. От нее сохранились только беспорядочно лежащие обломки обожженной глины. Утрамбованный и обожженный пол землянки, хорошо сохранившийся в ее средней части (перед печью), был очень твердым и напоминал под печи. Глубина землянки очень незначительна: пол ее всего лишь на 0,10—0,15 м ниже уровня окружающей поверхности. Нет никаких сомнений, что глубина землянки первоначально была значительно большей. Никаких находок *in situ* при описанном состоянии землянки, естественно, не могло быть. На полу землянки были найдены лишь незначительные фрагменты керамики, кости и обгорелые куски дерева.

К югу от землянки II была раскопана большая неправильной формы яма, безусловно естественного происхождения, глубина которой достигала 2,25 м ниже уровня современной поверхности и 1,25 м ниже уровня материка (рис. 1). Яма эта в XII—XIII вв. служила, повидимому, местом для свалки отходов, о чем свидетельствует огромное количество обломков древней керамики и еще большее количество битых костей, найденных на различных уровнях, вплоть до самого дна ямы. Поздних вещей в нижних слоях не обнаружено.

Немного южнее, поперек всей раскопанной площади, проходит канава, вырытая в материке, глубиной около 0,50 м (рис. 1). Судя по инвентарю, найденному в заполнявшем канаву гумусном слое, — это безусловно древняя канава, современная землянкам. На разных уровнях в ней были обнаружены фрагменты стеклянных браслетов, обломки древней глиняной посуды, кости и незначительное количество обломков железных предметов. Канава продолжается в обе стороны за пределы раскопанной площади.

К западу от древней мусорной ямы разведкой 1937 г. была раскрыта еще одна землянка. Землянка III представляет прямоугольное углубление, вырытое в материке (рис. 1). Стенки землянки сохранились на высоту от 0,30 до 0,45 м, пол ее находится на глубине 1,45 м от уровня современной поверхности, стены и пол обмазаны глиной и обожжены докрасна. Длина северной стенки — 3,40 м. Такую же длину имела, повидимому, и разрушенная южная стенка; длина восточной и западной не может быть точно установлена из-за разрушенности постройки. Канава, расчищенная на площади раскопок 1938 г., проходит и через всю площадь разведки 1937 г., перерезая землянку, вследствие чего южная стенка ее не сохранилась. Эта же канава разрушила частично и печь, находившуюся в юго-западном углу землянки. От печи осталась лишь часть пода, возвышавшегося над уровнем пола на 0,25 м. Размер сохранившейся части пода — 1,20 × 0,75 м. Под, повидимому, неоднократно подмазывался: обожженная глина его легко расслаивалась. Около печи сохранились обломки глиняного свода.

Внутри землянки найдено большое количество обгорелого дерева и угля от сгоревших деревянных частей. Вдоль северной стенки были

обнаружены три ямки небольшого диаметра. Две из них находились по углам, третья — в середине стены. Эти ямки сохранились от трех вертикальных столбов, стоявших вдоль стены и служивших, вероятно, для поддержки кровли. Вход в землянку, повидимому, был с южной стороны. Никаких следов от него не сохранилось, так как эта часть землянки разрушена. В заполнении землянки и особенно на полу ее обнаружено большое количество фрагментов керамики, среди которых, помимо обычной кухонной посуды, было много обломков красноглиняных амфор. В землянке и около нее обнаружены также обломки стеклянных браслетов, железные замки и ножи, в большом количестве кости различных домашних животных, рыбья чешуя и кости, зола и угли. Снаружи была найдена византийская медная монета Алексея Комнина (1081—1118 гг.). У юго-западного угла землянки находилась круглая яма полусферической формы, с необожженными стенками. Диаметр ямы — 1,45 м, глубина — 1,40 м, диаметр дна — 1,25 м. Яма, повидимому, была связана с землянкой, так как она вплотную примыкала к углу землянки или даже находилась частично на ее площади. Канава, разрушившая южную стенку землянки, перерезала северную половину ямы.

К юго-восточному углу землянки III почти вплотную примыкает большая прямоугольная яма, наполненная исключительно древним материалом. Яма эта перерезает упомянутую выше канаву, к ней вплотную с юго-востока примыкает глубокая яма естественного происхождения. Нижние слои заполнения последней дали огромное количество обломков древнего кирпича, керамики и костей.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя и прямоугольная яма и канава прорезают, то есть, другими словами, разрушают землянку III, они (особенно последняя) безусловно относятся к древней поре. Как раскопками 1937 г., так и раскопками 1938 г. было установлено, что заполнение канавы относится к периоду ни в коем случае не позже XIII в.

Восточная часть ямы не раскапывалась, так как на этом участке находилось дерево, рубка которого не была разрешена. К востоку от него был раскрыт чрезвычайно любопытный комплекс хозяйственных ям, состоящий из двенадцати хранилищ, различных по размеру и форме. Возможно, что число ям в действительности еще больше: комплекс этот явно продолжается к востоку, за границу раскопанной площади. Все ямы вырыты в материковом лессе и заполнены жирным гумусом с большим количеством находок (рис. 1).

Яма № 1. Глубина — 0,25 м, в плане круглая, форма полусферическая, на дне — мелкие кости животных и фрагменты черной керамики с линейным орнаментом.

Яма № 2. Глубина — 0,57 м, форма прямоугольная, вплотную примыкает к яме № 1. В гумусе, заполнявшем яму, много перегнившей древесины и угля. На дне — зерно и яичная скорлупа. На стенках сохранились следы бересты, которой, повидимому, была обложена яма. Во всех четырех углах ее были найдены углубления от столбиков, один из которых сохранился в юго-западном углу. От другого столбика, в юго-восточном углу, сохранились остатки на стенке между ямами № 2 и № 3. Большое количество древесины и угля, найденных в яме, свидетельствует, очевидно, о том, что она была покрыта деревянным навесом, укрепленным на четырех столбиках, который, судя по обилию угля, сгорел.

Яма № 3. Глубина — 0,63 м, в плане круглая, имеет правильную полусферическую форму. На дне — маленькое, тоже полусферическое углубление. В яме найдены фрагменты керамики, кости животных, два фрагмента амфоры XII—XIII вв., три железных гвоздя.

Яма № 4. Глубина — 0,90 м, самая большая по размеру, по форме аналогична яме № 3. В ней найдены крупные фрагменты красноглиняной (амфорной) и черной керамики XII—XIII вв., куски перержавевшего железа, кусочек мозанчной смальты, кости животных.

Яма № 5. Глубина — 0,43 м, круглая, примыкает вплотную к яме № 4. На дне найдено 19 фрагментов керамики XII—XIII вв., оселок, железный кованый гвоздь, кости животных.

Яма № 6. Глубина — 0,26 м, круглой формы. В заполнении ее найдены фрагменты керамики XII—XIII вв., обломок глиняного светильника, кости животных.

Яма № 7. Глубина — 0,25 м, неправильной овальной формы. В ней найдены мелкие фрагменты керамики и кости животных.

Яма № 8. Глубина — 0,18 м, маленькая, овальной формы. Находки очень немногочисленны: один фрагмент керамики и уголь.

Яма № 9. Глубина — 0,26 м, вплотную соприкасается с ямой № 4, небольшая, конической формы. По техническим условиям раскопана не полностью. На дне — крупные фрагменты красной (амфорной) и черной керамики.

Яма № 10. Глубина — 0,30 м, прямоугольной формы. По техническим условиям также раскопана не полностью. Найдено 45 фрагментов древней керамики.

Две ямы этого же комплекса были обнаружены к северу от канавы.

Яма № 11. Глубина — 0,30 м, круглая, небольшая. На дне — 22 мелких фрагмента керамики XII—XIII вв. и куски кирпича.

Яма № 12. Глубина — 0,45 м, круглая.

К югу от комплекса ям были обнаружены очень плохо сохранившиеся остатки землянки IV. От нее остались лишь незначительные части обожженной стенки и отличной сохранности ступени, вырезанные в лессе, обмазанные глиной и обожженные докрасна (рис. 1). Остальная часть землянки разрушена поздними ямами.

К северо-западу от этой землянки обнаружена прекрасно сохранившаяся круглая зерновая яма с хорошо обожженными глиняными стенками; на дне — остатки обгоревшей муки.

К западу от землянки IV находится огромная поздняя яма, прорезавшая не только культурные слои, но и глубоко вошедшая в материк. Яма эта полностью уничтожила большую площадь в центре исследованного участка.

К северу от северной стенки этой ямы были обнаружены очень плохо сохранившиеся остатки еще одной землянки, от которой, как и от землянки IV, сохранились вырубленные в лессе ступени, обмазанные глиной и обожженные, а также незначительная часть северной стенки (рис. 1). На линии этой стенки обнаружены два вертикальных столба, один из которых был вкопан у самой лестницы. Подле землянки V были обнаружены две небольшие ямы, одна из которых имела круглую, а другая — овальную форму.

К юго-западу от землянки V, к западу от поздней ямы, была вскрыта землянка VI, наибольшая из числа раскопанных в 1938 г. (рис. 1).

К сожалению, она не могла быть вскрыта целиком, так как юго-западная часть ее уходила под здание склада строительства. Тем не менее, раскопанная большая часть землянки позволила восстановить ее план почти полностью. Обожженная северная стенка, сохранившаяся лучше всех остальных, имела высоту до 0,73 м и длину 3,70 м. Вдоль нее лежал кусок обгорелого бревна длиной 0,63 м. Восточная, тоже обожженная стенка сохранилась на расстоянии 1,00 м от северо-восточного угла. Дальше она разрушена и прослеживалась только по границе, отделяющей гумусное заполнение землянки от материка. Западная, обожженная как и все остальные, прослежена на 0,80 м от северо-западного угла землянки, дальше она уходила под здание. Южную стенку в юго-восточном углу удалось проследить на протяжении около 0,80 м. Она сохранилась на высоту до 0,65 м. К северу от северной стенки (в северо-восточном углу землянки) к землянке примыкает продолговатое углубление, расширяющееся и несколько углубляющееся в северном конце. Длина этого углубления — 0,60 м, ширина — 0,65 м, глубина — 0,20 м; диаметр расширяющейся части — 0,90 м, глубина ее — 0,80 м. Повидимому, это какое-то приспособление для хозяйственных надобностей.

Пол землянки был утоптан и обожжен. В нижней ее части найдено большое количество обломков обожженного дерева, угля и кусков обожженной глины. Слой последней в 0,10—0,15 м лежал на полу сплошной массой. На полу же было найдено несколько фрагментов керамики и перержавевших железных предметов. Состав находок крайне беден. Так как стены землянки сохранились достаточно хорошо, скудость находок в ней говорит, повидимому, о каком-то ином назначении, отличающем ее от всех остальных землянок. Об этом же свидетельствуют и необычные размеры помещения.

У южной стенки землянки была обнаружена ступенька вырубленной в лессе лестницы, которая вела в землянку с юго-западной стороны. Найденные к югу от южной стенки два деревянных полусгнивших столбика (диаметр одного — 0,20 м, другого — 0,30 м), повидимому, относятся к отлично сохранившемуся входу в соседнюю землянку. Возможно, что они являются остатками крытого перехода, соединявшего обе землянки.

Землянка VII, раскопанная в непосредственном соседстве с землянкой VI, в отношении сохранности является одной из лучших, несмотря на то, что северо-восточный угол ее уничтожен поздней ямой (рис. 1). Сохранившиеся части стенок обнаружены на глубине 2,10 м от уровня современной поверхности. Они обожжены и хорошо сохранились на высоту от 0,60 м до 0,30 м (рис. 3). Длина северной и южной стенок — 2,90 м, восточной и западной — 2,45 м. Восточная часть северной стенки и северная часть восточной стенки уничтожены поздней ямой. Пол, хорошо утрамбованный и обожженный, находился на глубине 2,70 м. К северо-западному углу землянки примыкала отлично сохранившаяся лестница для спуска в помещение, состоявшая из трех ступенек шириной около 0,80 м, вырубленных в материке, обмазанных глиной и обожженных (рис. 4). Длина лестницы — 1,15 м. О двух столбах, связанных с этим входом в землянку, уже была речь выше.

Среди обломков обожженной глины большой интерес представляют куски с отпечатками деревянных жердей внутри, свидетельствующие о применении деревянных частей в качестве конструктивной основы глино-

битых стенок землянки. Кроме того, были найдены куски глины с желобками-канелюрами, подобные тем, которые отмечены выше при описании глинобитной печи в землянке I. В описываемой землянке печи

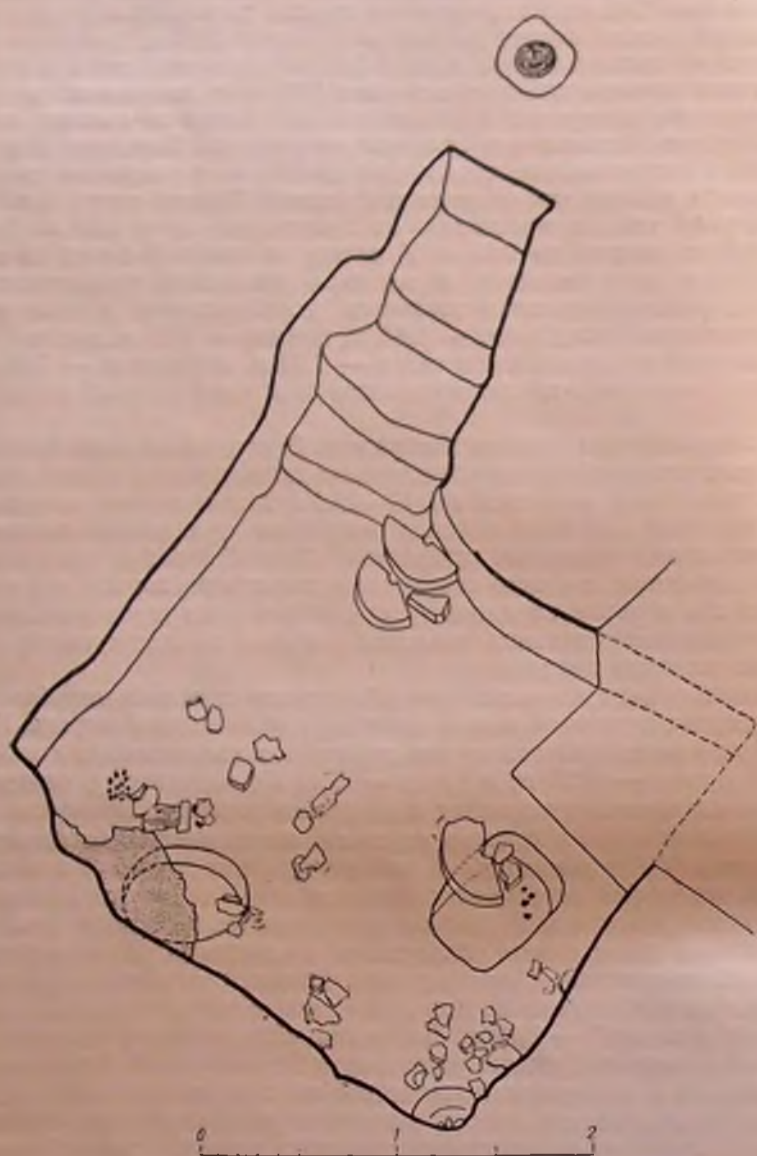

Рис. 3. Жилище VII. Аксонометрия.

нет, но возможно, что она находилась в разрушенном северо-восточном углу, и обнаруженные обломки глиняной обмазки с желобками принадлежали этой печи. Инвентарь, найденный в засыпи землянки, состоит из керамических обломков, среди которых есть несколько фрагментов

поливной керамики и обломков амфорной посуды, бесформенных кусков окислившихся и подвергшихся действию сильного огня железных предметов, несколько ручных каменных жерновов (рис. 5), костей животных и фрагментов костяных пластинок с круглыми отверстиями.

Особый интерес представляют обнаруженные на полу землянки многочисленные обрезки и заготовки каких-то маленьких медных изделий и небольшое количество готовых изделий, повидимому, украшения конской сбруи и отчасти — поясные бляшки. Число этих заготовок и обрезков настолько значительно, что заставляет предполагать наличие в зем-

Рис. 4. Жилище VII. Лестница.

лянке VII какого-то ремесленного производства, связанного с обработкой меди.

В юго-западном углу найдена куча обгорелой пшеницы, в другом месте — перегорелая мука. В полу землянки обнаружены три ямы. Первая, близ южной стенки, в 0,80 м от юго-западного угла землянки, имеет правильную овальную форму. В ней найдено несколько фрагментов толстостенного большого сосуда и значительное количество обгорелого зерна, которое, повидимому, хранилось в этом сосуде, стоявшем в углублении. В этой же яме, несколько глубже, находилось большое количество деформированных железных и медных предметов, фрагменты стеклянных тонкостенных сосудов, обломки тонкостенной глиняной посуды и слиток олова, похожий по форме на монетную гривну киевского типа.

Вторая яма была расположена в юго-восточном углу землянки. В ней и около нее найдены обломки большого толстостенного сосуда,

обломки железных предметов, куски тонких медных пластинок и несколько фрагментов амфорной керамики.

Третья яма находилась около восточной стенки. В яме обнаружены медный энколпион (рис. 15, 1), большое количество медных обрезков, деформированные железные предметы, гвозди, фрагменты керамики, обгорелое зерно и мука. Во всех трех ямах — много горелого дерева.

Рис. 5. Каменные жернова.

На юг от землянки были обнаружены обломки жернова, значительное количество керамики, в том числе древней поливной, железная стрела, фрагменты стеклянных браслетов и сосудов, стеклянные бусы.

Значительное количество медных обрезков, заготовок и готовых изделий, найденных в землянке VII, несомненно позволяют видеть в ней мастерскую по обработке меди. Однако обильные находки керамики, зерна, муки, жерновов, стеклянной посуды и прочих хозяйственных

предметов дают основания считать землянку не только мастерской, но и жилищем.

В южном конце раскопа была обнаружена последняя землянка, являющаяся памятником совершенно исключительного научного значения (рис. 1). Можно без преувеличения сказать, что по степени сохранности постройки, а особенно по количеству и сохранности инвентаря, найденного в ней, она превосходит все, что было известно до сих пор в области археологии древнерусского жилища. Как и все описанные выше, землянка VIII вырыта в лессе и сверху перекрыта мощным культурным слоем; стенки ее обмазаны глиной и докрасна обожжены. Первые признаки землянки обнаружались на глубине 1,30—1,35 м: показались разрушенные стенки из обожженной глины, куски обгорелого дерева, обломки костей животных и птиц, фрагменты керамики, куски ручных жерновов и пр. Границы землянки хорошо прослеживались благодаря красноватой полоске обожженных стенок, внутри которых лежал гумусированный слой с большим количеством обугленного дерева, угля, золы, обломков глиняных стенок землянки и многочисленного инвентаря. За пределами землянки — плотный материковый лесс.

Высота сохранившихся стенок колеблется от 0,80 до 0,20—0,25 м (рис. 6). Толщина глиняной обмазки — 0,08—0,10 м. Длина северной и южной стенок — 3,20 м, западной — 3,00 м, восточной — 3,70 м. В восточной стенке, на расстоянии 1,35 м от юго-восточного угла землянки, обнаружены следы входа. Ступенек лестницы не сохранилось, но имеющееся углубление в материке за восточной стенкой несомненно свидетельствует о существовании здесь спуска в землянку. Пол, хорошо утрамбованный и обожженный, находился на глубине 2,00 м от современной поверхности; глиняная обмазка его неоднократно подновлялась: слои плотно утрамбованной и обожженной глины легко расчленились при снятии. Засыпь, толщиной около 0,70 м, лежавшая между полом и уровнем верхних сохранившихся частей стенок, представляла обвал верхних (наземных) частей землянки, состоявший из кусков обожженной глины и обуглившегося дерева, под которым полностью сохранился весь инвентарь, находившийся в жилище в момент обвала.

В северо-восточном углу прекрасно сохранилась глиняная печь, сделанная на небольшом возвышении, поднятом над уровнем пола на 0,20 м (рис. 6). Это возвышение представляет площадку из материкового лесса, оставленного при устройстве землянки, на которой лежит слой битой глиняной посуды, покрытый сверху глиняной обмазкой, неоднократно подновлявшейся. Эта своеобразная конструкция пода печи, описанная выше еще в землянке I, была широко распространенным явлением в киевских жилищах XI—XIII вв. В некоторых случаях битая посуда заменялась битым и даже целым кирпичом.

Площадка, на которой поставлена печь, больше самой печи, края ее выступают на несколько сантиметров. Свод печи, имеющий полусферическую форму, сделан из глины на деревянном каркасе, следы которого сохранились внутри в виде вертикальных желобков-каналю (см. выше описание печи в землянке I). Верхняя часть свода обвалилась, из-за чего невозможно установить конструкцию дымохода. Нет даже возможности установить, представлял ли этот дымоход просто отверстие в своде, через которое дым выходил в землянку (топка по-черному), или же над отверстием печи устраивалась деревянная, обмазанная глиной труба, вы-

водившая дым наружу. Необходимо отметить, что печь чрезвычайно велика, особенно если принять во внимание небольшие размеры самой землянки. Размер печи (по поду): длина — 1,50 м, ширина — 1,17 м, толщина стенок свода — 0,15—0,17 м, высота сохранившихся частей свода — 0,35—0,40 м, ширина устья печи (по поду) — 0,55 м, кверху челость печи суживается. Внутри печи были найдены обгорелые кости животных и птиц, обугленные куски хлеба и два фрагмента стеклянного браслета.

Рис. 6. Жилище VIII. Общий вид после раскопок.

К западу от печи на полу землянки находились четыре неглубоких ямки небольшого диаметра, внутри которых при зачистке были найдены истлевшие остатки деревянных столбиков. Повидимому, это остатки от ножек стола. Нижняя часть еще одного столбика, несколько большего диаметра, была обнаружена в углу между печью и столом; назначение его, очевидно, связано с печью.

Внутри землянки найдено огромное количество разнообразных предметов. Поскольку наиболее существенные из них показаны на плане землянки (рис. 7), предлагаемое ниже описание предметов дается не в топографическом, а в систематическом порядке.

Эти предметы можно разделить на две группы, в первую из которых войдет разнообразный бытовой инвентарь, принадлежавший владельцам землянки, во вторую — орудия производства, сырье, полуфабрикаты и готовые изделия, характеризующие раскопанную землянку не только как жилище, но и как ремесленную мастерскую.

В первой группе предметов большой интерес вызывает прежде всего глиняная посуда. Если фрагменты ее в раскопках древнерусских городов

являются наиболее обильным материалом и число их измеряется в более или менее крупных раскопках не только тысячами, но часто и десятками тысяч экземпляров, то целые экземпляры при раскопках городищ являются единичными памятниками. Тем более ценен тот исключительный ассортимент глиняной посуды, который был обнаружен в землянке VIII.

Рис. 7. Жилище VIII. Аксонометрия.

Между четырьмя ножками стола находился большой раздавленный сосуд, который удалось полностью восстановить (рис. 8). Сосуд этот высотой в 0,62 м с диаметром горла 0,20 м содержал более пуда обгорелого зерна пшеницы. Сосуд стоял в углублении неправильной формы диаметром около 1,00 м, глубиной ниже уровня пола 0,20 м. Отверстие его было покрыто плиточным кирпичом.

Остальная глиняная посуда, найденная в землянке (рис. 8), представляет в основном тип горшка с невысоким слабо отогнутым венчиком, с одним или двумя ушками. Орнамент сосудов чрезвычайно стабильных типов: линейный, запятообразный, реже — волнистый. Все со-

суды сделаны на круге, хорошо обожжены, черепок в изломе обычно серый.

Среди этой посуды обращает на себя внимание кувшин с узким горлом и одной ручкой, покрытый светложелтой поливой (рис. 9). Существование местной поливной одноцветной керамики в Киевской земле в XI—XIII вв. в настоящее время не вызывает никаких сомнений. Многочисленные находки фрагментов поливной посуды в раскопках последних лет в Киеве и, в частности, большое количество посуды с зеленой поливой в раскопках 1938 г. не оставляют сомнений в том, что поливная керамика была местным производством, широко развитым в XI—XIII вв. Отличительной особенностью найденного в землянке кувшина является светложелтая полива, реже встречающаяся среди известных фрагментов киевской поливной керамики XI—XIII вв.

Найденный в той же землянке небольшой сосуд типа ковши или чашки с одной ручкой, украшенный орнаментом в виде запятых (рис. 10), представляет довольно распространенный в киевской керамике XI—XIII вв. тип посуды. Сосуды подобной формы встречались в раскопках Киева, Вышгорода, Княжей Горы и в ряде других городских центров Киевской земли.

Помимо описанных выше целых

Рис. 9. Жилище VIII. Кувшин.

Рис. 10. Жилище VIII. Чашка.

сосудов, в землянке найдено значительное количество керамических фрагментов. Среди них необходимо отметить целый ряд фрагментов амфорной посуды из хорошо обожженной красной глины.

Вся глиняная посуда, описанная выше, служила для варки или хранения пищи. В одном из горшков сохранились запекшиеся от сильного жара комки разварившегося пшена.

Наряду с глиняной посудой в землянке VIII найдено довольно значительное количество фрагментов разнообразной деревянной посуды. Наиболее хорошо сохранились фраг-

менты деревянного ведра, обитого железными обручами, нескольких неглубоких деревянных мисок, какой-то посуды, сделанной из лубка, двух ло-

Рис. 11. Жилище VIII. Деревянная ложка и фрагмент ведра.

Рис. 12. Жилище VIII. Железные замки.

жек (рис. 11). У одной из стенок землянки обнаружены остатки обгорелой деревянной кадушки (рис. 11) с перегоревшей рыхлой массой внутри, оказавшейся мукой. Из других деревянных вещей нужно упомянуть гребень, фрагменты деревянного предмета с одним заостренным концом и отверстием в другом конце (назначение непонятно), другой плохо сохранившийся предмет, плетенный из прутьев, и пр.

Среди хозяйственно-бытового инвентаря, найденного в землянке, необходимо, помимо посуды, отметить целый ряд железных предметов, а именно: три трубчатых замка, один из которых заперт на петле с закладкой (рис. 12), два ключа, один из которых имеет форму лопаточки, а другой — форму продолговатого стержня, значительное количество кованых гвоздей, скоба и петля, кресало, обломок ножа, железный вогнутый диск, напоминающий сковородку, и целый ряд других деформированных коррозией железных предметов.

В землянке также найдены куски кожи со следами швов (повидимому, остатки обуви), нитки, перевитые между прутьями, грубая ткань и волокно — все это в обгорелом виде; несколько фрагментов глиняного светильника (рис. 13, 14) и один совершенно целый, четыре шиферных пряслица, грузило, медная блесна и пр.

Среди предметов художественного ремесла нужно отметить несколько фрагментов стеклянных браслетов, медную фигурную пряжку со стержнем, два медных креста-энколпиона и один маленький медный крестик с утолщением на концах (рис. 15, 2—7).

К этой же группе предметов необходимо отнести еще две находки, представляющие исключительный интерес для истории киевского художественного ремесла. Подле обломков раздавленного сосуда, почти на самом дне землянки, была обнаружена медная литая лампада с рельефным изображением четырех нимбированных фигур (рис. 16). Огромные головы и руки этих фигур, беспомощность в постановке, полное непонимание моделировки одежд — все это свидетельствует о крайне примитивном, но в то же время чрезвычайно своеобразном искусстве мастера, отливавшего эту лампаду (рис. 17). В промежутках между фигурами к лампаде прикреплены оформленные в виде масок кольца для подвесок. Рядом были найдены фрагменты медной цепочки, на которой подвешивалась лампада.

Не ставя перед собой в настоящей работе задачи исследования этого крайне своеобразного памятника, считаем необходимым, однако, упомянуть, что в собрании Киевского исторического музея существует второй экземпляр такой же точно лампады, отлитой, повидимому, в той же форме, что и лампада из землянки VIII. Лампада Киевского музея¹ найдена в погребении, раскопанном в 1874—1875 гг. у местечка Тальное, Уманского района, Киевской области. Форма лампады из музея и фигуры святых полностью повторяют лампаду из землянки. На первой не сохранились только (или не были сделаны) маски с кольцами для подвески.

Не меньший интерес вызывает второй предмет, найденный у южной стенки землянки. Это — полая внутри серебряная подвеска в форме

¹ М. К. Каргер, Землянка-мастерская киевского художника XIII века, КСИИМК АН СССР, XI, 1945, рис. 8.

Рис. 13. Жилище VII. Фрагменты светильников.

Рис. 14. Жилище VIII. Светильник.

Рис. 15. Жилища VII и VIII. Кресты-энколпионы, крест-тельник и пряжка.

лунницы с геральдическим изображением парных птиц, имеющих пышные хвосты, которые переходят в ленточное плетение (рис. 18). Подвеска служила, повидимому, частью богатого конского убора.

Каким образом лампада и серебряная подвеска очутились в землянке VIII? Являлись ли оба эти предмета бытовыми вещами владельца землянки или же они были продукцией его ремесла? На эти вопросы с некоторой долей вероятности можно будет ответить несколько ниже, в связи с характеристикой целого комплекса разнообразных предметов, найденных в этой же землянке и характеризующих ее уже не в качестве жилища, а в качестве ремесленной мастерской.

Рис. 16. Жилище VIII. Медная лампада.

Среди железных предметов, помимо бытового инвентаря, описанного выше, был обнаружен целый набор деревообделочных инструментов (рис. 19), состоящий из пяти предметов, а именно: топора, сверла со втулкой для горизонтальной деревянной ручки, инструмента для очистки коры с бревна, известного в этнографическом материале под названием скобеля, со следами деревянных ручек, оправляющих его заостренные концы, инструмента, имеющего форму обоюдоострой кирки с круглой втулкой посередине, служившего, повидимому, для раскалывания дерева, и, наконец, небольшого инструмента в форме ложки с заостренными краями, предназначенного для вырезывания деревянных ложек. Любопытно, что наряду с набором деревообделочных инструментов в той же землянке были найдены три сильно стертых бруска для точки.

Если находка топора, являвшегося в древней Руси универсальным орудием городского и сельского населения, еще не может служить основанием для определения характера ремесленной деятельности владельца

Рис. 17. Жилище VIII. Медная лампада. Детали фигур.

землянки, то сочетание пяти деревообделочных инструментов (некоторые из них вообще являются сравнительно редкими находками) позволяет предположить, что обработка дерева здесь была как-то связана с ремеслом владельца землянки VIII.

Однако находки других орудий производства показывают, что было бы ошибкой считать владельца землянки простым плотником. В юго-западном углу землянки, почти на самом полу, были найдены

Рис. 18. Жилище VIII. Серебряная подвеска.

четыренадцать маленьких глиняных горшочков, внутри которых сохранились остатки различных красок. Вместе с горшочками лежала одна раковина *Unio*, на стенках которой также были следы краски. Горшочки имеют различную форму: одни передают в миниатюре форму больших глиняных горшков, другие сделаны по образцу неглубоких плошек, два из них имеют ручки различной формы (рис. 20).

Находка эта совершенно исключительна: ничего подобного среди памятников древней Руси до сих пор не было известно. Некоторые представления о процессе труда древнерусских художников давали лишь изображения художников-иконописцев за работой на миниатюрах XVI—XVII вв., но, не говоря уже о большой условности этих изображений, все они относятся к значительно более позднему времени.

Горшочки с красками, найденные наряду с инструментами по обработке дерева, позволяют, казалось бы, прийти к выводу, что в землянке жил и работал мастер-иконописец. Однако, судя по находке еще одного замечательного комплекса, в землянке-мастерской занимались не только живописью. В самом центре, недалеко от угла печи, на полу был обнаружен покрытый желтой поливой кувшин, упомянутый выше при

Рис. 19. Жилище VIII. Инструменты по обработке дерева.

Рис. 20. Жилище VIII. Горшочки с красками.

Рис. 21. Жилище VIII. Янтарь и янтарные изделия.

описании глиняной посуды. Подле него, а частично и в нем найдено 650 г янтаря (рис. 21), который представлял в большей части необработанные кусочки большого размера. Среди них находилось свыше пятидесяти полуобработанных заготовок для бус и несколько заготовок для крестиков-тельников (рис. 21). В этой же куче янтаря обнаружено несколько готовых бусин и небольшое количество бусин и крестиков, испорченных, очевидно, при обработке. Неподалеку от янтаря было найдено несколько кремней, служивших скорей всего орудиями для шлифовки. Находки янтарных изделий в древнерусских погребениях очень многочисленны, но мастерская по изготовлению янтарных бус была обнаружена до настоящего времени только один раз раскопками В. А. Городцова на городище Старая Рязань¹. По количеству материала и полуфабрикатов киевская мастерская значительно превосходит рязанскую.

Еще один предмет, хотя применение его и не выяснено, дает основание предполагать, что он также связан скорее с каким-то ремесленным производством, чем с бытовыми нуждами. Это небольшой медный сосуд с металлической ручкой в виде стержня, на который была насажена деревянная рукоять (рис. 22). Особенностью этого сосуда является своеобразная приклепка дна с помощью загнутых, переплетенных между собой краев днища и стенок. Сосуд сделан из тонкой меди и употреблялся, повидимому, для подогревания (но не плавления) какого-то материала.

Состав орудий производства, найденных в землянке VIII, позволяет установить, что хозяин мастерской занимался художественным ремеслом в его нескольких разновидностях. Серебряную подвеску от конской сбруи и медную лампаду церковного типа, вопрос о принадлежности которых был поставлен выше, также нужно, повидимому, связать не с удовлетворением личных потребностей владельца землянки, а с его производством. Находились ли эти два предмета в починке у мастера, или же они должны были пройти здесь какую-то дополнительную обработку — ответить на этот вопрос, конечно, невозможно. К этой же категории предметов, по всей вероятности, нужно отнести и медную булаву, найденную в той же землянке (рис. 23). Булава была в Киевской земле оружием довольно распространенным, как показывают находки ее на различных городищах XI—XIII вв., но едва ли можно все же предположить, что булавой располагал в качестве личного оружия средний городской ремесленник.

Необходимо сделать несколько замечаний по вопросу о разрушении землянки. Землянка, несомненно, погибла от пожара. Все деревянные предметы и деревянные части самой постройки, сохранившиеся под обвалом, несут следы сильного огня. Действию огня подверглись даже металлические предметы. Судя по огромному количеству вещей, оставшихся под обвалом, хозяин землянки не только отсутствовал во время ее гибели, но и по каким-то причинам не мог вернуться на пепелище, чтобы извлечь из-под обвала хотя бы драгоценные вещи, ставшие благодаря этому достоянием науки. Дверь жилища была заперта. Об этом свидетельствует не только сохранившийся замок, висящий на

¹ А. А. Мансуров, Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани), Исторические записки, № 12, 1941, стр. 86.

петле со скобой, но и еще один факт: на полу землянки был обнаружен полубогоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего

Рис. 22. Жилище VIII. Медный сосуд.

Рис. 23. Жилище VIII. Булава.

запертого жилища. Отдельные кости кота были найдены при раскопках Донецкого городища¹. Эти случайные находки и полностью

¹ О. С. Федоровський, Археологічні розкопки в околицях Харкова, Хроніка археології та мистецтва, I, Київ, 1930, стр. 8.

сохранившийся скелет kota из киевской землянки являются древнейшим свидетельством о существовании этого животного на Руси.

В непосредственной близости к землянке, на уровне материка были обнаружены остатки деревянного ведра с железными обручами, большой разбитый глиняный горшок, железная стрела, фрагменты амфорной керамики и сильно стертый со всех сторон камень, служивший, повидимому, для растирания красок, следы которых остались на нем.

Ценная находка была сделана поблизости от юго-восточного угла землянки. Здесь на глубине 2,15—2,30 м был раскрыт детский костяк. Череп и верхняя часть костяка не сохранились. На левой руке ребенка — три стеклянных браслета (рис. 24). Первоначальное предположение, что костяк представляет остаток разрушенного погребения, не подтвердилось. Повидимому, ребенок погиб под обвалом горящего жилища.

2.

Не ставя перед собой в настоящем отчете задачи всесторонне исследовать добытый раскопками огромный материал, считаем все же необходимым сделать некоторые предварительные замечания по основным вопросам, вызванным раскопками 1938 г.

Не может быть никаких сомнений в датировке открытого участка городского поселения. Несмотря на некоторую отмеченную выше разновременность отдельных частей раскрытого комплекса жилищ-мастерских, его необходимо отнести к одной эпохе, для определения которой основное значение имеет прежде всего массовый материал, добытый как внутри землянок, так и вне их. Среди этого материала наиболее точные указания дает огромное количество фрагментированной и значительное количество целой глиняной посуды. Тип кухонной посуды и техника ее изготовления (состав глины и обжиг) и, наконец, орнаментация не оставляют сомнений в том, что основная масса ее относится к XII — началу XIII вв. (рис. 25). Посуда аналогичной формы и техники известна в огромном количестве из раскопок на городищах Княжа Гора, Райки, Вышгород, Белгород и, наконец, на территории самого Киева. Более поздняя керамика найдена в самом незначительном количестве и только в верхних слоях; никакого слоя, который можно было бы датировать XIV—XVI вв., на раскопанной площади нет. Значительное количество керамики XVII—XVIII вв. характеризует верхние слои. Несколько тысяч керамических фрагментов, найденных в раскопках 1938 г., позволяют установить, что наиболее распространенным типом глиняной посуды, употреблявшейся в изученных нами землянках, был глиняный горшок с отогнутым венчиком, часто имеющий одно ушко (рис. 26). Орнаментация сосудов довольно разнообразна, хотя состоит из немногочисленных, повторяющихся в различных сочетаниях элементов. Наиболее часто встречающийся орнамент — волнистый, в несколько рядов, или линейный. На днищах сосудов часто встречаются клейма мастеров (рис. 27). Довольно распространенной посудой является толстостенный сосуд с узким горлом, служивший для хранения зерна и других продуктов (рис. 28). Отлично сохранившийся образец этого типа посуды был найден в землянке VIII, о чем уже была речь выше (рис. 29). Значительно реже встречаются фрагменты амфор, общее количество которых, однако, довольно значительно (рис. 30). Состав глины

Рис. 24. Кости детской руки с тремя бракетами.

Рис. 25. Раскопки в усадьбе Михайловского монастыря. Образцы керамики.

Рис. 26. Жилище VIII. Глиняные горшки с остатками пищи.

Рис. 27. Раскопки в усадьбе Михайловского монастыря. Гончарные клейма.

и характер обжига амфорной посуды резко отличаются от остальной керамики.

На всем раскопанном участке, среди десятков тысяч фрагментов, был встречен всего один фрагмент лепного сосуда, причем в верхних нарушенных слоях. В период господства лепной керамики раскопанный район явно еще не был заселен. Значительное количество фрагментов витых стеклянных и (реже) гладких браслетов подкрепляет датировку.

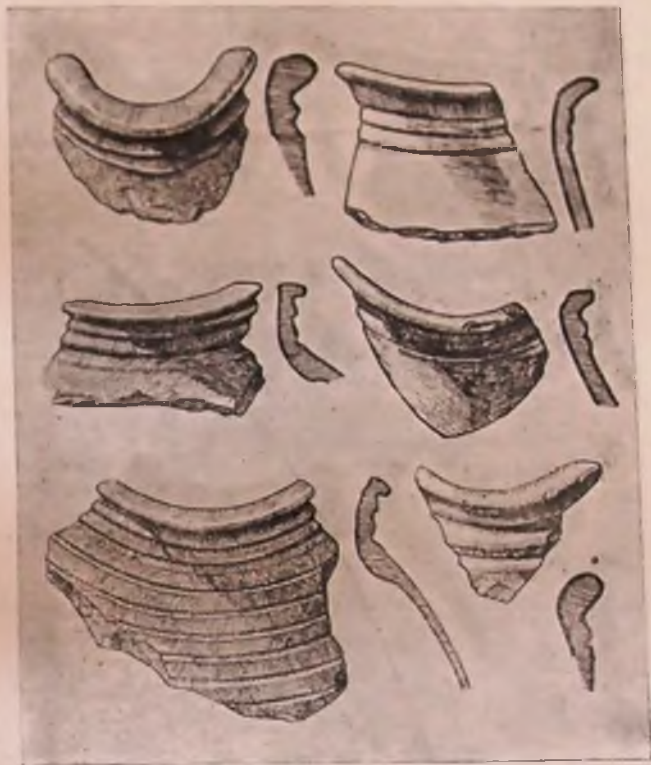

Рис. 28. Раскопки в усадьбе Михайловского монастыря.
Фрагменты больших сосудов.

причем они, как и керамика, указывают скорее на XII—XIII вв., чем на XI в., хотя подобное расчленение материалов, ввиду недостаточности наших знаний, крайне условно.

Среди единичных находок, способствующих уточнению датировки, необходимо отметить:

1) медные кресты-энколпионы из землянки VII и VIII, очень близкие к памятникам этого рода, распространенным в конце XII—XIII вв.;

2) византийскую монету 1081—1118 гг., найденную около землянки III;

3) медную булаву — оружие, широко распространенное на городищах Среднего Поднепровья в XI—XIII вв.;

4) несколько фрагментов глиняных светильников и один целый — широко распространенный предмет на городищах XI—XIII вв.

Чрезвычайно важно установить, когда и при каких обстоятельствах перестал существовать изучаемый нами район города. Выше отмечалось, что почти во всех землянках видны следы большого стихийного

Рис. 29. Жилище VIII. Сосуд, наполненный пшеницей.

пожара, уничтожившего жилища. Очень интересную картину в этом отношении позволяет нарисовать землянка VIII. Она сгорела и обрушилась явно в отсутствие хозяев. Даже запертого в землянке кота выпустить было некому. Больше того — хозяин и после пожара не возвратился на разрушенное пепелище; только этим можно объяснить значительное количество необходимых, а отчасти и драгоценных вещей, оставшихся под обвалом землянки (янтарь, серебряная подвеска, энколпионы, булава; орудия столярного производства, горшочки с красками). Выше отмечался и другой факт, установленный при изучении стратиграфии раскопанного участка. Над слоем XII—XIII вв. нет слоя XIV—XV вв. Заплывшие гумусом землянки долгое время, повидимому, оста-

Рис. 30. Раскопки в усадьбе Михайловского монастыря. Фрагменты
красноглиняных амфор.

вались нетронутыми. Они были перекрыты мощным напластованием культурных слоев только в значительно более позднее время, в XVII—XIX вв. Сопоставление этих фактов приводит к выводу, что пожар, прервавший на многие столетия кипучую жизнь этого района, был связан с разгромом Киева татарскими полчищами в 1240 г.

Как известно, в результате татарского нашествия 1240 г. старый центр Киева (Владимиров город и город Ярослава), надолго превратился в груду развалин, уступив потом место новому замку на Киселевке. Для этого района Киева характерна незначительность культурных слоев XIV—XV вв. В такой же степени разгром коснулся, повидимому, и района, вплотную примыкавшего к княжеским монастырям — Дмитриевскому и Михайловскому Златоверхому, без сомнения, представлявшим лакомый кусок для искателей богатой добычи.

Раскопанный в 1938 г. участок города представляет исключительный интерес прежде всего потому, что здесь впервые в истории археологического изучения Киева были вскрыты не отдельные жилища или мастерские, а значительный комплекс, раскопанный сплошной площадью. Благодаря этому получена возможность не только изучить структуру отдельного городского жилища-мастерской, но и поставить вопросы о планировке, сочетании этих жилищ между собой. Несмотря на недостаточные размеры раскопанной площади, можно отчетливо уловить известную систему в расположении жилищ и, в частности, устойчивую ориентацию их по странам света.

Максимальное внимание было уделено вопросам конструкции и строительной техники жилищ и мастерских. Несмотря на довольно большое количество жилищ, раскопанных как в Киеве, так и в других городах Киевской Руси, наши представления о типе и конструкции массовых жилищ XI—XIII вв. Среднего Поднепровья очень неточны и неполны. Даже важнейший вопрос — было ли массовое жилище Среднего Поднепровья в основном жилищем полуземляночного типа или же представляло наземную деревянную срубную постройку, до сих пор трактуется различно. Недостаточно тщательное наблюдение в процессе раскопок и совершенно неудовлетворительная графическая фиксация, применявшаяся археологами при раскопке жилищ вплоть до недавнего времени, очень затрудняют задачу их реконструкции. Попытки реконструкции киевских и белгородских жилищ-мастерских, сделанные в начале XX в. В. В. Хвойко, к сожалению, не сопровождались полевой графической фиксацией, что крайне затрудняет проверку построений автора.

Именно поэтому тщательно раскопанные и графически точно зафиксированные остатки жилищ-мастерских на территории Михайловского монастыря дали не только значительные новые материалы, но и позволили осмыслить и переоценить некоторые результаты предшествующих раскопок.

Судя по материалам, полученным из раскопок 1938 г., основным типом массового городского жилища даже в самом крупном городском центре Киевской земли вплоть до XII—XIII вв. продолжала оставаться глинобитная постройка полуземляночного типа. Деревянный каркас этой постройки отнюдь не может быть назван срубом. Он состоял, повидимому, из нескольких вертикальных столбов, соединенных немногочисленными, тоже деревянными перекрестиями. Каркас этот составлял

основу для глинобитной постройки, нижняя часть которой была углублена в землю на 0,30—1,00 м. Так как углубленность жилища в землю была довольно незначительна, распространенное в археологической литературе наименование этого типа жилищ „землянками“ не вполне точно и во всяком случае требует специальной оговорки. За последнее время в применении к описываемому типу жилищ получает распространение термин „полужемлянка“.

Пол и стенки вырытого в материке углубления были покрыты глиняной обмазкой. В материке же вырубались ступени схода, тоже обмазанные глиной. Глиняная облицовка стен, пола, ступеней нередко имеет явные признаки обжига. Однако до сих пор не удалось установить с уверенностью — подвергалась ли глиняная обмазка нижних частей жилища обжигу при постройке, то есть до возведения деревянного каркаса наземной части постройки, или же следы обжига в раскопанных жилищах являются результатом действия огня во время пожара, разрушившего эти жилища. Над входом нередко устраивался навес на деревянных столбах, врытых в землю. План такого полужемляночного сооружения всегда прямоугольный, чаще всего — квадратный. Размеры крайне незначительны, колебания в размерах тоже невелики. Устройство кровли, как и вообще наземных частей жилища, пока не поддается точной реконструкции. Расстановка столбов в некоторых землянках позволяет предположить двускатную, иногда односкатную кровлю.

Чрезвычайно устойчивым является устройство печи. Печь по технике сооружения в миниатюре повторяет конструкцию самого жилища. В основе ее — деревянный каркас из прутьев, обмазанный глиной. Под подом печи нередко лежит слой битой глиняной посуды или кирпичей. Не только конструкция, но и самое наличие дымоходов пока не установлено.

Подле жилища располагались ямы, служившие хранилищами для различных хозяйственных предметов и продуктов. Сверху они были, очевидно, покрыты деревянными навесами. Наименование „зерновые“, повидимому, не всегда правильно определяет их назначение. Об этом свидетельствует большое количество костей и различной посуды, найденное в некоторых ямах.

Жилища, вскрытые раскопками 1938 г., могут быть ближайшим образом сопоставлены с полужемляночными жилищами XI—XIII вв., раскопанными в разное время не только в самом Киеве, но и на городищах Княжа Гора, Витичев, Вышгород, Белгород, Райки и на некоторых других городищах далеко за пределами Среднего Поднепровья.

Нельзя не заметить, что основной тип этих жилищ почти ничем не отличается от тех полужемляночных жилищ, которые характерны для более ранних славянских поселений VIII—X вв. лесостепной полосы Восточной Европы. Жилища такого полужемляночного типа, раскопанные на городище Монастырище, на городищах у с. Петровское, у с. Опощня, некоторые землянки Донецкого городища, относящиеся к VIII—IX вв., чрезвычайно близки к массовым жилищам XI—XIII вв. Киева, Княжей Горы, Вышгорода и других городов Среднего Поднепровья.

Тип полужемляночного глинобитного жилища уходит своими корнями в далекое прошлое этого района. Полужемлянки подобного типа, чрезвычайно близкие к только что описанным и по размерам, и по

плану, и по техническим особенностям, были, повидимому, широко распространены здесь еще в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. В поселениях, относящихся к эпохе так называемых „полей погребений“, наряду с наземными, были обнаружены также жилища полуземляночного типа, близко напоминающие жилые постройки как городищ Среднего Поднепровья VIII—X вв., так и крупнейших городских центров Киевской земли XI—XIII вв. Этот факт не только является лучшим доказательством автохтонности славянского населения Среднего Поднепровья, но и свидетельствует о глубоких местных корнях культуры Киевской Руси.

Результаты раскопок 1938 г. не ограничиваются, однако, одними только новыми данными по истории жилища. Раскопанный в 1938 г. комплекс жилых и производственных сооружений дал богатейший материал для истории ремесленного населения Киева в XII—XIII вв. Комплексы вещей, обнаруженные в землянках и вне их, дают наглядное представление не только о быте, но и о многообразных видах производства городских ремесленников.

Наряду с материалами, полученными из раскопок В. В. Хвойко в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского, Д. В. Милеева в 1908—1914 гг. — на территории усадьбы Десятинной церкви и Института археологии в 1936—1937 гг. — в усадьбе Художественной школы (бывшая усадьба Петровского), разнообразнейшие памятники материальной культуры, добытые в 1938 г., свидетельствуют о высокой городской культуре Киева XII—XIII вв. накануне татарского нашествия.

II. РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ (1938—1939 гг.)

1.

Развалины Десятинной церкви вот уже более ста лет привлекают к себе внимание исследователей. Древнейший памятник каменного зодчества и монументальной живописи на Руси — Десятинная церковь являлась крупнейшим центром древнего Владимирова города, вокруг которого была ключом яркая, интенсивная жизнь столицы Киевской Руси в эпоху ее расцвета.

Окруженная княжескими дворцами, холопскими ремесленными мастерскими, Бабиным Торжком с античными статуями, Десятинная церковь, несомненно, была в X — начале XI вв. крупнейшей и наиболее пышно оформленной постройкой Владимирова города.

Эта роль крупного городского центра несколько уменьшилась в 30-х годах XI в. после расширения городской территории при Ярославе и, в частности, после постройки в новом городе Софийского собора и княжеских Георгиевского и Ирининского монастырей. Но и тогда роль Десятинной церкви все еще оставалась очень значительной.

Летописные свидетельства сообщают о постройке церкви и о ее дальнейшей судьбе следующие немногочисленные факты. В 989 г. „...Володимер живяше в законе хрестыянсте помысли создати церковь пресвятыя Богородица и послав приведе мастера от Грек. И начен-шю же здати и яко сконча зижа, украси ю иконами и поручи ю Анастасу Корсунянину и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдав ту все, еже бе взял в Корсуни: иконы и съсуды, и кресты“¹.

Летописное сообщение о вызове мастеров-строителей „от Грек“ подтверждается найденными при раскопках кирпичами с греческими надписями-марками. Однако находки кирпичей с княжеским знаком Владимира свидетельствуют о несомненном участии и русских строителей в этой древнейшей каменной постройке Киева.

Через семь лет, в 996 г., постройка была закончена. Владимир поручил церковь Анастасу Корсунянину, даровав ей „десятину“, отчего она

¹ Лаврентьевская летопись, 6497 (989) г.

и получила свое наименование, более распространенное, чем собственное имя церкви, по поводу которого существуют различные мнения. Древние источники обычно называют церковь „Богородицей“, не определяя, какому празднику она была посвящена. Дальнейшие летописные свидетельства сообщают о вторичном освящении церкви в 1039 г., что, как будет показано ниже, необходимо связать с крупной перестройкой ее, повидимому, после пожара 1017 г. Многочисленные упоминания церкви в связи с погребениями в ней знатных людей приводятся ниже.

В XII—XIII вв. Десятинная церковь дважды подвергалась жестокому разгрому со стороны русских князей, боровшихся за Киевский стол. 8 марта 1171 г. сын владимирского князя Андрея Боголюбского Мстислав взял Киев штурмом, „...и грабиша за два дни весь град: Подолье и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу...“¹.

2 января 1203 г. аналогичному разгрому подверг Киев князь Рюрик Ростиславич: „...не токмо одну Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицу разграбиша, и монастыри все, и иконы одраша, а иные поимаша, и кресты честные, и съсуды священные, и книги, и порты блаженных первых князей, еже бяху повешали в церквах святых на память себе...“².

Оба эти разгрома ограничивались, однако, грабежом и разрушением внутреннего убранства, накопленного за целое столетие существования храма. Само здание церкви едва ли получило существенные повреждения.

В 1240 г. Киев был взят татарскими полчищами Батыя. После сдачи первой линии крепостных сооружений киевляне укрепились в стенах Владимирова города (то есть вблизи Десятинной церкви). Массы людей, спасаясь от татар, по рассказу летописца, забрались „на комары церковные и с товары своими; от тягости повалишася с ними стены церковные“. Однако вряд ли можно согласиться с этим объяснением причины разрушения здания. Едва ли падение церкви произошло только от большого количества людей „с товара“, забравшихся „на комары“ церковные (то есть своды). Повидимому, татары, осаждая церковь, применили здесь ту же, что и при взятии городских стен Киева, описанную летописцем стенобитную технику („пороком же беспрестани быющим день и ночь, выбиша стены“). Но так или иначе, древнейшая киевская каменная церковь, просуществовав около двух с половиной столетий, превратилась в груду развалин.

В течение четырехсот с лишним лет Десятинная церковь представляла собой руины, окруженные горами щебня, кирпича и камня, которые постепенно растаскивались жителями для своих хозяйственных надобностей. В таком именно виде застал ее в первой половине XVII в. Петр Могила³.

¹ Ипатьевская летопись, 1171 г.

² Лаврентьевская летопись, 1203 г.

³ В начале XVII в., то есть еще до Петра Могилы, существовала какая-то деревянная церковь Николы Десятинного, принадлежавшая униатам. О ее существовании известно из „Краткого исторического описания Киево-Печерской лавры“, изданного в 1795 г., где сказано: „Митрополит Петр Могила, имея обыкновение посещать св. храмы каждую субботу, в некое время пошел в церковь святителя Николая, остав-

Составитель Патерика Печерского митрополит Сильвестр Коссов в предисловии к книге писал, что „от древней Десятинной церкви, находящейся недалеко от бывших Градских врат Киевских до времен Петра Могилы, в 1635 году оставались собственно только развалины, и стоит часть одной стены, едва выдавшейся на поверхность“¹. По словам Коссова, Могила „приказал Десятинную церковь пресвятой Девы выкопать и открыть дневному свету“².

Из приведенных известий явствует, что в 1635 г. развалины Десятинной церкви подверглись первым раскопкам. Это были вообще первые раскопки на территории Киева, которые, конечно, преследовали отнюдь не научные цели. Однако ошибочно было бы думать, что Могила хотел разобрать горы щебня, кирпича и камня только для того, чтобы на месте развалин соорудить новую церковь. Раскопки и реставрационные работы Петра Могилы имели несомненную связь с церковно-политической борьбой, развернувшейся на Украине в XVII в. между православной и униатской церквами.

Являясь ставленником шляхетской Польши в Киевской митрополии, Петр Могила вместе с тем отстаивал классовые интересы украинской шляхты, недовольной Брестской церковной унией 1596 г. В доказательство своих прав и привилегий противники унии часто ссылались на древность православной религии на Руси, что делает понятным их повышенный интерес к церковной старине.

Петр Могила проявлял особый интерес к реставрации церковей, которые в ту пору связывались с деятельностью Владимира (Десятинная церковь, Трехсвятительская церковь и церковь Спаса на Берестове). В настоящее время с несомненностью доказано, что две последние не имеют отношения к строительству Владимира, однако не только в XVII в., но и в течение всего XIX в. сооружение их приписывалось именно Владимиру. Все эти работы и, в частности, раскопки Десятинной церкви должны были подчеркнуть исконность, древность киевского православия и его восточно-византийское происхождение.

Ко времени Петра Могилы от Десятинной церкви был виден из-под груды развалин только ее юго-западный угол. Боплан свидетельствует,

щуюся по разорении Батышом от великия, называемая Десятинная церковь...“ (стр. 80). Н. Закревский (Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 282) подверг это известие сомнению, но позднейшие архивные разыскания П. Г. Лебединцева и С. Т. Голубева подтвердили его (П. Г. Лебединцев, Почему Десятинная церковь известна в народе под именем Десятинного Николая, Киевская старина, № 8, 1883; С. Т. Голубев, Материалы для истории западно-русской церкви, Чтения в Обществе Нестора-летописца, кн. V, Киев, 1891, стр. 223, и его же Историко-топографические исследования о древнем Киеве, там же, кн. XIV, Киев, 1900, стр. 23—24). Эта деревянная церковь была в 1636 г. разобрана Петром Могилой. По словам униатов, Могила „мощно... квалтом... наехавши на церковь св. Микола, назв. Десятинною, з довечных веков при Митрополите Киевском в унии будущую, на предместьи Киевском на горе Софийской, в паркане самом бузаваню, которую церков роскидати розказал...“ (Чтения..., кн. V, стр. 223).

¹ Była ta cerkiew wedle Bramy terazniejszej Kiowskiéy, na gorze stojącey, ale oney, dla spuszczenia częstego Kiowa, mianowicie od Battyja Tatarzyna, ledwo szmat muru wyniosłego stoi“.

Patericon, abo Żywoty s.s. Oycow Pieczarskich et cet, w Kijowie, roku 1635, стр. 16.

² „Ten cerkiew Naiswiętszey Panny Dzieśięcinną przy bramie Kiowskiej będąca, teraz z ziemnych ciemności wykopać kazal y swiatłosci dniowej wygrzebiona podać“.

ibid, стр. 181.

что „полуразрушенные стены храма (он ошибочно называет эти развалины храмом св. Василия!), вышиной от 5 до 6 футов покрыты греческими надписями; сии надписи вырезаны более нежели за 1400 лет перед сим (Боплан, очевидно, считал, что храм сооружен ранее III в.) на алебастре, но время почти совершенно их сгладило“¹. Боплан отмечал, между прочим, что „в развалинах открывают гробницы многих русских князей“².

Очистив площадку от строительного мусора, Могила соорудил в юго-западном углу древней постройки небольшую церковь, используя для этого часть древних стен. Могила, повидимому, не удалось закончить строительство, так как в его завещании мы читаем: „...на окончание церкви, называемой Десятинною, которую я начал возобновлять, дабы до конца восстановлена была, назначаю и отписываю из ларца моего наличными тысячу золотых“³. Возможно, что церковь была закончена в 1654 г., когда московский гарнизон, занявший Киев, освятил ее⁴. Ф. Эрнст⁵ предполагал, что в это время церковь была несколько расширена переделкой западного притвора по образцу русской „трапезы“. Тогда же, по его мнению, церковь сделали двухэтажной с приделом Петра и Павла наверху.

С. Т. Голубев приводит сведения „Росписного списка Киева 1700 г.“, где в числе сделанного за прошлые годы указывается: „...к ней (каменной Десятинной церкви) приделана трапеза деревянная, да вверху придел св. верховных апостолов Петра и Павла“⁶.

В 1758 г. церковь реставрировалась на средства кн. Н. Долгорукой⁷. Во время этой реставрации, по свидетельству И. Леванды, „слова греческие, изображенные на внешней стене между большими, круглыми, муровленными украшениями, представляющими опоясание верхней церкви, сбиты работниками для беления“⁸.

Есть известие об открытии под штукатуркой южной стены греческих литер около 1771 г.⁹. Возможно, что в 1758 г. буквы были не сбиты, а только заштукатурены.

Церковь Петра Могила занимала только юго-западный угол древней церкви, представляя в плане удлиненный прямоугольник с граненой апсидой. Средняя часть церкви имела вид башни с четырехгранным шатровым верхом, на котором находился деревянный граненый барабан с грушевидной главкой. С запада, судя по рисунку 1651 г. на панораме Киева, к церкви примыкал деревянный притвор, увенчанный второй главой или звонницей над ним.

¹ Собрание материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, Киев, 1874, стр. 44.

² Там же, стр. 44.

³ Цитируется по Н. Закревскому, Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 283.

⁴ Н. Н. Оглоблин, Из архивных мелочей о Киеве XVII в., Киевская старина, 1889, май—июнь, стр. 578.

⁵ Ф. Ернст, Київська архітектура XVII віку, Київ та його околиця, Київ, 1926, стр. 153.

⁶ Чтения в Обществе Нестора-летописца, кн. VI, Киев, 1892, стр. 75.

⁷ Н. Б., Десятинная церковь, Киевская старина, 1888, июль, стр. 6.

⁸ С. Т. Голубев, Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, II, Киев, 1898, стр. 433.

⁹ Краткое историческое описание Десятинной церкви в Киеве, СПб., 1829, стр. 8, то же во 2-м изд., Полтава, 1849; Ср. Орловский, Церковно-археологическая заметка, Труды Киевской духовной академии, 1910, сентябрь.

Судя по старому рисунку, Могила, ограничившись постройкой церкви в юго-западном углу древних развалин, не осуществил своего намерения выкопать Десятинную церковь и „открыть ее дневному свету“.

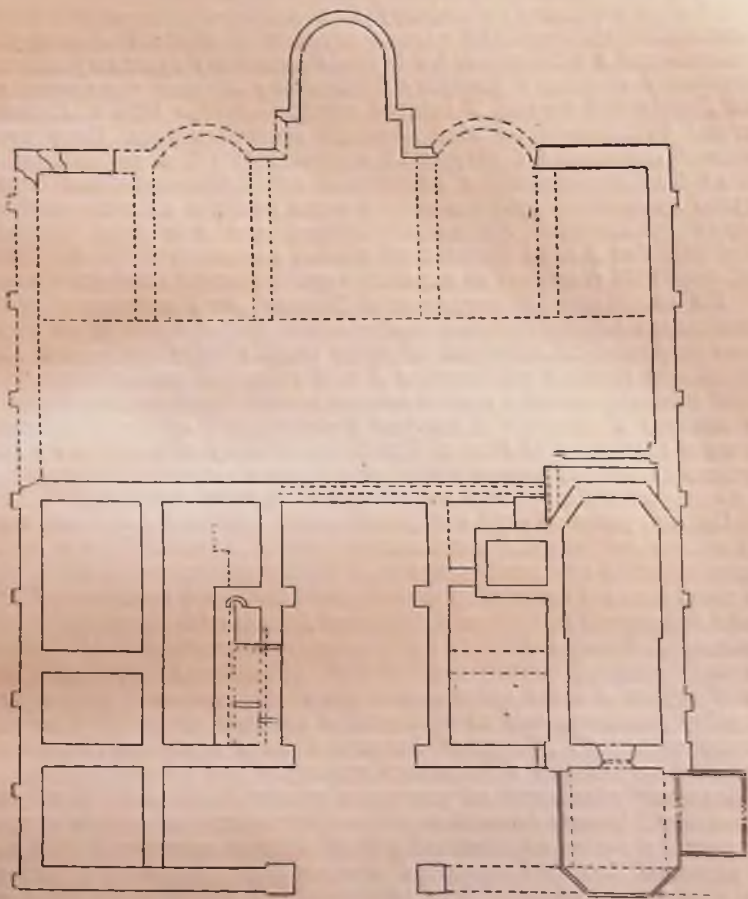

Рис. 31. План Десятинной церкви (по раскопкам К. Лохвицкого). Музей Академии художеств СССР.

Вокруг Могилянської церкви ще в началі ХІХ в. лежали груды развалин, заросшие травой и кустарником.

2.

В 1820 г. А. С. Анненков — богатый курско-орловский помещик, сосланный „по высочайшему повелению“ в Киев за жестокое обращение

с крепостными, — возымел желание на собственные средства „возобновить“ древнюю церковь, то есть по тогдашним понятиям о „возобновлении“, выстроить новую церковь на старом месте. Однако он не спешил приступать к выполнению своего „обета“.

Вскоре на киевскую кафедру был назначен митрополит Евгений (Болховитинов), известный своими трудами в области древнерусской письменности и археологии. Он поручил киевскому археологу-дилетанту, отставному чиновнику Ксандрату Лохвицкому открыть фундамент древней Десятинной церкви. В течение октября—ноября 1824 г. Лохвицкий открыл фундаменты на всей площади древней церкви. План церкви, „снятый Лохвицким с натуры 25 ноября 1824 г.“, в следующем 1825 году¹ был опубликован в мартовской книге Отечественных Записок. Трудно представить себе что-нибудь менее похожее на подлинный план старых фундаментов Десятинной церкви, чем этот план Лохвицкого (рис. 31). Как и план Ирнинской церкви, раскопанной тем же Лохвицким, план 1824 г. не дает ни малейшего представления даже о типе здания.

По распоряжению митрополита Евгения „весь снимаемый щебень складывался бережно вблизи фундаментов, чтобы после, через просеивание увериться, не отыщутся ли какие вещи. Между тем народ, многочисленными толпами стекавшийся к этой раскопке, хватал мозаику, обломки мрамора, яшмы и разные мелкие камни. Серебряники оправляли эту мозаику и камешки в золотые и серебряные крестики, продавали народу и разсылали по России. Пришлось на зиму испрашивать у гражданского начальства караул и оградить церковь тыном“². Начатые работы по изучению Десятинной церкви так и не были закончены.

Однако, узнав об этих открытиях, вновь появился Анненков, теперь уже весьма озабоченный выполнением своего „обета“. По его предложению киевский городской архитектор Меленский вскоре „спроектировал план, фасад и профиль трехпрестольной церкви с колокольней“. Чертежи с прошением Анненкова и прихожан Десятинной церкви были представлены 1 февраля 1825 г. на утверждение митрополиту Евгению, который ответил, „что как камни фундамента древней Десятинной церкви и часть мозаического пола уже открыты, то посему он постройку дозволить сам не решается, а намерен довести сие до высочайшего сведения“. „Усердие“ Анненкова было одобрено Николаем I, а чертежи направлены в Академию художеств для рассмотрения.

Академия художеств не утвердила проект Меленского и поручила архитектору Ефимову сделать новый, освидетельствовав остатки древнего фундамента и месторасположение церкви. Ефимов произвел в 1826 г. новые раскопки. Судя по описанию довольно многочисленных находок, причем не только крупных (как гробницы), но и мелких (монеты, кресты, перстни, серебряные слитки и пр.), раскопки Ефимова были более тщательными. Это отчетливо видно и по чертежу Ефимова, опубликованному в 1829 г.³ Правда, и этот чертеж весьма далек от современных научных требований. Он, как показали впоследствии раскоп-

¹ План первобытной Киевской Десятинной Богородицкой церкви, с объяснениями оного, Отечественные Записки, ч. 21, кн. 59, 1825, март, стр. 3.

² Отечественные Записки, ч. 21, кн. 59, 1825, март, стр. 380.

³ Краткое историческое описание Десятинной церкви в Киеве, СПб., 1829, приложение.

ки Д. В. Милеева 1908—1911 гг. и наши 1938—1939 гг., не точен в деталях, но по нему все же можно понять хотя бы основные особенности структуры здания (рис. 32). Из чертежа Ефимова явствует, что многие

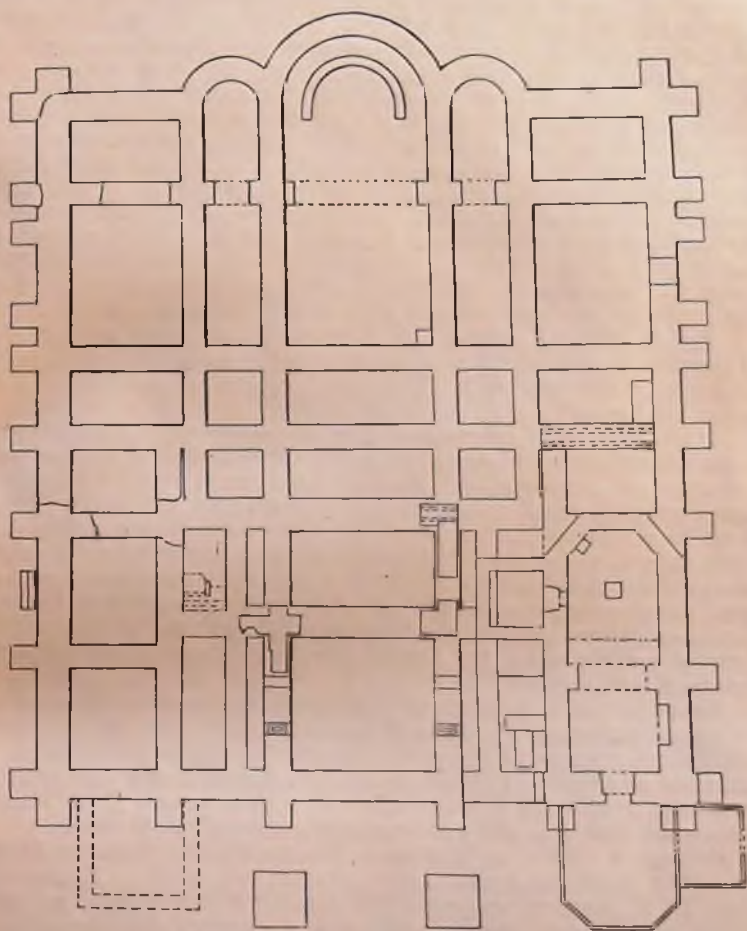

Рис. 32. План Десятинной церкви (по раскопкам Ефимова). Музей Академии художеств СССР.

части стен ко времени раскопок сохранились только в виде рвов от фундаментов; это подтвердилось и более поздними раскопками. Однако из этого же чертежа видно, что некоторые части фундамента, отмеченные Ефимовым как существующие, к началу XX в. уже не существовали.

Сопоставление планов Лохвицкого и Ефимова явилось лишним до-

казательством фантастичности первого из них. Когда это обстоятельство было отмечено в рецензии на книгу „Краткое историческое описание Десятинной церкви“, напечатанной в № 11 „Московского Телеграфа“ за 1830 г., Лохвицкий опубликовал ответ, в котором не только утверждал, что план Ефимова есть „мечтательный, выдуманный“, но и стремился всячески дискредитировать работу Ефимова в Киеве. Лохвицкий обвинял Ефимова не только в том, что план, снятый с древних фундаментов, был им „приспособлен“ к плану новой церкви, спроектированной им еще до приезда в Киев. Он утверждал даже, что Ефимов „истреблял в натуре“ те части здания, которые „не согласовывались“ с его планом (в частности, мозаики пола)¹. Со слов Лохвицкого Закревский также утверждал, что „на своем чертеже древней церкви Ефимов показал то, чего не было в действительности, и это для того, чтобы древний фундамент приурочить к своему проекту новой церкви, который однако не имел успеха“². Последующие раскопки и исследования памятника не оставляют сомнения в том, что „мечтательным“, не соответствующим действительности был именно план Лохвицкого.

Новый проект Ефимова, как и проект Меленского, не был принят Академией художеств. По повелению Николая I сооружение церкви было поручено архитектору В. П. Стасову, проект которого и был „высочайше утвержден“.

В соответствии со стасовским проектом — одним из наиболее ранних произведений ложного „русско-византийского“ стиля — предполагалось сохранить две стены древнего храма, но позже это сочли технически несуществующим, и по распоряжению строительного комитета древние стены были сломаны до основания. Фундаменты южной и западной стен были, однако, сохранены, и на них возведены новые стены. Постройка продолжалась с 1828 до 1842 г. Грузное, безвкусное сооружение (рис. 33) почти на столетие скрыло под собой остатки древнейшего памятника русского зодчества. Наблюдения и чертежи Лохвицкого и Ефимова оставались в течение почти 100 лет единственным источником наших представлений о памятнике.

После раскопок Лохвицкого и Ефимова археологическое исследование памятника было продолжено лишь почти 90 лет спустя. Начиная с 1908 г. на территории Десятинной церкви развернулись большие, рассчитанные на несколько лет раскопки Археологической комиссии, под руководством сначала Б. В. Фармаковского и архитектора Д. В. Милеева, а несколько позже — под руководством одного Д. В. Милеева.

Начатые в 1908 г. на восточном участке бывшей усадьбы Десятинной церкви раскопки продолжались вплоть до 1914 г. Неожиданная смерть Д. В. Милеева прервала эти работы. К сожалению, по той же причине, огромные материалы, собранные в процессе многолетних исследований, остались не только не опубликованными, но и не разобранными. Что касается всей отчетной документации работ 1908—1914 гг., то она бесследно пропала, если не считать кратких информаций, печатавшихся в отчетах Археологической комиссии. В архиве этой комиссии удалось найти лишь большое количество непаспортизованных негативов и часть не вполне законченных чертежей, которые, впрочем, удалось закончить.

¹ К. Лохвицкий, О плане древней Десятинной церкви, Галерея киевских достопримечательных видов и древностей, тетр. VI, 1857, стр. 40—42.

² Н. Закревский, Описание Киева, М., 1, 1868, стр. 288.

Недавно небольшую партию негативов милеевских раскопок приобрел Киевский исторический музей.

Раскопки Археологической комиссии охватили не только территорию самого храма. Начав с исследования восточного и северного участков древней церкви, Милеев вскоре охватил исследованием и территорию, примыкавшую к южной стене, раскрыв фундаменты большой гражданской постройки дворцового характера, а также территорию бывшей

Рис. 33. Десятинная церковь, выстроенная по проекту арх. В. П. Стасова.

усадьбы Трубецкого на противоположной стороне Владимирской улицы и, наконец, территорию, примыкавшую к усадьбе Десятинной церкви с запада (Десятинный переулок и усадьба Крестьянского банка).

Несмотря на то, что Милееву пришлось изучать Десятинную церковь в значительно худших условиях, чем исследователям начала XIX в., он впервые добыл точные и — для той поры — исчерпывающие данные для характеристики памятника. Трудность работы Милеева заключалась в том, что большая, в том числе вся центральная часть древней постройки находилась под новой, выстроенной Стасовым церковью. Милеев имел возможность подвергнуть изучению лишь те части древнего здания, которые выходили за границы новой постройки. Уже из планов начала XIX в. можно было установить, что новая церковь значительно уступала

древней по размерам. Из описаний начала XIX в. было известно, что новые, южная и западная, церковные стены стояли на старых фундаментах южной и западной стен древней церкви. Руководствуясь именно этими данными, Милеев начал исследование у юго-восточного угла стасовской церкви. Предварительное изучение фундаментов этого угла позволило с несомненностью установить, что южная стена новой церкви построена действительно на древнем фундаменте, восточная же (как известно, в новой Десятинной церкви апсид не было) — на новом фундаменте, заложенном на 0,80 м глубже древнего. Бутовая кладка этого фундамента сделана впритык, без перевязи со старым и выведена до уровня поверхности древнего фундамента, а затем как на новом, так и на древнем был возведен фундамент новой кирпичной кладки (15 рядов). Поверх нее проходил цоколь стасовской церкви¹.

Установив соотношение между новой и древней церквами, Милеев заложил свой первый раскоп шириной в 2,40 м вдоль восточной стены новой церкви, на расстоянии 3,40 м от нее. Впоследствии раскоп был распространен на весь восточный участок усадьбы Десятинной церкви до забора, отделявшего эту усадьбу от знаменитой усадьбы Петровского, на территории которой в 1907 г. провел раскопки В. В. Хвойко.

Первая восточная траншея позволила определить как характер культурных наслоений, так и состояние древнего памятника². После снятия дерна и рыхлого чернозема на глубине 0,30 м был встречен слой желтого, чистого лесса (Милеев ошибочно называет этот лесс глиной), залегавшего по всей площади восточной траншеи на глубину около 0,50 м; глубже он переходил в слой чернозема, перемешанного с тем же лессом. Милеев правильно установил, что этот слой представлял собою грунт, выброшенный во время земляных работ при прокладке рва для нового фундамента восточной стены церкви, построенной Стасовым (1828—1842 гг.). Сначала из глубины рва был выброшен верхний слой чернозема (лежавший в траншее внизу), а затем — желтый материковый лесс, который очутился таким образом наверху. Слой этот прослеживался только вблизи фундамента церкви XIX в.

Под этим слоем был встречен следующий, резко отличавшийся от предыдущего, более слежавшийся чернозем, густо перемешанный с массой мелких кусочков цемянки (известковый раствор с мелко толченым кирпичом), примесь которой придавала чернозему серый цвет. В этом же слое встречались куски тонкого кирпича (плинфы), фрагменты фресок и т. п.; наряду с этим были найдены предметы и более поздние (XVI—XVII вв.).

По снятии этого слоя серого чернозема на глубину до 0,50 м стало ясно, что местами он лежал на другом, совершенно от него отличавшемся, очень плотном чистом черноземе, местами же под ним лежал вглубь почти сплошной щебень.

Выбирая этот щебень и не трогая в то же время слоя плотного чернозема, исследователь вскоре смог установить, что щебень заполнял рвы от древних фундаментов, бутовая кладка которых была уже почти полностью выбрана, а образовавшиеся таким образом углубления — заполнены более мелкими остатками (щебнем) разрушившейся древней

¹ ОАК за 1908 г., СПб, 1912, стр. 134.

² Там же, стр. 136.

церкви. Слой, заполнявший рвы, состоял в основной своей массе из древнего тонкого плиточного кирпича разной формы, кусков известкового раствора с цемянкой, значительного количества фрагментов фресок, фрагментов мраморных плит с резьбой, кусков кварцита, мозаичной смальты и более поздних предметов XVI—XVII вв. (посуда, кафли).

Только в немногих местах, отмеченных ниже, в рвах сохранилась кладка фундаментов *in situ*. Выборка щебня, заполнявшего рвы, позволила полностью установить план восточной части древней церкви (рис. 34—35). Выяснилось, что древняя Десятинная церковь заканчивалась

Рис. 34. Фундаментные рвы апсид Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милеева).

с восточной стороны тремя полуциркульными апсидами, средняя из которых выступала на восток несколько более, чем боковые. Рвы от продольных фундаментов шли на запад, уходя под новую церковь. С юга и севера к апсидам примыкали прямоугольные пристройки, по ширине немного уступавшие центральной апсиде и значительно превышавшие ширину боковых. На углах эти пристройки имели мощные лопатки, выступавшие на восток, север и юг. Южная стена южной пристройки, дойдя до новой церкви, уходила под ее южную стену и дальше не могла быть прослежена. На расстоянии 2,0 м от новой церкви к фундаменту древней южной стены примыкает поперечный фундамент, соединяющий южную стену с южной апсидой. На наружной поверхности южной стены это место отмечено мощной лопаткой. На восточной и западной поверхностях самого поперечного фундамента ясно видны две лопатки, делящие эту поперечную стену на две неравные части. Этот участок здания сохранился лучше всего. Фундамент поперечной стенки и примыкающий

Рис. 35. Фундаментные рвы апсид Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милсева).

Рис. 36. Часть фундамента юго-восточного угла Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милсева).

к нему с запада участок южной стены сохранились *in situ* (рис. 36). Части древних фундаментов, кроме того, были найдены Милеевым еще в трех местах: южная лопатка восточной стены, вторая с востока лопатка северной стены и северный угол западной стены. Во всех остальных рвах камни фундаментов оказались полностью выбранными и на дне их везде обнаруживались крепкие известковые подошвы, служившие основанием для кладки фундаментов и оставшиеся неразбитыми при выемке бутровой кладки. Известковые подошвы лежали на глубине 2,60 м от современной поверхности земли.

Есть все основания думать, что камни фундаментов были разобраны еще до начала XIX в., так как они представляли собой прекрасный строительный материал (красный кварцит). Планы и описания Десятинной церкви, составленные в первой половине XIX в. Лохвицким и Ефимовым, указывают на отсутствие фундаментов в восточной части церкви и лучшую сохранность ее западных частей, вследствие чего восточная часть на этих планах показана очень приблизительно и неверно.

Начатое в том же году и продолженное позже исследование северной стены позволило установить, что древняя северная стена находилась на расстоянии 4,00 м от новой. Фундаменты ее были также полностью вынуты, за исключением отмеченной выше второй (с востока) лопатки, сохранившейся *in situ*.

Рвы от фундаментов северной стены были заполнены, как и рвы восточной части, щебнем и цемянкой древней церкви. Тем не менее, рвы и сохранившаяся на дне их известковая заливка позволили восстановить более или менее точный план северного нефа церкви (рис. 37).

После установления конфигурации рвов апсидных полукружий, их точных обмеров и изучения приступим к изучению слоев земли, в которой они залегали. Верхние слои были рыхлые и заключали в себе массу кусков щебня, извести и других предметов. Нижние слои, в противоположность верхним, характеризовались большей плотностью чернозема и незначительным количеством встречаемых находок. Вскоре удалось установить некоторое различие между плотным черноземом, лежащим в пределах апсид, и черноземом вне их.

Земля внутри трех полукружий оказалась насыпной. Это был пестрый чернозем, смешанный с лессом и крепко слежавшийся; в нем попадались также камни яркожелтого очень рассыпчатого песчаника. По снятии этого слоя на всем пространстве между тремя апсидами была обнаружена сплошная известковая заливка (рис. 38), растрескавшаяся, местами продавившаяся. В этих местах заливки оказались пустоты со следами совершенно истлевшего дерева и с ясными отпечатками деревянных балок (толщиной 0,15 м).

Д. В. Милееву удалось проследить целый ряд параллельно лежащих деревянных бревен, совсем истлевших, но ясно различимых по оставшимся от них пустотам и черной деревянной трухе. Под этим верхним рядом бревен был прослежен второй ряд, лежавший перпендикулярно к первому; бревна в нем, так же, как и в первом, располагались параллельно. Ввиду того, что нижние ряды бревен тоже совершенно истлели, изучение их представляло большие трудности. Тем не менее очень осторожная расчистка показала, что они были уложены непосредственно на материковый лесс, а промежутки между ними заполнены мелким желтым песчаником с известковой заливкой. При этом был обнаружен

целый ряд деревянных кольев, вбитых в материковый грунт. Колья, в сечении квадратные, находились в промежутках между бревнами. Толщина всей этой сложной подготовки была около 0,25 м.

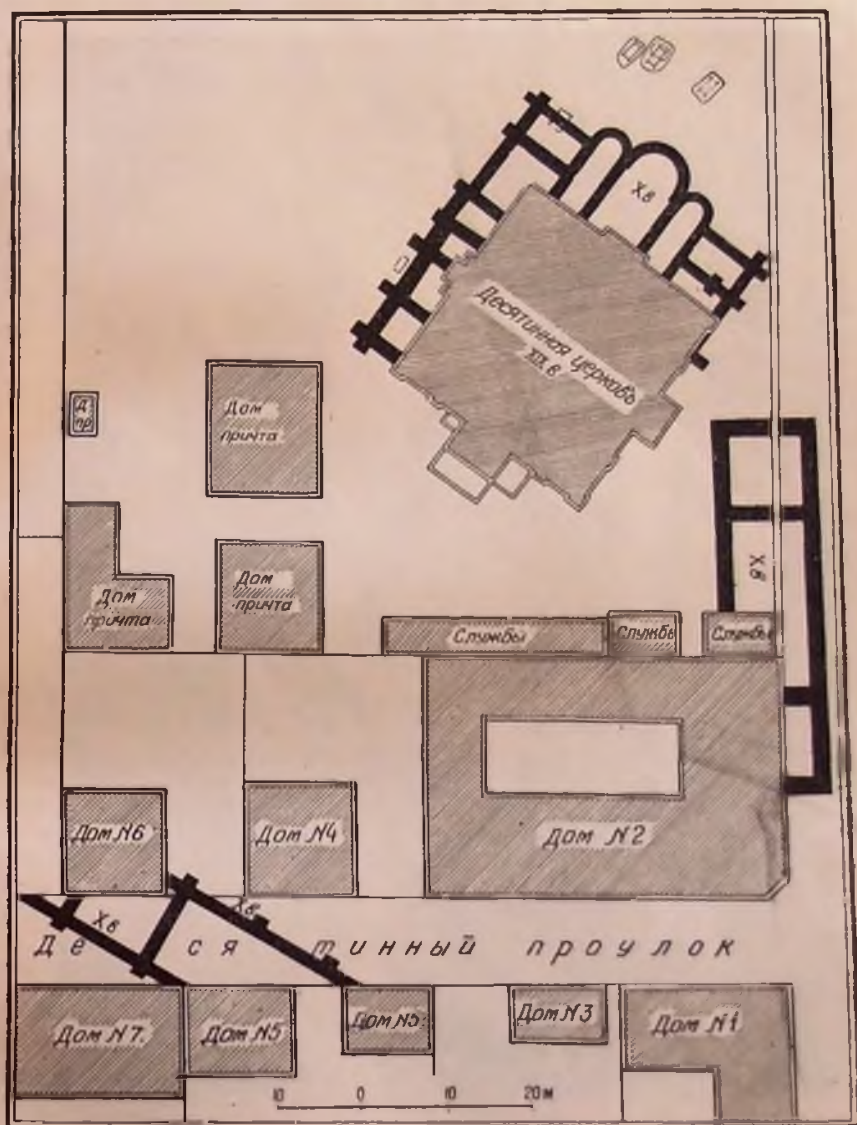

Рис. 37. Десятинная церковь. План (по раскопкам Д. В. Милеева).

На восток от полукружий земля оказалась также насыпной, подобно той, которая заполняла внутренность апсид; под ней обнаружена еще одна известковая подготовка с балками на одном уровне с первой.

Исследователь справедливо полагал, что крепкие известковые подошвы, обнаруженные в полукружиях фундаментных рвов, представляли одно целое с описанной выше субструкцией, однако они были раздавлены наложенным на субструкцию фундаментом.

Именно поэтому поверхность известковых фундаментных подошв оказалась на 0,15 м ниже уровня поверхности обнаруженных внутри апсид деревянных субструкций. Дальнейшее исследование подтвердило это предположение. Можно было проследить продолжение деревянных балок, входящих в эти субструкции, и на уплотненных известковых подошвах полукружий. Исследование это было связано с большими трудностями, так как вся сложная подготовка из балок и щебня с известью здесь сплющилась от тяжести фундаментов и представляла трудно расчищаемую крепкую известковую массу с желтым песчаником толщиной около 0,10 м.

Подытоживая наблюдения, сделанные в процессе раскопок, Д. В. Милеев в следующем виде реконструировал этот интересный технический прием подготовки субструкций здания¹. Строители для закладки полукруглых фундаментов трех апсид не ограничивались рытьем рвов, в которые обычно забучивают фундамент, а делали сплошную выемку земли котлованом на всем пространстве апсид; на дне котлована была уложена сложная подготовка из двух рядов деревянных балок, положенных накрест, защебененных желтым песчаником и залитых известковым раствором. На устроенной таким способом ровной известковой подготовке производилась кладка фундаментов. Образовавшееся в котловане свободное пространство внутри и вне полукружий возведенных фундаментов было засыпано землей, смешанной с большими обломками желтого песчаника. Эта засыпь доходила, очевидно, до уровня пола церкви и той поверхности земли, которая существовала в эпоху постройки.

Этот уровень пола почти везде оказался уже нарушенным позднейшими перекопами, но все же по незначительным остаткам можно было определить его и, следовательно, определить глубину, на которую закладывались фундаменты древней церкви. Глубина заложения древних фундаментов равнялась 1,40 м; уровень поверхности земли в эпоху постройки церкви лежал на глубине около 1,10 м от современной поверхности. Подобная техника постройки была обнаружена Д. В. Милеевым и у фундаментов, лежащих на запад от апсид. Здесь рвы также делались шире закладываемого фундамента, а образовавшиеся по бокам пустоты засыпались землей; рвы имели ширину 2,10 м, ширина заложеного в них фундамента равнялась 1,10 м.

3.

Развалины Десятинной церкви, доступные исследованию, были изучены Д. В. Милеевым с предельной тщательностью, однако большая часть развалин древнего памятника казалась навсегда погибшей для науки под стасовской постройкой. Архитектурный облик и, в частности, даже план Десятинной церкви оставался не вполне выясненным. Только этим можно объяснить существование взаимоисключающих предположений по самым основным вопросам трактовки памятника. Одни исследователи справедливо склонялись к тому, что Десятинная церковь

¹ ОАК за 1908 г., СПб, 1912, стр. 147.

являлась зданием центрально-купольного типа, другие готовы были видеть в ней базилику с вереницами колонн вдоль центрального нефа.

В 1935 г., в связи с началом осуществления грандиозного плана реконструкции столицы Украинской ССР, новая Десятинная церковь как памятник, не имеющий художественного значения, была разобрана (рис. 39). Ликвидация постройки, в течение более ста лет скрывавшей центральную и западную части древних развалин, открывала новые перспективы их археологического исследования.

Раскопки Киевской археологической экспедиции Института истории

Рис. 39. Территория Десятинной церкви перед началом раскопок 1938—1939 гг.

материальной культуры АН УССР, широко развернувшиеся в 1936—1937 гг. в усадьбе Десятинной церкви и примыкающей к ней усадьбе Петровского, почти не затронули развалин самой церкви. Только весьма незначительный участок южной стены вошел в один из раскопов 1937 г. Работы Киевской археологической экспедиции 1938 г. были в основном сосредоточены на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря. Однако, наряду с широко развернувшимися раскопками на этой территории, были признаны желательными разведочные исследования и на территории усадьбы Десятинной церкви с тем, чтобы изучить в первую очередь древние развалины. В течение полутора месяцев (с 14. VII по 23. VIII) небольшой отряд Киевской экспедиции¹ произвел раскопки на территории бывшей постройки. Был вскрыт полностью южный неф

¹ В раскопках под руководством автора настоящего отчета приняли участие: Г. Ф. Корзухина, З. Ф. Вальта, Д. А. Шапченко, В. А. Довженко и И. П. Шаскольский; фотограф В. И. Маслов.

церкви и частично — западная часть здания. Результаты этой работы превзошли все ожидания. Оказалось, что фундамент южной стены сохранился на всем протяжении ее (рис. 40). Примыкающие к стене фундаменты поперечных перемычек были в несколько худшем состоянии, но все же и они сохранились частично в виде кладки, частично в виде рвов с остатками деревянных субструкций на дне их. На отдельных участках сохранились не только фундаменты, но и нижние части стен.

Результаты раскопок 1938 г. позволили поставить вопрос об исследовании развалин древней церкви полностью, поскольку вся территория

Рис. 40. Десятинная церковь. Фундамент южной стены (после раскопок 1938 г.).

ее была теперь свободна. Эта работа и была основной задачей Киевской экспедиции 1939 г., наряду с дополнительными исследованиями на участках, примыкающих к усадьбе Десятинной церкви — в усадьбе Художественной школы (бывш. усадьба Петровского) и усадьбе Слюсаревского по Десятинному переулку. В течение июля—августа 1939 г. на территории развалин развернулись археологические раскопки, размах которых превосходил все предыдущие работы на этом участке¹.

В результате археологических работ 1938—1939 гг. вскрыта вся площадь древней церкви за исключением апсид и северной стены, раскопанных Д. В. Милеевым и ныне не сохранившихся (рис. 41).

Несмотря на двухкратные разрушительные раскопки начала XIX в. и значительные разрушения, произведенные при возведении новой по-

¹ В раскопках 1939 г. под руководством автора принимали участие: З. Ф. Вальта, Г. Ф. Корзухина, В. К. Гончаров, В. О. Довженок, Д. И. Блитель, Е. В. Махно, Н. В. Липка, С. М. Кузнецова, А. И. Сенченко и студенты-практиканты Ленинградского государственного университета и Института им. И. Е. Репина Всесоюзной Академии художеств.

стройки, несмотря на то, что многие части фундаментов, существовавшие еще в начале XIX в., были использованы при постройке в качестве источника добычи бутового камня, — несмотря на все это, археологические исследования 1938—1939 гг. дали исключительно ценные материалы для реконструкции не только плана, но и внешнего облика Десятинной церкви.

Тщательные наблюдения и точнейшая графическая фиксация самых ничтожных следов древней постройки позволили восстановить полностью

Рис. 41. Общий вид остатков фундаментов Десятинной церкви (раскопки 1939 г.).

план церкви, хотя от большей части каменной кладки ее фундаментов не сохранилось ничего.

Наиболее уцелевшей частью Десятинной церкви являются южная и западные стены. Почти вся кладка южной стены является фундаментом, сохранившимся на различную высоту (рис. 42). Исключением является один участок южной стены против первой перемычки (как здесь, так и в дальнейшем нумерация перемычек южной стены ведется с запада на восток). В этом месте сохранилась кладка из очень тонкого квадратного кирпича ($0,31 \times 0,30 \times 0,025$ м), поднимающаяся над фундаментом на $0,90—1,00$ м (рис. 43). Кирпичи уложены на известковом растворе с примесью толченого кирпича; однако кирпич раздроблен не до порошка, а только на мелкие кусочки, отчего раствор имеет красные вкрапления и только слегка окрашен в розовый цвет. Система кирпичной кладки — обычное для древнейших памятников киевской архитектуры чередование

выступающих и утопленных рядов кирпича на растворе, гладко затертом с внешней стороны стен. Толщина его очень значительна (0,02—0,03 м).

На некоторых других участках южной стены, а именно против 2-й, 3-й и 5-й перемычек и на всей 5-й перемычке сохранились один-два ряда древней кирпичной кладки. В отдельных случаях имеются не самые кирпичи, а их углубленные квадратные отпечатки в растворе.

Кирпичную кладку стен на отдельных участках подстилает один ряд кладки из квадратного, хорошо отесанного камня (кварцита). Из таких же квадратных камней выложены крестовины на стыках второй и третьей

Рис. 42. Десятинная церковь. Фундаменты южной и западной стен (раскопки 1939 г.).

перемычек с южной стеной. Эти ряды камня, несомненно, находились уже над уровнем земли и являлись как бы цоколем стен.

Бутовая кладка фундамента сохранилась на различную высоту — от 0,58 м (юго-западный угол) до 0,80 м (перекрестье 3-й перемычки). По глубине залегания отдельные части фундаментов тоже разнятся между собой. Разница в уровне между фундаментами перемычек и фундаментом южной стены, к которой первые примыкают, колеблется от 0,10 до 0,30 м.

Необходимо отметить очень интересную общую особенность, установленную детальными обмерами фундаментов. Абсолютная глубина залегания фундамента уменьшается по направлению с запада на восток. Разница между уровнем его подошвы у юго-западного угла и самой восточной раскопанной точкой равна 0,40 м.

Отдельные части фундаментов, а именно фундаменты перемычек и

фундаменты отрезков южной стены между ними сложены не вперевязь, а впритык. Повидимому, зодчие учитывали различную нагрузку на разные части фундамента. Впритык приложены отрезки стен между 3-й и 4-й, 4-й и 5-й перемычками и восточный конец отрезка стены между 3-й и 2-й перемычками. Так же приложена вся западная часть, начиная с западной стороны 2-й перемычки, где существует едва заметный шов. Таким образом, впритык сложены фундаменты стен восточной части здания, в западной же эта техническая особенность отсутствует.

Нужно отметить, что перекрестья у перемычек углублены больше,

Рис. 43. Десятинная церковь. Фундамент южной стены. Деталь (раскопки 1939 г.).

чем отрезки стен между ними. Однако выдерживается это не везде: перекрестье у 2-й перемычки заложено мельче, чем соседние с ним отрезки стены, а наружная лопатка южной стены против 1-й перемычки и 1-я (с юга) наружная лопатка западной стены имеют основания — первая выше на 0,25 м, а вторая в уровень со стеной.

Эти две лопатки вообще несколько отличаются от всех остальных лопаток южной и западной стен. Они меньше и не так массивны (ширина их — 1,06 м, толщина — 0,35—0,40 м).

Первая перемычка по глубине залегания фундамента мельче остальных. Наружные лопатки южной стены, если следовать с запада на восток, становятся все более массивными. Лопатка у 2-й перемычки вынесена на 0,56 м, у 3-й — на 1,20 м, у 4-й — на 1,65 м; у 5-й опять несколько уменьшается, но не намного — 0,95 м.

Очевидно, в этих мощных лопатках центральной части южной стены, приходящихся против подкупольных столбов (4-я и 5-я перемышки) и против столбов, несущих хоры (2-я, 3-я и 4-я перемышки), была конструктивная необходимость. С западной стороны церкви можно предполагать наличие двух рядов галлерей (об этом см. ниже), то есть частей, менее нагруженных, ввиду чего и 1-я лопатка западной стены и 1-я (с запада) лопатка южной стены значительно уступают по своей мощности остальным, имеющим характер ярко выраженных контрфорсов.

Бутовая кладка фундаментов состоит из: 1) больших блоков красного кварцита двух видов, один из которых — плотный камень ярко-красного цвета, а второй, наоборот, отличается слоистостью и имеет темно-лиловый (пурпурный) цвет; 2) нескольких сортов песчаника — светлого серого, с черным налетом снаружи, железистого, темнокоричневого цвета и желтого глинистого; первого в кладке больше всего, последнего — несколько камней; 3) моренных валунов.

Все перечисленные выше породы камня, как правило, не перемешаны одна с другой. Весь фундамент южной стены и 3-й — 5-й перемычек сложен из кварцита на растворе извести с толченым кирпичом. Излишек раствора, выдавленный камнями, покрывает наружные стены почти сплошным толстым, очень крепким слоем.

Из красного кварцита сложена также южная половина 1-й перемышки. По ее середине проходит резкая граница между красным кварцитом (в южной половине) и серым песчаником (в северной).

Наряду с разницей в материале этой перемышки наблюдается и разница в уровнях залегания отдельных частей ее фундамента, который на расстоянии 0,70 м от северной стены нефа резко углубляется на 0,40 м. (Фундамент этой стены также сложен из серого песчаника). Вследствие целого ряда пустот под ним в этом месте (возможно, что не только по причине выгнивания деревянных лежней, но и вследствие стыка в этом месте двух разновременных кладок) фундамент дал несколько трещин.

Первоначально казалось вероятным предположение, что различие в материале кладки является показателем двух разновременных частей древней постройки. Серый песчаник (происходящий, по свидетельству геолога Украинского геологического треста А. С. Фещенко, из окрестностей Канева) входит в забутку фундамента северной стены южного нефа и отходящего от него фундамента лопатки этой стены, существовавшей еще до пристройки нефа, то есть является основным строительным материалом здания конца X в. Фундамент южной половины перемышки, примыкающей к отмеченной лопатке, и весь фундамент южной стены нефа сложены из красного кварцита, который ни разу не встречался в кладке фундамента северной стены.

Выдержанное отличие в строительном материале и резкая граница, отделяющая один материал от другого, дают, казалось бы, право считать, что южный неф был пристроен к первоначально трехнефной церкви несколько позже, может быть, в начале XI в.; однако необходимо указать, что стена, которую, из сказанного выше, можно было бы назвать южной стеной трехнефной церкви X в., сохранилась лишь в тех ее частях, которые могут еще относиться к частям западной галлерей или даже двух галлерей. Во всяком случае, западный отрезок этой стены, сложенный из песчаника, является безусловно первой (с юга) перемышкой

западной галлерей (нартекса). Второй участок этой стены, частично сохранивший кладку фундамента (из песчаника), также входил в состав западной галлерей. Из какого материала состоял фундамент этой стены далее к востоку — установить невозможно, так как кладка его разрушена и направление стены (показанное на нашем плане, рис. 49) определяется лишь слоем раствора толщиной в 0,10—0,15 м и фрагментами деревянных субструкций (о которых ниже).

Но самым главным обстоятельством, мешающим датировке на основе строительного материала, является то, что серый песчаник составляет основной материал фундамента западной стены на всем ее протяжении. Таким образом, утверждать окончательно, что кладка из песчаника является признаком X в., а кладка из кварцита — начала XI в., не представляется возможным.

Западная стена церкви сохранилась также на всем протяжении в виде мощного фундамента, с наружной стороны укрепленного шестью сильно выступающими лопатками (рис. 44). К внутренней стороне ее примыкают продольные фундаменты, сохранившиеся только на расстоянии не более 1,50 м от стены. Продолжением этих продольных фундаментов являются рвы, прослеженные с незначительными перерывами вдоль всей постройки. Направление рвов и деревянные субструкции, обнаруженные на дне их, описаны ниже.

Вся раскрытая западная стена сложена из серого песчаника на цемянке. Она представлена, за небольшими исключениями, фундаментом, то есть исключительно подземной частью кладки. К наземным частям должна быть отнесена только часть высотой в 0,35 м, сохранившаяся над фундаментом у 3-й (с юга) лопатки. Это, повидимому, основание крестчатого столба, сложенного из небольших ровных, тесаных квадров песчаника. Основание столба уже фундамента, выступающего из-под него во все стороны на 0,20 м. Грани столба прослеживаются далеко не полностью. Наиболее отчетливы они с северной стороны, где хорошо сохранилась известковая обмазка на высоте до 0,20 м. Эта же обмазка переходит и на фундамент около столба, покрывая небольшой участок неправильной формы в 0,60 м длины и 0,26 м ширины. Толщина обмазки — 0,03 м; она очень прочна и гладко затерта снаружи, от обильной примеси толченого кирпича имеет интенсивный красновато-коричневый цвет. Хорошо прослеживается и восточная грань столба, а также угол между северным и восточным рукавами креста.

К наземным частям западной стены должен быть отнесен также и участок между 4-й и 5-й (с юга) лопатками, где были найдены под кирпичной кладкой XIX в. три ряда древних плоских кирпичей на древнем растворе. Толщина раствора — 0,02—0,025 м.

В отличие от фундамента южной стены, представляющего, как сказано выше, несколько совершенно не связанных между собой отрезков, весь фундамент западной стены является монолитной кладкой; связанной вперевязь с фундаментами продольных перемычек здания. Колебания в глубине заложения фундамента не превышают 0,20 м. Необходимо отметить, что, кроме фундаментов южной и западной стен, хорошо сохранился еще фундамент продольной стены, параллельной южной стене храма. На нем сохранилась древняя кирпичная кладка, местами достигающая четырнадцати рядов кирпича на растворе. Как и кладка западного отрезка южной стены, она сохранилась, повидимому, благо-

даря тому, что была включена в состав Могиланской постройки, занимавшей юго-западный угол древней церкви.

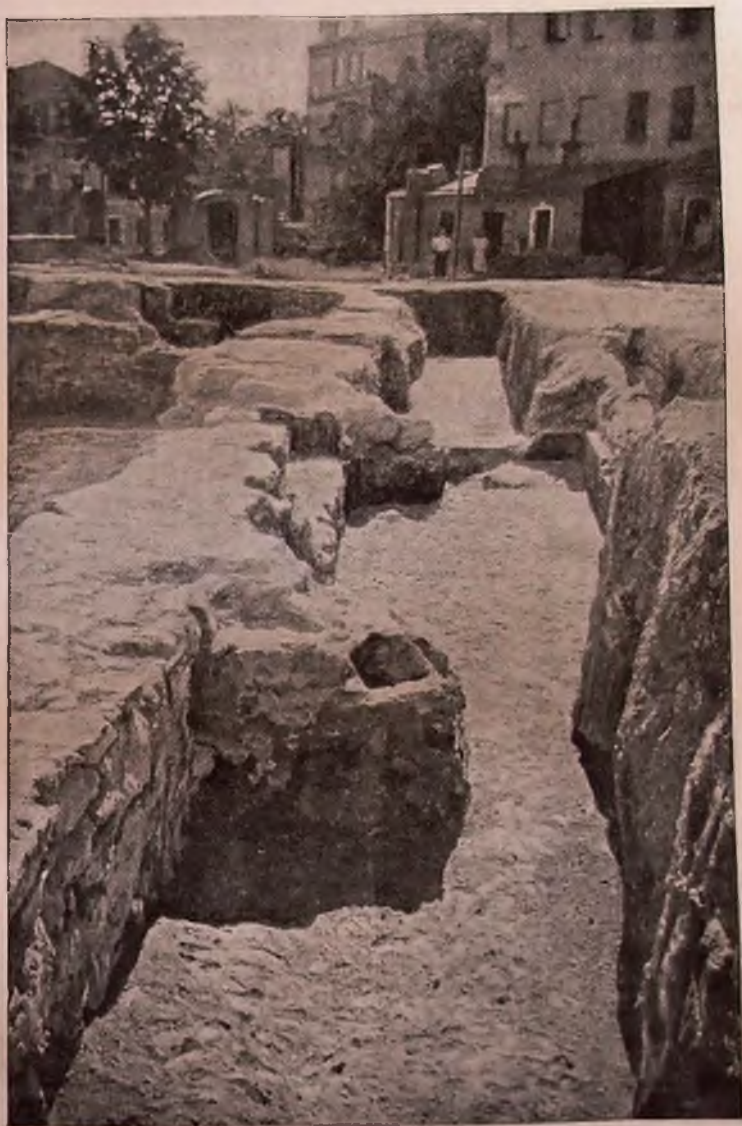

Рис. 44. Десятинная церковь. Фундамент западной стены (раскопки 1939 г.).

Под фундаментами южной и западной стен, почти на всем их протяжении, были прослежены поперечные, а иногда и продольные деревян-

ные лежни, по большей части совершенно истлевшие. Форма и направление их легко определялись по отверстиям, сохранившимся в растворе в виде поперечных или продольных каналов под каменной кладкой. Внутренняя поверхность этих каналов нередко позволяла установить отпечатки волокна деревянных брусьев, круглых или прямоугольных в сечении, а иногда и перегнившие части этих брусьев. Лежни были уложены, повидимому, в два ряда, один из которых (нижний) шел вдоль стены, другой (верхний) — поперек. Иногда поперечные лежни на

Рис. 45. Десятинная церковь. Фундамент со следами деревянных лежней под ним (раскопки 1939 г.).

0,08—0,10 м не доходили до края стены, поэтому найти их следы без подкопа под фундамент было невозможно.

Кое-где торцы лежней были наглухо закрыты толстым слоем раствора. Под сохранившимися фундаментами удавалось установить и зафиксировать следы только поперечных лежней (рис. 45) за теми немногими исключениями, когда были установлены и следы лежней, положенных вдоль стены. Факт укладки лежней накрест полностью подтвердился на тех участках, где кладка фундаментов была выбрана и следы деревянных субструкций сохранились лишь на дне рвов от этих фундаментов. Тщательная зачистка этих рвов показала в ряде участков, что деревянные брусья под стеной были уложены одни вдоль, другие поперек стены. Если в нижних частях сохранившейся кладки лучше прослеживались поперечные лежни, то во рвах, наоборот, лучше и значительно чаще прослеживались продольные, так как они, повидимому, находились ниже и лежавшие на них поперечные лежни обычно разрушались при выемке бута фундамента.

Между лежнями были вбиты в землю вертикальные колышки, следы

Рис. 46. Десятинная церковь. Фундаментные рвы с остатками деревянных колков (раскопки 1939 г.).

и даже остатки которых были вскрыты в огромном количестве (рис. 46). Как было установлено, колышки вбивались в грунт между лежнями под всем фундаментом. Именно поэтому они идут правильными рядами вдоль всех рвов, отстоя друг от друга на 0,24—0,30 м.

При зачистке нижних частей сохранившихся фундаментов южной и западной стен было открыто значительное количество вертикальных колышков, верхушки которых отпечатались в растворе кладки, а нижние

Рис. 47. Десятинная церковь. Фундамент со следами деревянных колков под ним (раскопки 1939 г.).

заостренные концы сохранились в материке под фундаментом в виде заполненных древесной темнокоричневой мягкой трухой полых отверстий (рис. 47). Длина колышков обычно — около 0,50 м, диаметр — 0,05—0,07 м. Форма их различна. Большая часть имеет в сечении прямоугольную форму, но встречаются и круглые.

Помимо системы деревянных субструкций, установлен другой важный факт применения дерева в постройке. На 5-й перемычке южной галлерей сверху в растворе ясно видны следы от двух длинных бревен, прямоугольных в поперечном разрезе и лежавших в кладке вдоль фундамента перемычки (рис. 48).

Обилие дерева в субструкциях сказалось на прочности постройки. Исследование открытых в 1938—1939 гг. фундаментов установило много разрывов в кладке, свидетельствующих о неправильной осадке здания. Из них наиболее выражены:

1. На южной стене церкви в 1-м участке от юго-западного угла,

Рис. 48. Десятинная церковь. Следы деревянных связей в кладке фундаментов (раскопки 1939 г.).

близ лопатки — трещина, идущая от нижней части фундамента до верха сохранившейся старой кладки. Трещина расширяется книзу.

2. На наружной лопатке 3-й перемычки южной галлерей — сквозная трещина, идущая от основания фундамента до верха, расширяясь книзу. Фундамент лопатки полностью оторвался от кладки перемычки.

3. На 5-й перемычке южной галлерей, ближе к южному концу, с восточной стороны — трещина, идущая от подошвы фундамента до верха.

4. На той же 5-й перемычке с западной стороны между лопаткой и южной стеной — трещина от подошвы фундамента до верха.

5. На той же 5-й перемычке в северном конце — поперечная сквозная трещина от подошвы фундамента до верха.

6. На южной стороне южной стены церкви — трещина от подошвы фундамента до верха.

7. На восточной стороне 1-й перемычки в северном конце — три трещины от подошвы фундамента, не достигая верха, со сдвигом нижнего уровня фундамента, и ряд других.

4.

Сохранившиеся части древней каменной кладки и прослеженные на территории церкви рвы от фундаментов с остатками деревянных конструкций позволяют реконструировать в основных чертах план древней церкви (рис. 49—50). Сложная сеть переплетающихся фундаментов свидетельствует, прежде всего, о одновременности отдельных частей постройки. Древнейшим ядром является, несомненно, трехнефная постройка с тремя апсидами с восточной стороны. Судя по наличию трех поперечных линий фундаментов, здание имело три пары столбов. Расстояние между двумя восточными парами равно по ширине центральному нефу, явно образуя центральный подкупольный квадрат. По плану — это шестистолпная трехнефная церковь, очень близкая к памятникам русского зодчества, которые были широко распространены в несколько более позднюю пору не только в Киеве, но и во всех городских центрах периода феодальной раздробленности.

Древнейшее ядро здания, повидимому, вскоре было расширено пристройкой широких галлерей с южной и северной сторон. Гораздо более сложный комплекс пристроек, форму и назначение которых не удастся восстановить, примыкает к западной стене древнейшей церкви.

Удовлетворительная сохранность не только каменной кладки фундаментов южной и западной стен, но частично и их наземных частей позволяет сделать предположительную реконструкцию наружных галлерей, опоясывавших Десятинную церковь. Выше отмечалось, что сохранившиеся наземные части южной и западной стен имеют форму массивных крестчатых столбов.

Повидимому, широкие галлерей, опоясывавшие церковь с трех сторон, состояли из крестчатых столбов, соединенных арками, напоминая открытую галлерею Киевской Софии. В конструктивном отношении в этих галлереях обращает на себя внимание одна особенность. На первой восточной перемычке северной галлерей, на второй и четвертой (с востока) перемычках южной галлерей хорошо сохранились мощные лопатки, свидетельствующие, повидимому, о том, что широкие галлерей имели какие-то конструктивные внутренние членения.

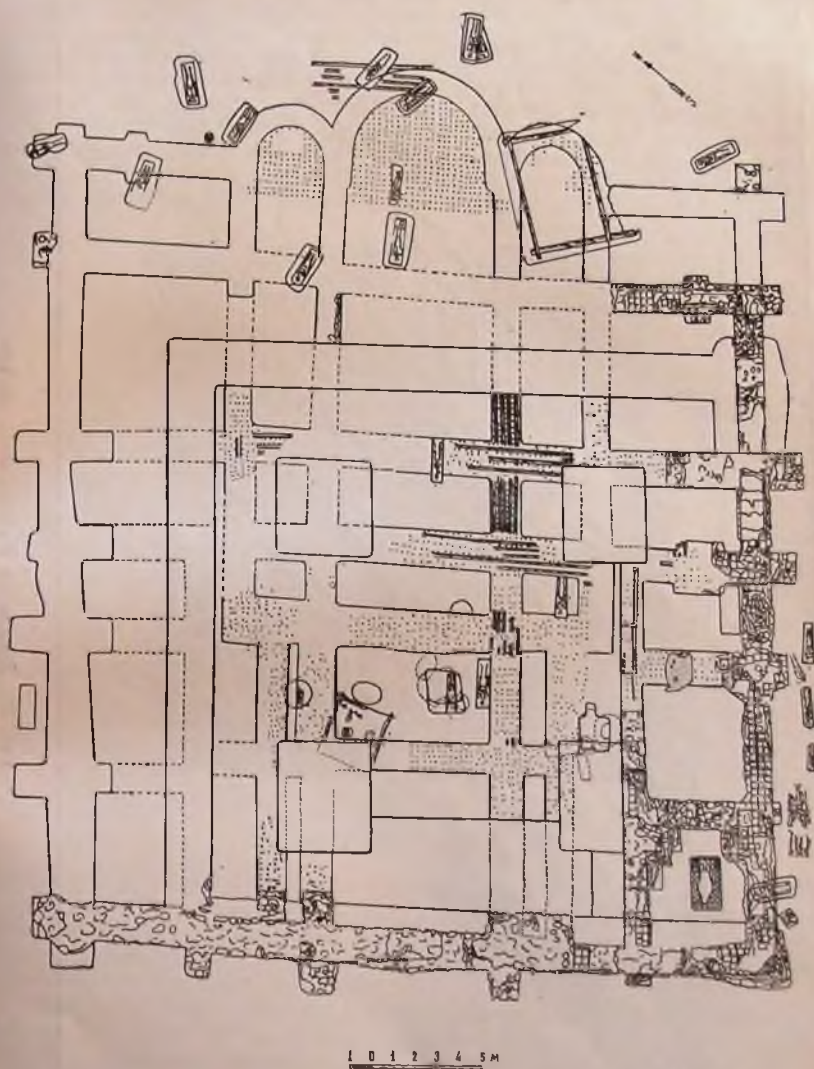

Рис. 49. Десятинная церковь. План (по материалам раскопок 1938—1939 гг.).

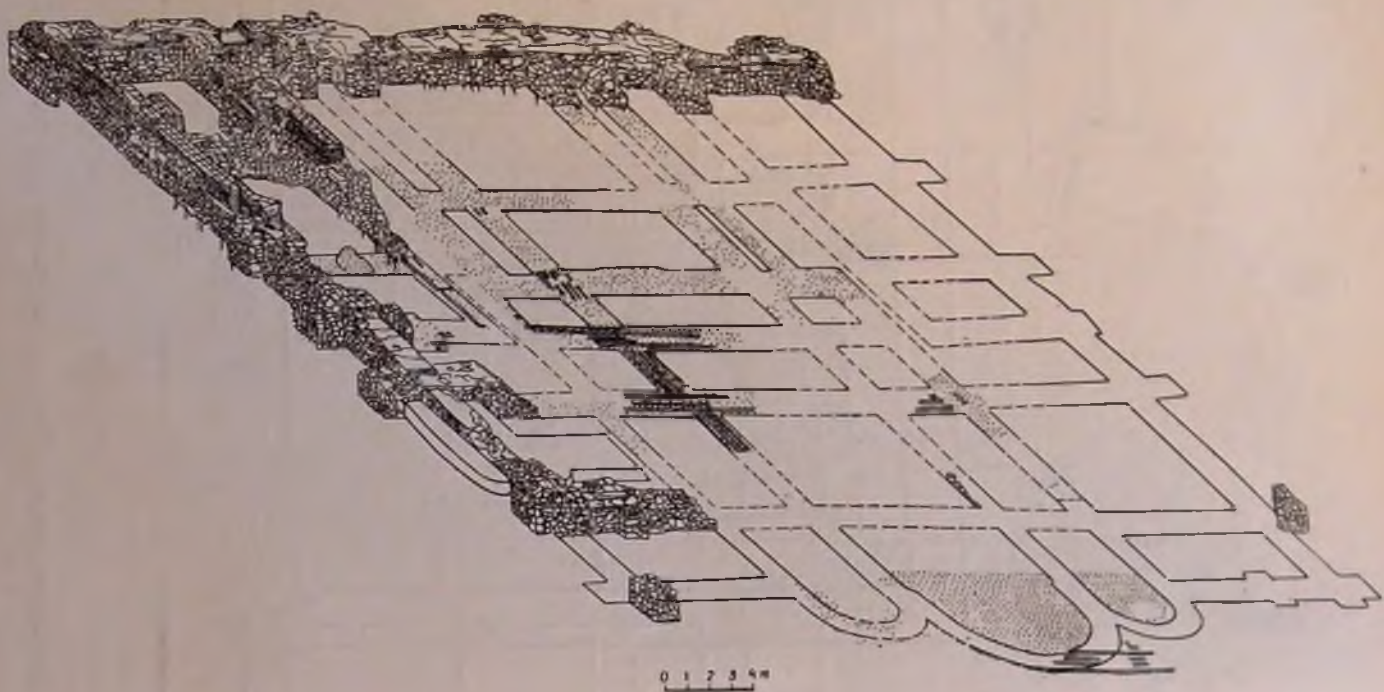

Рис. 50. Десятинная церковь. Аксонометрия.

В летописных известиях можно найти указания, позволяющие установить дату перестройки древней Владимировой церкви. Под 1039 г. летописная запись сообщает: „В лето 6547 священа бысть церкы святыя Богородиця юже созда Володимир, отець Ярославль, митрополитом Феопемптом“¹. Это известие обычно сопоставляют с известием 1017 г. о пожаре церквей Киева („В лето 6525. Ярослав иде в Киев, и погоре(ша) церкви“²). В приведенном известии нет, правда, прямого указания на пожар именно Десятинной церкви, но более чем вероятно, что большой пожар в городе, известие о котором попало в весьма лаконичные в это время летописные записи, коснулся и ее. Однако освящение церкви отделено от пожара слишком большим временем (22 г.), что

Рис. 51. Десятинная церковь. Фрагмент двухступчатой ниши.

ставит под сомнение связь этих двух фактов между собой. Но так или иначе, какое-то крупное обновление церкви, вызвавшее необходимость нового освящения, произошло до 1039 г., то есть около 40 лет спустя после окончания постройки. Повидимому, это известие и относится к отмеченным выше перестройкам.

Раскопки 1938—1939 гг., наряду с материалами более ранних исследований, дали значительное количество новых данных для реконструкции внешнего облика здания. В этом отношении значительный интерес представляют большие куски упавшей кладки, обнаруженные в тайнике под западной частью церкви (о тайнике см. ниже). Среди них исключительно ценным является обломок двухступчатой ниши на

¹ Лаврентьевская летопись, 1039 г.

² Лаврентьевская летопись, 1017 г.

Рис. 52. Десятинная церковь. Фрагмент столба с полуколонками (раскопки Д. В. Милеева).

Рис. 53. Десятинная церковь. Фрагмент столба с полуколонкой (раскопки 1937 г.).

наружной стене (рис. 51). Наружная поверхность этой ниши представляет правильное чередование рядов плоского кирпича: один ряд выступает, другой утоплен в кладке и покрыт толстым слоем раствора, что напоминает кладку арок и ниш Киевской Софии. Кладка эта, безусловно, не могла быть рассчитана на покрытие штукатуркой.

Во время раскопок Д. В. Милеев нашел вне стен церкви кусок квадратного в плане столба с четырьмя полуколонками по сторонам (рис. 52). Обломок совершенно аналогичного столба (рис. 53) был най-

Рис. 54. Десятинная церковь. Капитель (раскопки 1938 г.).

ден в 1937 г. в нескольких метрах к северо-востоку от памятника. Не может быть сомнения в том, что оба фрагмента связаны именно с Десятинной церковью (а не с дворцом, подле развалин которого обнаружен второй из них) и являются, повидимому, столбами на хорах церкви (ср. столбы несколько более сложного профиля на хорах Софийского собора).

К числу очень ценных находок, позволяющих реконструировать декоративное убранство церкви, нужно отнести капитель с резным крестом (рис. 54), обнаруженную в 1938 г. у южной стены, многочисленные обломки резных мраморных плит (раскопки 1939 г. и раскопки 1908—1911 гг.), служивших, повидимому, парапетами хор (рис. 55—56), обломки мраморных и шиферных карнизов (раскопки 1938—1939 гг.; рис. 57), фрагменты мозаичного пола¹ и, наконец, драгоценные фраг-

¹ Подробное описание их с приложением цветных копий см. в нашей статье „К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода“, Труды Всероссийской Академии художеств, I, Л., 1947, стр. 17—20 и табл. I—II.

менты фресковой и мозанчной декорации храма, заслуживающей специальной публикации и исследования. Несмотря на немногочисленность

Рис. 55. Десятинная церковь. Мраморные плиты
(раскопки Д. В. Милеева).

фрагментов, трудно переоценить значение этих древнейших памятников русской монументальной живописи и мозаики.

Рис. 56. Десятинная церковь. Фрагменты мраморных плит (раскопки 1939 г.).

Рис. 57. Десятинная церковь. Фрагменты мраморных карлизов (раскопки 1939 г.).

5.

Итоги археологических исследований на территории Десятинной церкви отнюдь не ограничиваются новыми данными, позволяющими реконструировать архитектурный облик этого памятника и дающими возможность значительно глубже изучить древнейший период истории киевского зодчества. Уже первые исследования на территории Десятинной церкви, при всем несовершенстве их археологической методики, позволили установить наличие погребений, сохранившихся в различной степени среди развалин. Нет сомнения в том, что раскопки Лохвицкого и Ефимова повредили или даже полностью уничтожили ряд погребений, так как их внимание привлекали лишь богатые мраморные и шиферные саркофаги. Никаких сведений о погребениях другого рода в отчетах об этих раскопках нет.

Совершенно иные результаты дали раскопки Д. В. Милеева. И вокруг церкви, и на территории самой постройки, глубоко под фундаментами, был раскрыт в 1908—1911 гг. целый ряд погребений. Несмотря на специально архитектурные интересы исследователя, все погребения раскапывались им чрезвычайно тщательно, и в отношении некоторых была сделана попытка датировки. К сожалению, большинство описаний этих погребений осталось неопубликованным, а вещевой материал пролежал неразработанным в подвалах Археологической комиссии, а потом в Государственной Академии истории материальной культуры, вплоть до 1938 г. Д. В. Милеев, конечно, не ставил перед собой задачи специального изучения этих погребений. Его краткие информации о некоторых из них обычно дальше перечня найденных предметов не шли. Их исключительное научное значение не было оценено ни самим Милеевым, ни другими исследователями.

В настоящей работе отнюдь не ставится задача дать итоги археологического исследования территории Десятинной церкви в этом отношении. Изучение древнего киевского некрополя, поставленное в гораздо более широком объеме с использованием и погребений, раскопанных на территории Десятинной церкви, является темой специального исследования, подготовленного автором к печати. В настоящей работе публикуется лишь краткая характеристика материалов из раскопок 1938—1939 гг.

Среди многочисленных разновременных погребений, раскопанных на площади церкви в 1938—1939 гг.¹, огромный научный интерес представляют, прежде всего, три погребения IX—X вв. Все они относятся к периоду, предшествующему постройке церкви, то есть старше 989 г., и вскрыты под уровнем деревянных субструкций, на которых были возведены фундаменты церкви 989 г. Несмотря на довольно глубокую закладку, фундаменты не повредили погребений, если не считать того, что для постройки церкви были уничтожены курганные насыпи, которые, безусловно, высились над могилами.

Первое погребение (№ 9) было раскопано в 1938 г. под южной стеной церкви (рис. 58). Могильное пятно и деревянные стенки гроба были обнаружены при исследовании остатков деревянных субструкций под древней каменной церковной стеной в лессе на глубине 2,80 м от современного уровня и на глубине 0,40 м ниже основания фундамента церкви. Погребение было ориентировано головой на северо-запад. Костяк лежал в деревянном гробу, в виде ящика с плоской крышкой, сбитой железными гвоздями. Инвентарь погребения ограничивается одним зубом лошади.

Второе погребение (№ 18) было раскопано в 1939 г. под деревянными субструкциями, обнаруженными на дне рва от фундамента, соединявшего здание по линии западной пары подкупольных столбов (рис. 59). Могильное пятно было обнаружено в лессе на глубине 2,90 м от современной поверхности. На глубине 0,40 м ниже уровня рва (т. е. ниже основания фундамента) внутри могильного пятна обнаружилось пятно деревянного гроба. Погребение ориентировано головой на юго-запад. Костяк лежал в деревянном гробу, сколоченном по углам железными гвоздями. Обе руки погребенного были сложены на животе.

¹ В 1938—1939 гг. было раскопано восемнадцать погребений, из них четырнадцать относится к XVII—XIX вв.

Если устройство и размеры гроба второго погребения совершенно аналогичны погребению под южной стеной, то по инвентарю они, наоборот, сильно различаются. У правой ступни лежал боевой топорик, типич-

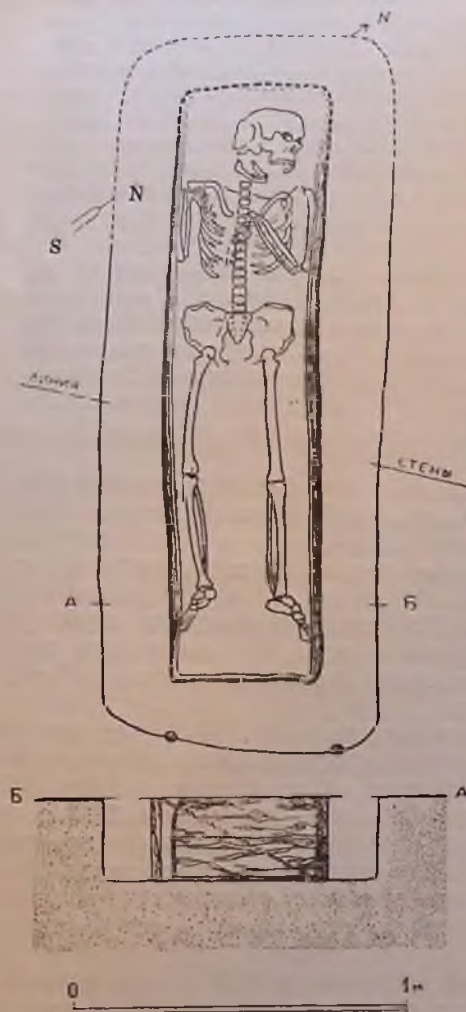

Рис. 58. Погребение IX—X вв. под южным фундаментом Десятинной церкви. План и разрез.

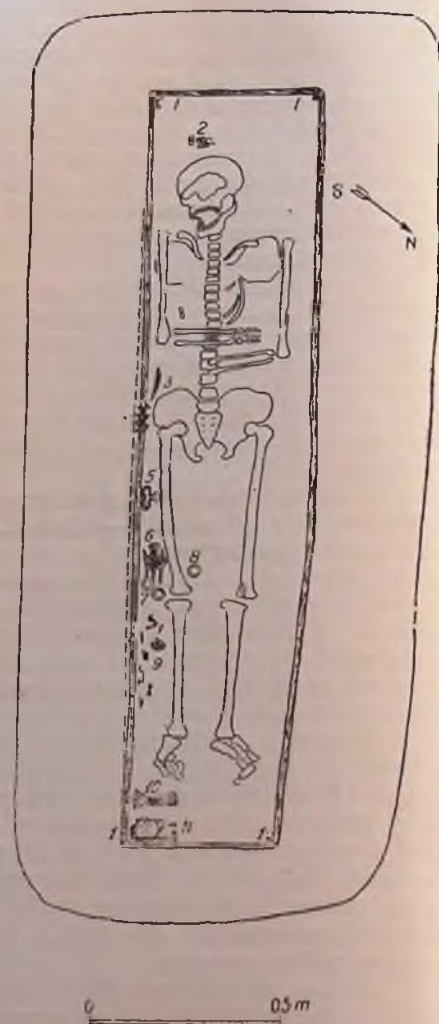

Рис. 59. Погребение дружинника X в. под фундаментом Десятинной церкви. План.

ный для погребений IX—X вв. (рис. 60). У этой же ноги, начиная почти от ступни и до середины бедренной кости, были обнаружены сильно разрушенные фрагменты колчана, состоявшие из трухлявого дерева, ткани и довольно многочисленных обломков железных оковок (рис. 60). В колчане были найдены 4 железных наконечника стрел с остатками

деревянных древков (рис. 60). Все стрелы лежали в колчане острием вверх, то есть к голове погребенного. Немного выше колена правой ноги лежало бронзовое кольцо с орнаментом (рис. 60). Между костью правой ноги и стенкой гроба обнаружены еще два таких же, но гладких бронзовых кольца (рис. 60). Недалеко от наконечников стрел, у правого бедра, найдено овальное железное кресало и кусок кремня (рис. 60). У пояса находился железный нож со следами деревянного футляра

Рис. 60. Погребение дружинника X в. Инвентарь.

(рис. 60). У темени лежал сильно перержавевший бесформенный предмет с остатками дерева. Назначение его определить не удалось. В ногах, у самой стенки гроба, в углу, были обнаружены бесформенные от ржавчины железные предметы. После лабораторной обработки удалось установить, что это железные угольники, повидному, служившие в качестве оковки углов какого-то небольшого ящика (рис. 60). На угольниках сохранились следы ткани. С правой стороны от тазовых костей, у самой стенки гроба, найдена кучка железных гвоздей. По одному и в одном случае — два гвоздя найдены по углам в древесной трухе от гробовых досок. Под костяком лежал сплошной слой истлевшего дерева от дна гроба. Костяк сохранился удовлетворительно. Разрушенными оказались ключица, ребра, лопатки, фаланги левой руки. Череп в лобной части проломан. По определению антропологов костяк принадлежал мужчине 35—40 лет.

Совершенно иной характер имело третье погребение (№ 17), рас-

копанное в 1939 г. в западной части центрального нефа церкви¹. Могильное пятно было обнаружено в лессе при зачистке дна рва от продольного фундамента церкви, по линии северных столбов центрального нефа и рва крайней западной поперечной перемычки центрального нефа, на глубине 2,90 м от современной поверхности (рис. 49).

Могильное пятно имело форму квадрата, в юго-западный угол которого врезался фундамент северо-западного столба новой Десятинной церкви (XIX в.), и было перекрыто деревянными субструкциями фундаментов древней Десятинной церкви. Ниже этих субструкций обнаружен завалившийся деревянный накат из брусев, положенных в два ряда, перпендикулярно один к другому. Под завалом наката были расчищены северная, восточная и южная стены квадратного сруба, рубленного „в обло“, от которого сохранился *in situ* лишь один нижний венец (рис. 61). Бревна развалившейся восточной стенки сруба были обнаружены под завалом наката. Бревна нижнего венца лежали на 1,40 м ниже самой высокой точки сруба, поскольку ее можно было установить по сохранившимся частям наката, покрывавшего сруб в древности. Таким образом, высота сруба была не менее чем 1,40 м. Средняя высота сохранившихся частей южной стенки — 0,75 м, восточной — 0,95 м и северной — 0,35 м. Длина восточной стенки сруба — 2,60 м, южной — 2,80 м, однако нет уверенности в том, что южная стенка сохранилась по всей длине, так как столб церкви XIX в. перерезает западный конец этой стенки. Западная стена сруба полностью разрушена фундаментом северо-западного столба новой Десятинной церкви. Этот же столб разрушил западную часть северной стены сруба. Пол (или дно) сруба был сплошь покрыт деревянным накатом, упавшим сверху и прикрывшим инвентарь погребения. Этот упавший верхний накат лежал на 0,35 м ниже дна рвов от фундамента церкви, что послужило причиной хорошей сохранности погребения в срубе (за исключением той части сруба, которая попала под фундамент столба новой церкви). Под верхним накатом, на деревянном полу, лежавшем непосредственно на лессе, было расчищено погребение совершенно исключительного научного значения.

Вдоль южной стенки сруба лежал костяк, верхняя часть которого (до таза) не сохранилась (рис. 62). Повидимому, при закладке столба новой церкви провалившийся деревянный накат привлек чье-то внимание, и верхняя часть скелета, вместе с одеждой и частью вооружения, была из гробницы вытащена. Нижняя часть костяка была, в свою очередь, повреждена фундаментом столба новой церкви. Слева от костяка, то есть между ним и южной стенкой сруба, были найдены боевой топор (рис. 63), и железный наконечник копья (рис. 63). Во втулке топора сохранились остатки деревянной рукояти.

В северо-восточном углу, под развалом верхнего наката и восточной стенки, был найден *in situ* отлично сохранившийся комплекс погребального инвентаря. Почти в самом углу лежало несколько фрагментов глиняного сосуда, сделанного на гончарном круге, со слабо отогнутым венчиком и волнообразным орнаментом по плечикам (рис. 65). В глине большая примесь кварца, обжиг плохой. В том же северо-восточном углу сруба лежали истлевшие деревянные и перержавевшие железные части

¹ Предварительное сообщение об этом погребении опубликовано нами в статье „Погребение киевского дружинника X в.“, КСИИМК АН СССР, V, Л., 1940, стр. 79—82.

большого колчана, внутри которого было найдено около 20 наконечников стрел ромбовидной формы, с частично сохранившимися древками (рис. 64). Поверх нижней части колчана лежали конские железные удила, а рядом с ними, ближе к центру сруба, — пара железных стремян. Тут же най-

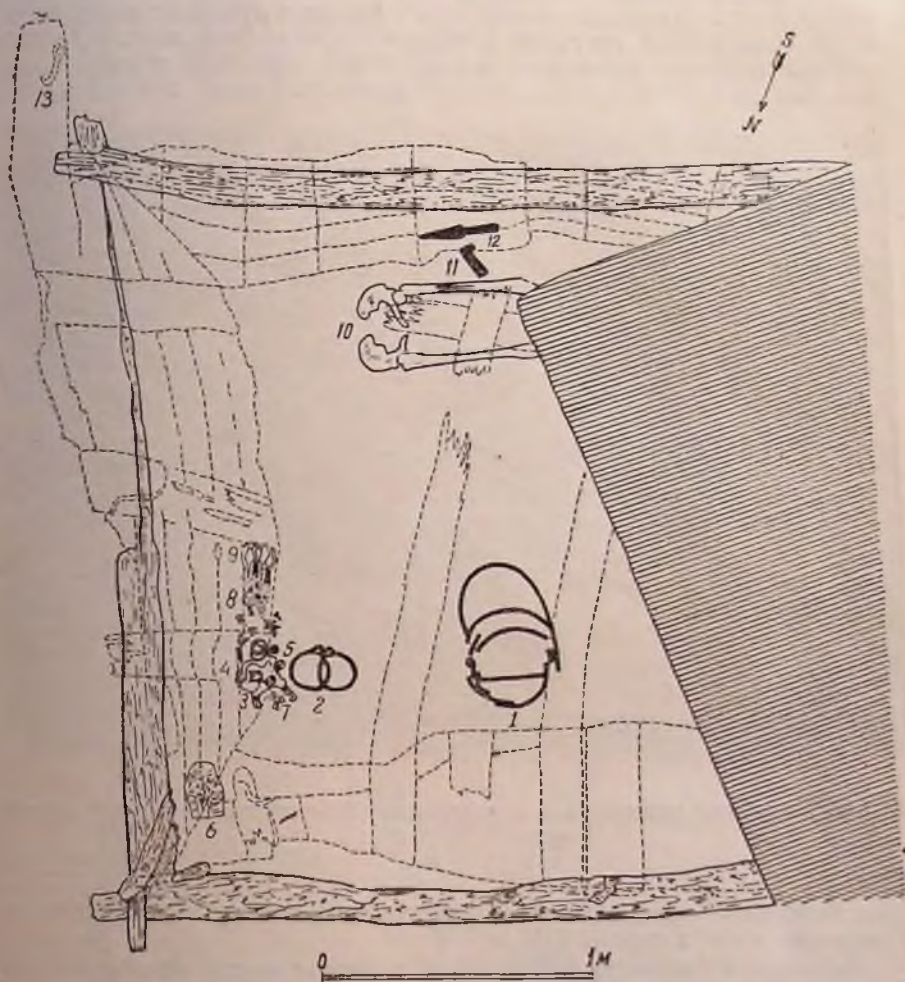

Рис. 61. Погребение дружинника X в. в срубе под фундаментом Десятинной церкви. План (раскопки 1939 г.).

дены куски кожаных ремней с прикрепленными к ним семью сердцевидными бронзовыми орнаментированными бляшками (рис. 63) и четырьмя, железными пряжками; как прикреплялись пряжки, проследить не удалось ввиду плохой сохранности кожи в местах прикрепления. К одному из кусков кожи была прикреплена массивная литая серебряная пряжка с орнаментом (рис. 63). Несмотря на то, что в гробнице не было обнаружено скелета лошади, находка полного ассортимента кон-

ского снаряжения не оставляет сомнения в том, что погребение коня (целиком или разрубленного на части) находилось в западной разрушенной части сруба.

В 0,40 м к западу от стремян, в средней части сруба, ближе к северной стенке, расчищены три железных обруча и дужка от деревянного ведра (рис. 66). В гумусном заполнении сруба (над накатом) было найдено несколько фрагментов керамики, три железных гвоздя, астрагал, обломки человеческих костей. Возможно, что эти предметы

Рис. 62. Погребение дружинника X в. в срубе под фундаментом Десятинной церкви. (фото после расчистки).

были выброшены из западной (разрушенной) части сруба при закладке фундамента столба церкви XIX в.

Изучение погребений, раскопанных в разное время на территории Десятинной церкви, наряду с погребениями, найденными при случайных земляных работах в различных районах древнего города, вплоть до Золотых ворот, позволило реконструировать облик огромного древнего киевского некрополя, существовавшего в IX—X вв. за валом, ограждавшим древнее городище.

Основные итоги этого исследования были изложены мною в докладе на Пленуме ИИМК АН СССР 20 января 1939 г.¹ и в докладе на заседании ученого совета Института археологии Академии наук УССР 27 февраля 1939 г. Собранные воедино сведения о случайных находках

¹ М. К. Каргер, Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным, КСИМК АН СССР, I, Л., 1939, стр. 9—10.

более чем за 100 лет и материалы систематических раскопок конца XIX — начала XX вв. дали возможность восстановить свыше 150 погребений различной сохранности и значения.

Рис. 63. Погребение дружинника X в. в срубе. Инвентарь.

Большая часть этих погребений представляла курганные могилы с труположением. Это обстоятельство, повидимому, и вводило в смущение старых археологов. Еще А. А. Спицын не раз указывал, что труположение становится нормальным типом погребения на Руси

Рис. 64. Погребение дружинника X в. в срубе. Инвентарь.

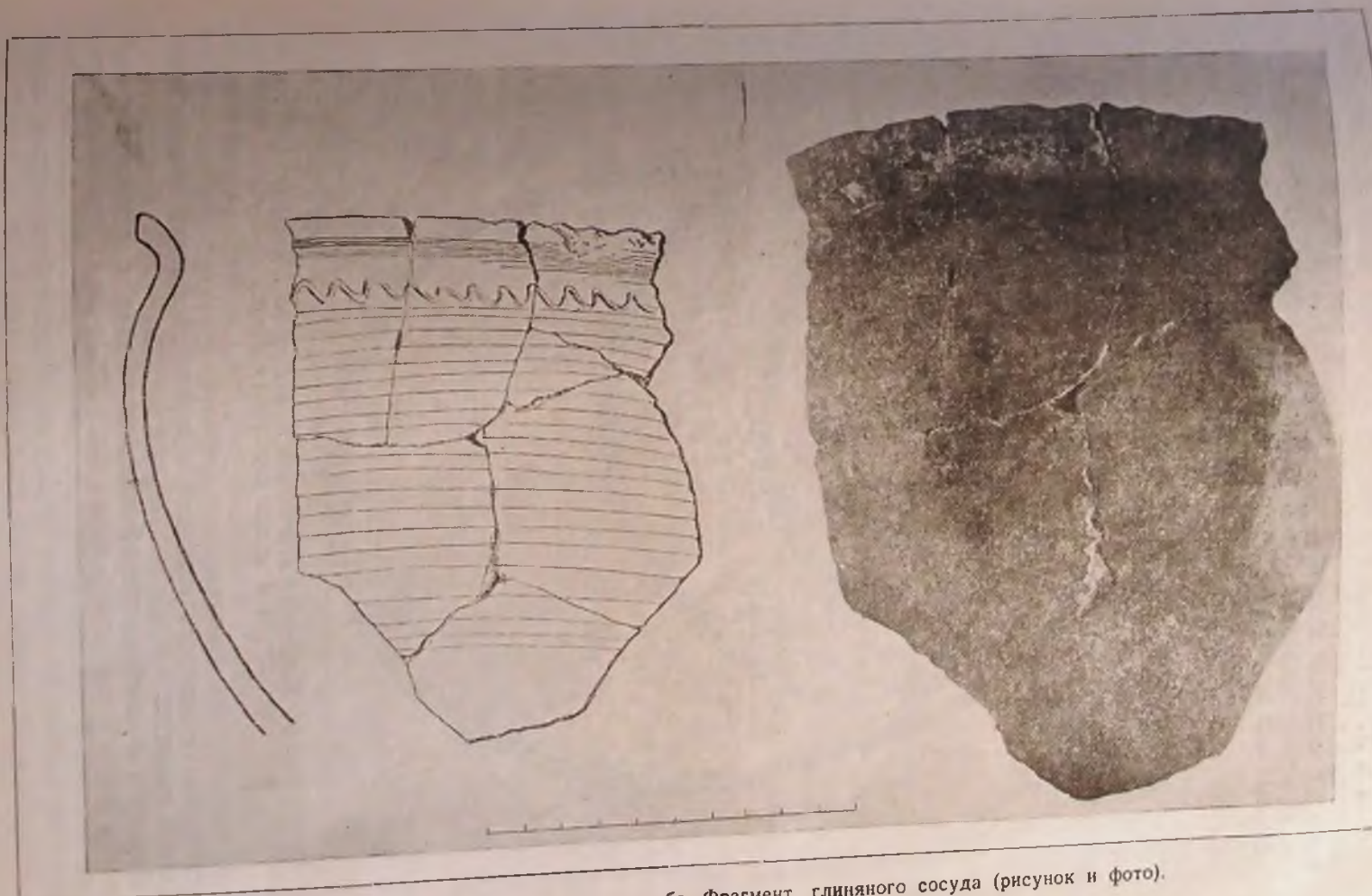

Рис. 65. Погребение дружинника X в. в срубе. Фрагмент глиняного сосуда (рисунок и фото).

только в XI в. Именно поэтому он датировал почти все погребения, найденные в Киеве, временем после XI в. Ошибочность этого мнения ныне не вызывает сомнений.

Изучение некрополя IX—X вв. в Киеве позволило установить, что массовый тип погребений представляет собой захоронение в деревянном

Рис. 66. Погребение дружинника X в. в срубе. Железные обручи и дужка деревянного ведра.

гробу, сбитом железными гвоздями в грунтовой могиле с небольшой курганной насыпью.

Наряду с массовыми погребениями этого типа, в составе того же киевского некрополя в разное время было обнаружено несколько богатых погребений с гораздо более сложным устройством могилы. Это большие подземные деревянные срубы, перекрытые бревенчатым накатом. Инвентарь погребения такого типа резко отличается от инвентаря

массовых погребений. Богатое вооружение, богатые одежды и драгоценные украшения, скелет коня и пышная конская упряжь не оставляют сомнений в том, что здесь погребены знатные представители княжеской дружины.

Большая часть погребений киевского некрополя, к сожалению, была обнаружена при случайных земляных работах или же во время раскопок, методическая сторона которых и особенно графическая фиксация были неудовлетворительными.

Вследствие этого устройство могильных сооружений, состав и, особенно, расположение инвентаря в могилах не могли быть восстановлены с желаемой полнотой и точностью. Из сказанного ясно, какой исключительный интерес для науки представляют погребения, обнаруженные раскопками 1938—1939 гг.

6.

Еще в 1908 г. раскопками Д. В. Милеева на территории усадьбы Десятинной церкви, в 4,5 м к северу от древней северной стены храма, было установлено сильное понижение культурных слоев, которые потом опять резко поднимались. В 1909 г., когда этот факт был прослежен на значительном пространстве по всему исследованному участку вдоль северной стены древней церкви, стало очевидным, что понижение представляет собой значительной длины ров глубиной до 6 м¹. Ров уходил за границу усадьбы Десятинной церкви в направлении к северному обрыву Андреевской горы, на территорию соседней усадьбы Петровского, где, однако, тогда не был прослежен. Находки, обнаруженные в верхних слоях засыпи рва, дали основание считать, что ров был засыпан в XIII в. Назначение его не было выяснено, но высказывались предположения, что ров связан с самой Десятинной церковью и представляет своеобразное укрепление вокруг нее.

В 1908—1909 гг. было правильно установлено, что все древнейшие погребения довладимировой поры расположены только к востоку от рва, доходят до самого его склона, но никогда не переходят на его западную сторону. Из этого правильного наблюдения не было, однако, сделано очевидного вывода, что ров связан именно с древнейшей довладимировой эпохой, а отнюдь не с эпохой существования самой церкви (X—XIII вв.).

Не только в период раскопок Д. В. Милеева, но и значительно позже, вплоть до недавнего времени, считалось, что древнейшим ядром Киева является так называемый „Владимиров город“, то есть город, огражденный при Владимире земляными валами с каменными башнями. Остатком этого, как тогда казалось, древнейшего города являются развалины каменной воротной башни, известной под именем „Батыевых ворот“, раскопанной на углу ул. Кораленко и Б. Житомирской. О существовании более раннего городища, предшествовавшего городу Владимиру, никто тогда и не подозревал.

Раскопки 1936—1937 гг. в бывшей усадьбе Петровского и наши раскопки 1939 г. в усадьбе Слюсаревского позволяли не только исследовать

¹ С. Вельмин. Археологические раскопки Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Восточно-исторический вестник. № 7-8. 1910, отд. отт., стр. 20.

довать в целом ряде точек и проследить на значительном протяжении обнаруженный в 1908—1909 гг. ров, но и уяснить его подлинное назначение.

Раскопками 1936 г. ров глубиной 4,50—4,70 м от уровня современной поверхности был обнаружен в северном конце усадьбы Художественной школы (бывшая усадьба Петровского), на обрыве над Андреевским спуском (ныне спуск Ливера)¹. Глубина рва по отношению к уровню материка — 2,90—3,00 м. Склон его падал под углом около 45°. Ров был прослежен на этом участке на протяжении 6,20 м. В засыпке рва встречены кости животных и фрагменты лепной керамики.

Продолжение этого рва было обнаружено в 10—15 м к юго-востоку от первого² с помощью шурфа, который не был доведен до дна рва: на глубине 5 м дно еще не было обнаружено. От этого участка ров резко поворачивал к юго-западу.

Продолжение рва было прослежено в 1937 г. шурфом, заложенным к северу от северной стены каменного дома в усадьбе Десятинной церкви. Ров на этом участке имел направление с северо-востока на юго-запад и уходил под каменный дом³. Склон рва падал под углом 50°. Засыпка его состояла и здесь из плотно слежавшейся земли, в которой попадались фрагменты керамики, сделанной на круге, кости животных и уголь. На дне рва были найдены фрагменты грубой лепной керамики, относящейся к VIII—IX вв. И этот шурф не достиг материка. Дно рва не было обнаружено, хотя глубина раскопа была доведена до 4,80 м. Древняя засыпка рва начиналась на глубине 2,60 м от уровня современной поверхности. Нельзя было установить и ширину рва, так как раскрыт был только западный склон его. Между только что описанными двумя участками рва находился третий, раскопанный в 1908—1909 гг. Д. В. Милеевым. Судя по замечанию С. Вельмина⁴ и чертежу самого Милеева⁵ (рис. 67), ров был им обнаружен в 4,5 м от древней северной стены Десятинной церкви. Из этого следует, что он находился на прямой, соединяющей шурф 1936 г. с шурфом 1937 г.

Раскопками 1936 г. был установлен еще один участок рва, находящийся на расстоянии 30 м к юго-западу от шурфа, у северной стены дома. Этот участок был обнаружен в юго-восточной части усадьбы Художественной школы, у самого забора, отделяющего эту усадьбу от соседней усадьбы Слюсаревского, но по техническим условиям не был раскопан до конца⁶. По западному склону рва обнаружили лежащие в беспорядке человеческие скелеты и большие камни. В верхней части засыпки рва был найден небольшой глиняный сосуд с волнистым и линейным орнаментом. В сосуде находились две серебряные гривны киевского типа и железный скобель. В засыпке рва, на различных уровнях обнаружено значительное количество фрагментов керамики, сделанной на круге.

¹ Дневник Киевской археологической экспедиции АН УССР 1936 г., № 8, стр. 84 (Архив Института археологии АН УССР).

² Там же, № 11, стр. 33.

³ Там же, 1937 г., № 1, стр. 40—44.

⁴ С. Вельмин, Ук. соч., стр. 20.

⁵ Архив ИИМК АН СССР (фонд бывш. Археологической комиссии).

⁶ Дневник Киевской археологической экспедиции АН УССР 1936 г., № 8, стр. 35—36; № 7, стр. 15.

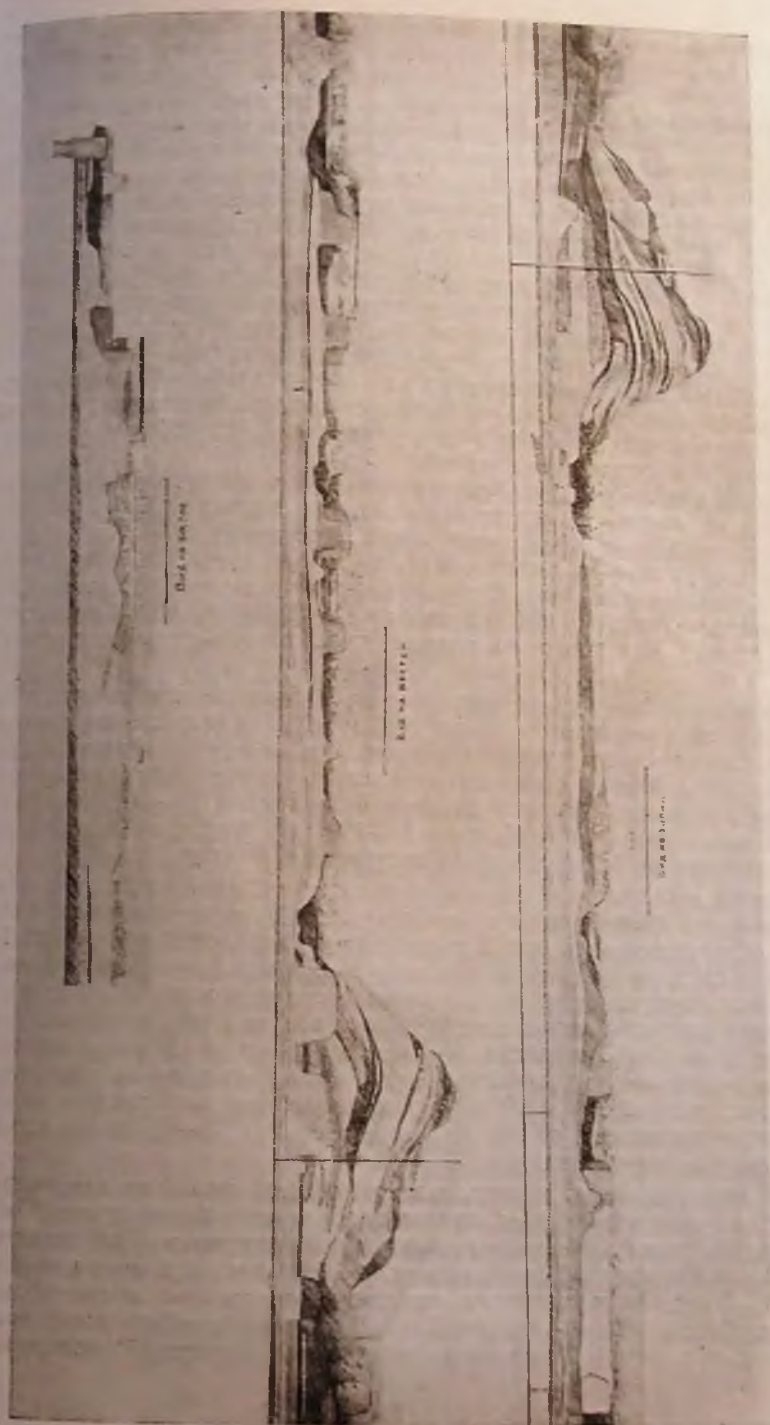

Рис. 67. Разрез рва горючих (раскопки Д. В. Милеева).

Нашими раскопками 1939 г. в саду усадьбы Слюсаревского (Десятинный пер., д. № 4) был обнаружен последний участок рва, который лежит еще на 10 м южнее только что описанного в усадьбе Художественной школы. Раскрыть ров полностью не удалось, так как восточный склон его находится под каменным домом. Западный склон по техническим условиям (в связи с близостью фундаментов постройки) удалось раскопать лишь на глубину до 3,25 м. Угол падения его — 45°. В засыпке рва обнаружена керамика (на круге и лепная) и кости.

Вскрытые в 1908—1909 гг. и в 1936—1939 гг. участки рва позволяют установить его основную трассу. Начинаясь от северного обрыва Андреевской горы (бывш. усадьба Петровского), ров имеет направление сначала к югу, а потом несколько сворачивает к юго-западу, вдоль северной стены Десятинной церкви. Выходя затем на границу усадьбы Десятинной церкви, ров проходит через юго-восточную часть бывш. усадьбы Петровского и выходит в сад усадьбы Слюсаревского. Дальнейшее направление его не было установлено, но можно предположить, что пересекая Десятинный переулок, ров заканчивается у обрыва Андреевской горы над Кожемяками.

Трасса рва не оставляет никаких сомнений в его назначении. Прежде всего, он отнюдь не связан с Десятинной церковью. Наоборот, ров проходит так близко от северной стены Десятинной церкви, что, надо думать, сооружение последней стало возможным лишь после предварительной засыпки рва. Уже из этого следует, что его существование закончилось не в XIII в., как думали С. Вельмин и, повидимому, Д. В. Милеев, а значительно раньше и, во всяком случае, не позже конца X в.

Terminus ante quem устанавливается, однако, не только на изложенном выше основании. Раскопки 1936 г. обнаружили, что на засыпке рва в той его части, которая вскрыта на северном склоне бывш. усадьбы Петровского, находились землянки и ювелирная мастерская. Остатки землянок и большое количество предметов XI—XIII вв., найденных там, свидетельствуют, что в XI—XIII вв. трасса, по которой ранее проходил ров, была уже густо застроена и заселена.

Весьма существенные данные о времени существования рва дали находки в его нижних слоях и особенно находки, в значительном количестве обнаруженные на дне. В отличие от находок, относящихся к XI—XIII вв. и обнаруженных на поверхности рва, находки на дне его состояли в основном из фрагментов грубой лепной керамики и костей. Изучение погребений киевского некрополя убеждает нас, что уже в начале X в. в Киеве была распространена керамика, хотя и грубая по составу глины и несовершенная по обжигу, но все же сделанная на гончарном круге. Распространение в Киеве лепной керамики того типа, который представлен находками со дна рва, относится к VIII—IX вв., а иногда и к более раннему периоду.

Все это приводит к выводу, что ров, обнаруженный на территории древнего Владимирова города, представляет остаток более древней оборонительной линии киевского городища, расположенного на западной оконечности Андреевской горы, защищенной с запада и с севера крутым обрывом. Этот ров и, очевидно, находившийся за ним земляной вал ограждали Киев VIII — начала X вв. За рвом древнейшего городища к востоку и к югу был расположен древний курганный могильник,

изучение которого дало исключительно ценный научный материал для реконструкции облика древнейшего Киева¹. Территория этого могильника во много раз превосходила площадь самого городища. В конце X в. старые городские укрепления были уже недостаточны для разросшегося города. Владимир Святославич обносит новым валом и рвом разросшийся город. Древний ров, оказавшийся в черте нового города, засыпали, а расположенный в центре последнего языческий курганный могильник был уничтожен и застроен. На площади могильника в 989 г. была заложена первая каменная христианская церковь,

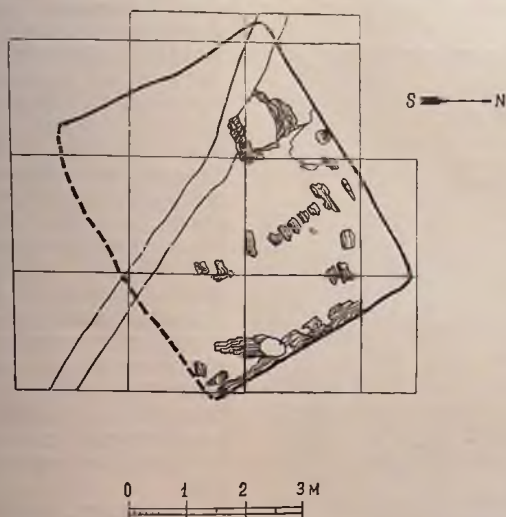

Рис. 68. План землянки в усадьбе Художественной школы (раскопки 1939 г.).

а вскоре возник и ряд других храмов и монастырей. Ставшая центром нового города, площадь могильника быстро застраивается дворцами князя и хоромы знати, а на территории старого городища и на трассе засыпанного рва возникают землянки-мастерские княжеских холопов-ремесленников. Многочисленные остатки этих землянок-мастерских и составляют основной материал, добытый раскопками В. В. Хвойко в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского и раскопками 1936—1939 гг. в усадьбах Петровского и Слюсаревского.

Несмотря на огромное количество добытого этими раскопками материала, до последней поры не удавалось обнаружить ни одного жилища, относящегося ко времени существования древнейшего городища.

Поэтому понятно, какой исключительный интерес представляет землянка, несмотря на ее плохую сохранность, раскопанная Киевской

¹ М. К. Каргер, Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10.

экспедицией в 1939 г. в юго-западном углу бывш. усадьбы Петровского (ныне усадьба Художественной школы), почти у самого обрыва Андреевской горы (рис. 68). Стенки ее почти не сохранились. Границы землянки были прослежены в основном по утрамбованному и обожженному глиняному полу, на котором обнаружено большое количество обгоревшего дерева и в том числе обломки нескольких обгоревших досок от кровли, лежащих рядом, перпендикулярно к толстой обуглившейся балке, на которую, повидимому, они опирались.

В северо-западном углу была обнаружена удовлетворительно сохранившаяся глиняная печь, имевшая форму вытянутого прямоугольника, с провалившимся сводчатым верхом (рис. 69). Задняя ее часть уничтожена поздней траншеей, прорезавшей землянку. Под печи хорошо обожжен и представлял собою плотную глиняную основу, неоднократно подновлявшуюся путем подмазки. Набивка пода битой глиняной посудой или кирпичом, характерная для киевских землянок XI—XIII вв., здесь отсутствует. Землянка имеет прямоугольный план, с трех сторон можно проследить слабые следы обожженных глиняных стенок, четвертая стенка не сохранилась совершенно, и граница землянки с этой стороны установлена исключительно по границе обожженного пола.

Рис. 69. Печь землянки в усадьбе Художественной школы.

и обмазанных глиной. Эти куски позволяют реконструировать облик наземных частей жилища.

В числе находок на полу землянки, помимо костей животных, необходимо отметить небольшое количество фрагментов грубой лепной керамики (рис. 71—72), ближайшим образом напоминающих лепную керамику поселений корчеватовского типа, а также фрагменты чернолощеной керамики. Наряду с керамикой на полу землянки и за ее границами было обнаружено несколько глиняных пряслиц.

Состав этих находок заставляет отнести раскопанную нами землянку к числу жилищ древнейшего поселения, существовавшего на Андреевской горе уже в первые века н. э., во всяком случае не позже III—IV вв. н. э. Это позволяет рассматривать ее как памятник, синхронный „полям погребений“, открытым в том же районе.

Рис. 70. Обломки глиняной обмазки из землянки в усадьбе Художественной школы.

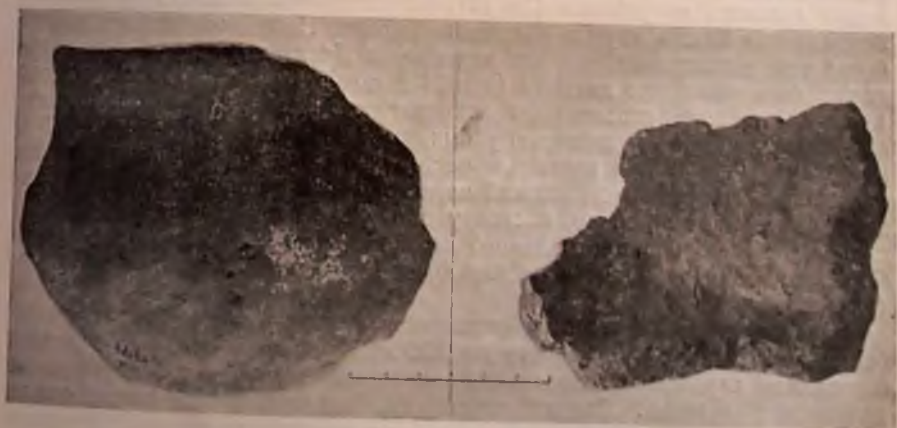

Рис. 71. Фрагменты керамики из землянки.

экспедицией в 1939 г. в юго-западном углу бывш. усадьбы Петровского (ныне усадьба Художественной школы), почти у самого обрыва Андреевской горы (рис. 68). Стенки ее почти не сохранились. Границы землянки были прослежены в основном по утрамбованному и обожженному глиняному полу, на котором обнаружено большое количество обгоревшего дерева и в том числе обломки нескольких обгоревших досок от кровли, лежавших рядом, перпендикулярно к толстой обуглившейся балке, на которую, повидимому, они опирались.

В северо-западном углу была обнаружена удовлетворительно сохранившаяся глиняная печь, имевшая форму вытянутого прямоугольника,

Рис. 69. Печь землянки в усадьбе Художественной школы.

с провалившимся сводчатым верхом (рис. 69). Задняя ее часть уничтожена поздней траншеей, прорезавшей землянку. Под печи хорошо обожжен и представлял собою плотную глиняную основу, неоднократно подновлявшуюся путем подмазки. Навивка пода битой глиняной посудой или кирпичом, характерная для киевских землянок XI—XIII вв., здесь отсутствует. Землянка имеет прямоугольный план, с трех сторон можно проследить слабые следы обожженных глиняных стенок, четвертая стенка не сохранилась совершенно, и граница землянки с этой стороны установлена исключительно по границе обожженного пола.

На полу землянки в слое золы и угля найдены куски обожженной глины с отпечатками прутьев (рис. 70). Эти куски по характеру обжига и по величине, повидимому, не связаны с печью; они являются частями стен землянки, плетенных из прутьев

и обмазанных глиной. Эти куски позволяют реконструировать облик наземных частей жилища.

В числе находок на полу землянки, помимо костей животных, необходимо отметить небольшое количество фрагментов грубой лепной керамики (рис. 71—72), ближайшим образом напоминающих лепную керамику поселений корчеватовского типа, а также фрагменты чернолощеной керамики. Наряду с керамикой на полу землянки и за ее границами было обнаружено несколько глиняных пряслиц.

Состав этих находок заставляет отнести раскопанную нами землянку к числу жилищ древнейшего поселения, существовавшего на Андреевской горе уже в первые века н. э., во всяком случае не позже III—IV вв. н. э. Это позволяет рассматривать ее как памятник, синхронный „полям погребений“, открытым в том же районе.

Рис. 70. Обломки глиняной обмазки из землянки в усадьбе Художественной школы.

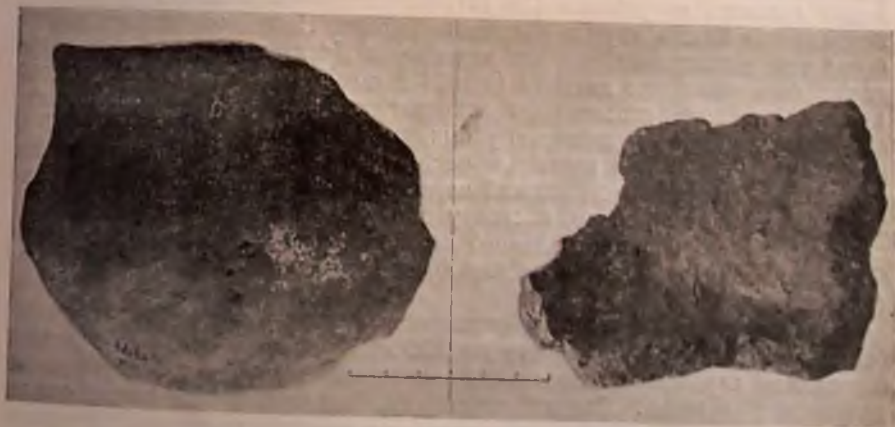

Рис. 71. Фрагменты керамики из землянки.

Рис. 72. Фрагменты керамики из землянки.

7.

Среди многочисленных открытий, которыми увенчались раскопки развалин Десятинной церкви, одним из наиболее интересных была находка древнего погребения (№ 16), сохранившегося почти в полной неприкосновенности внутри развалин церкви. Неприкосновенность его более чем удивительна, так как территория Десятинной церкви подвергалась раскопкам уже дважды (в 1824 г. под руководством Лохвицкого и в 1826 г. под руководством архитектора Ефимова) и может быть объяснена лишь неряшливостью упомянутых раскопок. С 1828 по 1935 г. погребение, как и вся западная часть развалин Десятинной церкви, находилось под новой стасовской церковью. Оно обнаружено под уровнем древнего пола церкви, к северу от фундамента, соединяющего линию южных столбов центрального нефа, в западной части последнего. Саркофаг стоял параллельно линии фундамента, почти вплотную к нему (рис. 49).

От саркофага сохранилась истлевшая южная стенка на высоту до 0,10 м и западная — на высоту до 0,35 м. На высоте около 0,50 м над основанием саркофага тщательной зачисткой прослежена деревянная двускатная крышка. Стенки саркофага, сделанные из досок около 0,05 м толщиной, сбиты коваными железными гвоздями. Волокна южной стенки имеют горизонтальное направление, волокна западной — вертикальное. Длина саркофага 2,22 м, ширина — 0,65 м. Могильное пятно на 0,15 м шире и длиннее саркофага (рис. 73).

В земле, которая лежала над саркофагом и после его разрушения отчасти попала внутрь, было найдено на различной высоте несколько предметов. На 0,25 м выше головы лежал бараний астрагал с обтертой поверхностью и нацарапанным рисунком. В ногах погребения, но выше саркофага на 1,00 м, найден крупный клык кабана. В разных местах над погребением были найдены, кроме того, обломки костей животных и рыб, куски древнего кирпича и раствора, фрагменты древней керамики. Так как никаких поздних находок в засыпи не было, можно предполагать, что перечисленные вещи были либо брошены в могилу при погребении, либо принадлежат более древним захоронениям.

После снятия остатков истлевшей деревянной крышки был зачищен скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 74). Повидимому, при выемке бута фундамента была потревожена правая рука скелета, так как локтевая и лучевая кости поломаны и вдавлены в землю глубже дна саркофага. Фаланги обеих рук разбросаны в беспорядке, а лопатка и ключица не сохранились совсем. В остальном костяк не потревожен, но кости чрезвычайно хрупки.

Вдоль правой ноги, начинаясь от бедренного сустава и кончаясь немного ниже колена, лежал железный меч (длина — 0,59 м, ширина — 0,06 м; рис. 75). На нем частично сохранились деревянные ножны с серебряным наконечником. Наконечник представляет собой гладкую серебряную покрывку ножен, украшенную в верхней части гравированным орнаментом и заканчивающуюся сверху с каждой стороны птичьей головкой с изогнутым клювом и большим глазом. Нижняя часть наконечника

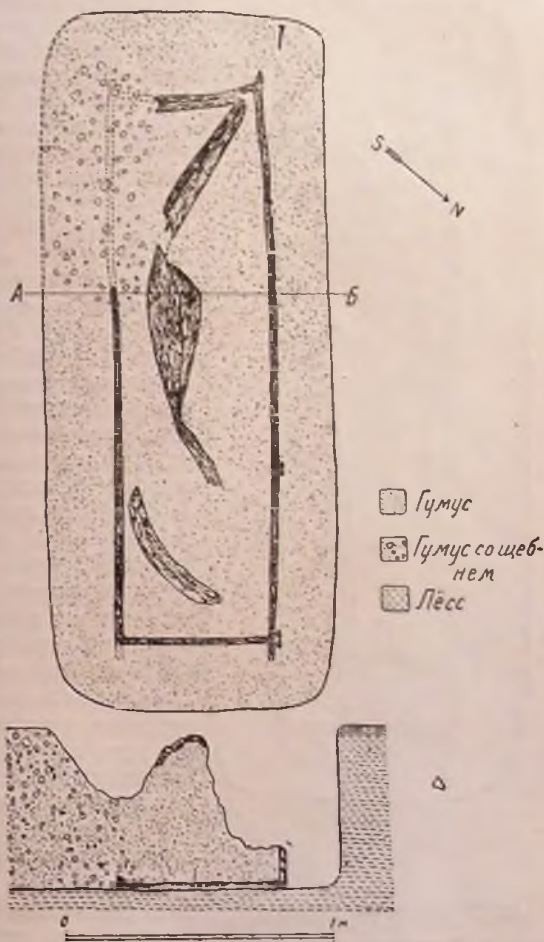

Рис. 73. Деревянный саркофаг в Десятинной церкви.
План и разрез.

нечника также покрыта гравированным плетеным орнаментом и накладной ажурной пластинкой с черневым заполнением. К концу наконечника припаян серебряный шарик (рис. 75).

Верхняя часть меча вместе с рукоятью, к сожалению, обломана.

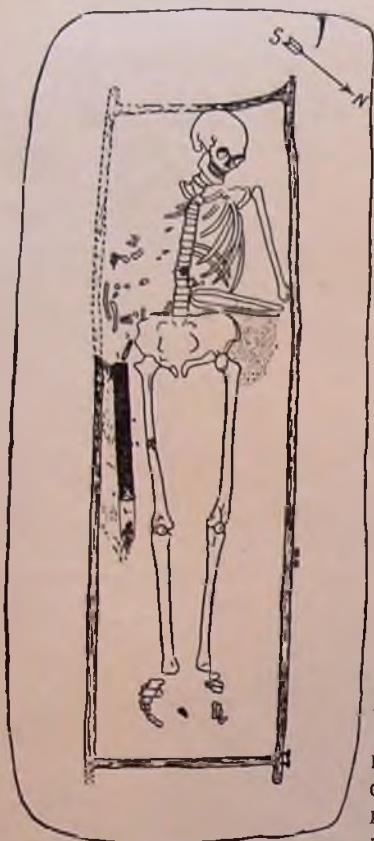

Рис. 74. Погребение князя в деревянном саркофаге. План.

Повидимому, это произошло тогда же, когда были потревожены кости правой руки скелета, то есть при выемке бута древнего фундамента. Вдоль меча и особенно на нем сохранились незначительные фрагменты ткани. Подле меча и частью на нем были найдены три накладные серебряные бляшки сердцевидной формы, с круглым отверстием (рис. 76). На лицевой стороне их — орнамент с углубленным фоном, первоначально, повидимому, заполненным чернью. На обороте — по два штифтика для прикрепления к ремню. У верхней (обломанной) части меча найден серебряный наконечник ремня со стилизованной звериной головкой (рис. 76). Вся поверхность наконечника покрыта стилизованным растительным орнаментом с углубленным фоном, заполненным чернью. Выше локтя правой (разрушенной) руки найдена серебряная орнаментированная пряжка с чернью (рис. 76). Наконец, у позвоночника, немного выше таза, найден еще один фрагментарно сохранившийся серебряный предмет с двумя круглыми отверстиями, покрытый рельефным орнаментом (рис. 76). Назначение предмета установить не удалось. Слева от тазовых костей лежали совершенно истлевшие остатки какой-то ткани, превратившейся в пыль.

Десятинная церковь уже с самых первых лет своего существования выступает в качестве княжеской усыпальницы. Еще основатель церкви князь Владимир Святославич, по сказанию, занесенному в Степенную книгу, перенес в только что отстроенный храм тело своей бабки княгини Ольги¹. Там же были погребены

в 1015 г. сам Владимир и его супруга, византийская княжна Анна (Елена).

О погребении Владимира киевский летописец повествует с большими подробностями. Как известно, князь умер 15 июля 1015 г. в своем княжеском селе Берестове. Тело его в течение дня „потанша, бе бо Святополк Кыеве“.

¹ Книга степенная царского родословия, I, степень первая, стр. 120—121.

„Ночью же межю двема клетми проидавше помост, обертевше в ковер и, ужи съвесиша на землю; възложьше и на сани, везъше поставиша и в святей Богородицы, юже бе създал сам. Се же увевше

Рис. 75. Погребение в деревянном саркофаге. Меч.

людье, бес числа снидошася и плакашася по немъ, боляре аки заступника их земли, убози акы заступника и кормителя; и вложиша и в коръсту мороморяну,охраниша тело его с плачемъ, блаженного князя“¹.

Летописное известие о смерти Анны не сообщает о месте ее погребения

¹ Лаврентьевская летопись, 6523 (1015) г.

бения¹, но о том, что она была погребена именно в Десятинной церкви; говорит свидетельство Титмара Мерзебургского, который в своей Хронике, написанной вскоре после смерти Анны (сам Титмар умер в 1018 г.) писал: „Владимир уже в престарелом возрасте и после продолжительного царствования умер и погребен в Киеве большом городе, в храме Христова мученика папы Климента возле вышеупомянутой жены своей (Елены гречанки), и саркофаги их стоят на виду, посреди храма“². Еще Н. М. Карамзин³ высказал справедливое замечание,

что в Десятинной церкви хранились мощи Климента и мог быть придел, посвященный этому святому. Наименование всей церкви именем Климента у Титмара, несомненно, ошибочно.

В 1044 г., по воле Ярослава, были выкопаны кости князей Ярополка и Олега Святославичей, умерших язычниками, и после совершения обряда крещения над ними — положены в Десятинной церкви⁴.

В 1078 г. в ней же был с исключительной торжественностью погребен сын Ярослава, Изяслав Ярославич, убитый в бою. Когда тело его, по старинному обычаю, везли в саних (хотя погребение происходило 3 октября), „изиде противу ему весь город Киев... и не бе лзе слышати пеня во плачи и велице вопли, плака бо ся по нем весь град Киев...

Рис. 76. Погребение в деревянном саркофаге. Серебряные накладки и пряжка.

И принесше положиша тело его в церкви святыя Богородица, вложивъше и в раку мраморяну“⁵.

В 1093 г. Десятинная церковь в последний раз выступает в качестве усыпальницы. В этом году в ней был погребен князь Ростислав Мсти-

¹ „В лето 6519. Преставися царица Володимиря Анна“, Лаврентьевская летопись, 6519 (1011) г.

² Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, Киев, 1874, отд. II, стр. 1.

³ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. 1, прим. 488.

⁴ „В лето 6552. Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица“, Лаврентьевская летопись, 6552 (1044) г.

⁵ Лаврентьевская летопись, 1078 г.

славич¹. Никаких известий о других погребениях в Десятинной церкви после этого года нет. Местом княжеских погребений, по описаниям летописцев, становится собор Софии и различные княжеские монастыри.

Итак, на основании письменных источников в Десятинной церкви можно установить семь княжеских погребений, относящихся к XI в. О двух из них письменные источники сообщают как о погребениях в мраморных саркофагах; характер остальных по этим источникам не может быть установлен.

Повышенный интерес к погребениям в Десятинной церкви возник еще в XVII в. и был связан с церковно-политической борьбой, развернувшейся на Украине между православной и униатской церквями. Митрополит Петр Могила, заинтересованный в возвышении православной церкви, развивал активную деятельность по реставрации церковных сооружений, считавшихся тогда постройками Владимира, стремясь тем самым, как уже указывалось выше, подчеркнуть древность, исконность киевского православия. Понятно, каким крупным козырем в церковной борьбе была бы находка подлинных останков основателя киевского православия — князя Владимира.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что первый же открытый в развалинах Десятинной церкви саркофаг был объявлен саркофагом Владимира. По рассказу Афанасия Кальнофойского (Тератургима) „Драгоценное сокровище — святые мощи Владимира были выкопаны из развалин Десятинной церкви в 1635 г.“.

Уже в XVIII в. это краткое известие Кальнофойского весьма много-словно, с большим количеством подробностей, ни на чем, впрочем, не основанных, было передано автором „Краткого исторического описания Киево-Печерской Лавры“ — киевским митрополитом Самуилом Миславским. Он писал: „Митрополит Петр Могила, имея обыкновение посещать святые храмы каждую субботу, в некое время пошел в церковь святителя Николая, оставшуюся по разорении Батыевым от великия, называемая церкви, где, отправил обычную свою молитву и, по выходе из оной, обозревая окружность ее, увидел нечаянно в недалеком расстоянии от новой церкви небольшую в земле яму и, любопытствуя, приказал глубже оное место разрыть; по исполнении сего, найдены два мраморные гробы, в которых по свидетельству положенных на них надписей, лежали кости св. князя Владимира и супруги его, греческия царевны, Анны. По открытии гроба св. Владимира, помянутый митрополит взял, в воспоминание будущим родам, великого оного князя главу, которую сперва положил в церкви Преображения господня, им же св. Владимиром по свидетельству летописцев сооруженной, состоящей ныне внутри крепости Печерской, близ северных врат Лаврских; потом того ж года, для безопаснейшего его хранения, положил в великой Киево-Печерской церкви, где и поныне сие дражайшее сокровище хранится“².

Первое более или менее достоверное известие о двух мраморных саркофагах в Десятинной церкви сообщено Н. М. Карамзиным со слов протоиерея И. Леванды, который почерпнул это известие из тетради

¹ „В се же лето преставися Ростислав, сын Мѣстиславль, внук Изяславль, месяца октября в 1 день; а погребен бысть ноямбря в 16, в церкви святяя Богородица“, Лаврентьевская летопись, 1093.

² Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры, изд. 2, Киев, 1795, стр. 80.

архимандрита Киево-Печерской лавры Зосимы. В этой тетради было сказано: „В правление Епархию Киевского митрополита Арсения Могилянского, старица Киево-Фроловского монастыря, княгиня Нектария Борисовна Долгорукова (супруга знаменитого несчастливца, казненного в царствование Анны Иоановны), получив благословение сего архипастыря, возобновила древние остатки Десятинной церкви. Заделывая трещину в стене алтаря и копая землю, каменщики открыли две мраморные доски, подобные той, которою покрыта Ярославова гробница в Софийском храме. Тогдашний священник сей церкви не сказал ничего митрополиту и любопытный памятник был опять засыпан землей“¹.

В 1824 г. в западной части южного нефа церкви К. Лохвицкий обнаружил „изломанную на три штуки белого мрамора фигурную гробовую крышку, под коей в щебне открыт остов, по замечанию врачей женский. При нем нашелся только перстень и крестик“². В северном нефе церкви Лохвицкий обнаружил „три места гробовые, окладенные гладко тесаным камнем... Первый... гроб открыт до дна и оказался засыпан щебнем, но под оным ничего не найдено“³.

Через два года архитектор Ефимов, производя дополнительные раскопки, обнаружил две новые гробницы, Лохвицким не раскопанные. Одна из них, состоявшая из плоских плит красного шифера, связанных железными прутьями, открыта к востоку от алтаря малой церкви, выстроенной П. Могилой у южной стены древнего храма, внутри его. В гробнице были обнаружены „все сохранившиеся кости, кроме головы и правой руки“, а также „остатки истлевшей парчевой одежды, золотая пуговица и башмаки мужские“⁴. Близ этой гробницы была найдена „гробовая доска“ из красного шифера⁵.

Подле северной стены храма, вне пространства, занимаемого древней Владимировой церковью, была открыта другая гробница — тоже из плит красного шифера, но украшенных высеченными изображениями. В гробнице этой найдены „все сохранившиеся кости, на оных истлевшая женская одежда и покрывало истлевшее парчевое и башмаки женские“⁶.

В 1908 г. Д. В. Милеев при раскопках северной части Десятинной церкви вновь вскрыл шиферный резной саркофаг, найденный в 1826 г. Ефимовым⁷. Тщательная раскопка, произведенная Д. В. Милеевым, позволила установить важный факт, не замеченный Ефимовым. После снятия щебня, покрывавшего верхнюю часть саркофага, наваленного, повидимому, после раскопок 1826 г., было обнаружено, что в нижней своей

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. 1, прим. 488.

² План первообитной Киевской Десятинной Богородицкой церкви, с объяснением оного, Отечественные Записки, ч. 21, кн. 59, 1825, стр. 390; на плане место гробницы отмечено буквой В.

³ Там же, стр. 390—391; на плане отмечено буквой Г. Автор сопроводительного текста высказывал предположение, что это был гроб князя Владимира, но в то же время приводил „предание старожил“ о нахождении здесь погребения княгини Ольги. Принимая и этот вариант за возможный, автор полагал, что две другие гробницы, здесь же расположенные, принадлежали князю Владимиру и его супруге, княгине Анне (стр. 390—394).

⁴ Краткое историческое описание первопрестольной Десятинной церкви в Киеве, СПб., 1829, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 17—18.

⁶ Там же, стр. 15—16.

⁷ ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 153—156.

части саркофага заделан кладкой из тонкого (древнего) кирпича на цемянке (рис. 77). Следы приставшей цемянки на верхних частях саркофага, а также куски кладки с оттисками орнаментов, сбитые с него, очевидно, при расхищении (раскопках — М. К.) в XIX в., подтверждают, что саркофаг был заделан древней кирпичной кладкой. Строгая правильность положения саркофага относительно стены древней церкви, между ее лопатками, и правильность кирпичной обкладки привели Д. В. Милеева

Рис. 77. Шиферный саркофаг у северной стены Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милеева).

к заключению, с которым необходимо полностью согласиться, что саркофаг находится на своем первоначальном месте, а богатая орнаментация его сделана без расчета на то, что он останется открытым¹.

После раскопок Д. В. Милеева саркофаг опять был засыпан. В 1918 г. он вновь, в третий раз, был раскопан и перенесен в Киевский исторический музей². Ныне он экспонирован в Киевском Софийском заповеднике.

¹ Это обстоятельство было подмечено в статье „О гробнице великой княгини Ольги“, напечатанной в „Галлерее Киевских достопримечательных видов и древностей“, тетр. X, 1857, стр. 58. Автор этой статьи писал: „...гробница, найденная вне храма, при входе северными воротами в церковь, направо, приближенная к стене древнего фундамента, была обложена посадкою (древним квадратным кирпичом) и покрыта цементом таким, какой употреблен был при построении Десятинной церкви. Из этого очевидно было, что гробница та в первый только раз явилась тогда взорам исследователей“.

² М. Макаренко, Скульптура і різьбярство Київської Русі передмонгольських часів, Київські збірники історії і археології, I, Київ, 1930.

Саркофаг сделан из семи шиферных плит (толщ. 0,04 м), соединенных внутри двумя железными связями. Наружные стороны богато украшены резной орнаментацией (рис. 78), внутренняя поверхность стенок гладкая. Костяк, лежавший в саркофаге, оказался в 1908 г. уже нарушенным. На нем обнаружены в истлевшем виде остатки парчевой ткани и куски кожи. Никаких других предметов не оказалось, но фиолетовые окислы на костях красноречиво свидетельствовали, что в саркофаге находились (до раскопок 1826 г.) металлические вещи.

Рис. 78. Шиферный саркофаг у северной стены Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милеева).

Итак, в итоге археологического изучения развалин Десятинной церкви, среди них разновременно найдено восемь древних погребений.

1—2. Два мраморных саркофага, впервые открытые при ремонте церкви, произведенном по инициативе кн. Долгорукой в XVIII в. Повидимому, один из этих двух саркофагов, с разломанной на три части крышкой и с женским костяком внутри, вторично нашел в 1824 г. Лохвицкий. Место этого саркофага показано на чертеже Лохвицкого в южном нефе церкви, у фундамента, соединяющего южную линию столбов.

3—5. Три каменных саркофага, раскопанные Лохвицким в северном нефе церкви; из них до дна открыт только один, заполненный щебнем, под которым ничего не было найдено. О характере этих саркофагов сказать что-либо невозможно.

6. Каменная гробница из гладких шиферных плит с плоской крыш-кой, повидимому, впервые обнаруженная при Петре Могиле в южном нефѣ церкви, когда оттуда был взят череп, и вновь раскопанная Ефимовым в 1826 г. Внутри сохранился костяк без головы и правой руки, что дало тогда же повод приписать этот скелет Владимиру. Саркофаг был сохранен в подцерковье новой стасовской церкви, где для него была устроена специальная крипта. Перед сломом церкви в 1933 г. саркофаг перенесли в Софійский заповедник, где он сохраняется поныне.

7. Каменный саркофаг из резных шиферных плит с двускатной крыш-кой, обнаруженный впервые Ефимовым в 1826 г., вторично раскопан в 1908 г. Д. В. Милеевым и вновь засыпан; в третий раз раскопан в 1918 г. и тогда же перенесен в Киевский исторический музей, а позже в Софійский заповедник, где и сохраняется поныне.

8. Деревянный саркофаг, раскопанный в 1939 г.

Итак, на территории развалин Десятинной церкви раскопаны восемь погребений, тогда как летописные известия говорят лишь о семи. Для объяснения этой неувязки считаем возможным отметить одно обстоятельство. Внутри церкви найдено только семь погребений, ибо резной шиферный саркофаг, стоявший, как бесспорно доказано Д. В. Милеевым, на первоначальном месте, находился вне древних церковных стен. Вне стен церкви, к востоку от древних апсид, Д. В. Милеевым были также обнаружены еще два плохо сохранившихся саркофага из гладких шиферных плит. Летописные же известия во всех семи случаях указывают на погребения внутри церкви.

Можно попытаться установить (разумеется, сугубо гипотетически), чье погребение с мечом раскопано в 1939 г.

Князя Владимир и Изяслав были погребены в мраморных саркофагах, погребение княгинь исключается, так как найденное в 1939 г. погребение — мужское. Таким образом, из семи погребенных в Десятинной церкви князей, с погребением, раскрытым в 1939 г, могут быть связаны только три — Ярополк и Олег Святославичи и Ростислав Мстиславич.

Можно, однако, сделать попытку и дальнейшего уточнения. Погребение князей Ярополка и Олега Святославичей происходило, как указывалось выше, при особых обстоятельствах. Князь Олег, сын Святослава, был убит во время битвы с братом своим Ярополком в 977 г. и погребен у города Вручего, где, очевидно, над его погребением был воздвигнут курган, память о котором жила долго, ибо в летописи сказано: „и есть могила его и до сего дня у Вручего“¹.

Брат его Ярополк был предательски убит по поручению своего третьего брата Владимира Святославича в дверях дворца Владимира в 980 г.: „...яко полезе в двери, и подъяста и два варяга мечьми под пазусе“.

Когда в 1044 г., то есть через 64 г. после смерти Ярополка и через 67 лет после смерти Олега, их кости были выкопаны и после совершения обряда крещения вновь погребены в Десятинной церкви, они, конечно, не могли быть помещены в новый саркофаг в том анатомически правильном расположении, которое видно на прилагаемом чертеже 1939 г. Таким образом, из погребенных в Десятинной церкви князей

¹ Лаврентьевская летопись, 977 г.

погребение в деревянном саркофаге может принадлежать, повидимому, только князю Ростиславу Мстиславичу, погребенному в 1093 г. Погребение это — последнее по времени. После него Десятинная церковь уже ни разу не упоминается в качестве княжеской усыпальницы¹.

Научное значение найденного в 1939 г. погребения исключительно велико. Это погребение — одно из весьма немногочисленных известных нам от XI—XIII вв. нетронутых христианских погребений представителей верхов сложившегося феодального общества.

Христианские погребения XI—XIII вв. не вызывали до недавней поры никакого интереса у археологов, изучавших древнюю Русь, на том основании, что погребения эти, по господствующему до настоящего времени убеждению, якобы не заключают в себе интересного для археолога инвентаря, столь богатого в погребениях дружинников и князей IX—X вв.

Убеждение это сложилось, на мой взгляд, не столько из априорного соображения о глубоком перерождении религиозных представлений христианизировавшейся верхушки феодального общества, сколько из того, что большая часть известных до последнего времени погребений, сохранившихся в древних храмах, представляла грубые фальсификации, сфабрикованные церковниками XVIII—XIX вв. Дошедшие до нас в виде „мощей“ княжеские погребения в наиболее крупных древнерусских храмах, конечно, представляли для археологии материал более чем сомнительный.

Наши раскопки 1933—1935 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде показали, какой большой научный интерес представляют для истории культуры древней Руси нетронутые (или почти нетронутые) христианские погребения, сохранившиеся под полами древнерусских храмов². Сохранившийся в этих погребениях инвентарь, в погребении которого важнейшую роль играли старые, отнюдь не изжитые языческие представления о загробной жизни, в научном отношении представляет столь же большой интерес, как и инвентарь языческих курганов IX—X вв., хотя, конечно, и уступает ему в богатстве.

Находка нетронутого княжеского погребения XI в., счастливо дважды уцелевшего от сокрушительных раскопок, вновь дает возможность убедиться в том, что с пренебрежительным отношением к христианским

¹ Попытка связать захоронение в деревянном саркофаге с летописным известием о погребении в 1093 г. кн. Ростислава Мстиславича была сделана мною в статье „Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви“ (КСИИМК, IV, 1940 стр. 12—20). В недавнее время Г. Ф. Корзухина в докладе, прочитанном на заседании Сектора древней Руси ЛОИИМК, на основании изучения меча и наконечника ножен из погребения 1939 г., пришла к выводу о более ранней дате меча, отнеся его на основании аналогии с одной находкой в Прибалтике, к началу XI в. Исходя из этого, Г. Ф. Корзухина пыталась подвергнуть сомнению дату, а тем самым и персональную атрибуцию погребения. Не входя здесь в рассмотрение аргументации Г. Ф. Корзухиной по существу, полагаю все же уместным заметить, что княжеский парадный меч, переходя по наследству, мог просуществовать 50—70 лет после своего изготовления. Что касается сомнений Г. Ф. Корзухиной вообще по вопросу о возможности связать летописные известия с найденными в Десятинной церкви в различное время захоронениями, то мне остается напомнить подчеркнутый мною и ранее безусловно гипотетический характер выдвинутого предположения. К тому же большое научное значение открытого нашими раскопками погребения я связывал и связываю отнюдь не с возможностью или невозможностью его персональной атрибуции.

² М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935 гг.), СА, VIII, 1946, стр. 200—222.

погребениям нужно покончить. Погребение, о котором идет речь, позволяет, в частности, отбросить одно ложное, но прочно укоренившееся представление.

В археологической литературе неоднократно высказывалась мысль, что оружие, в изобилии встречающееся в курганных погребениях IX—X вв., начиная с XI в., полностью исчезает из инвентаря погребений, из-за чего оружие феодалов XI—XII вв. мы знаем значительно хуже, чем оружие дружинников и дружинной знати IX—X вв.

Если последняя часть этого утверждения отражает действительное положение вещей, то предпосылка его совершенно не верна. Исходя из этой неверной предпосылки, некоторые исследователи пытались объяснить наличие оружия в погребениях двух посадников начала XIII в., раскопанных в Юрьевом монастыре, провинциальным и потому более консервативным полужызыческим характером погребального обряда в Новгородской земле. Есть ряд неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что не только в далеком Новгороде, но и в центре древнерусской культуры XI—начала XII вв. — в самом Киеве и в южных городах Киевской Руси, как и в северных, оружие, в частности меч, как и раньше, обязательно входило в состав загробного снаряжения знатного воина.

В 1892 г. киевский археолог-любитель Хойновский, наблюдая за земляными работами при постройке дома на углу Трехсвятительской и Владимирской улиц, на территории усадьбы князя Трубецкого нашел разломанный на куски шиферный саркофаг, стенки которого были скреплены железными прутьями. Под обломками плит был найден скелет и при нем фрагмент зеленого мраморного нагрудного креста и замечательный согнутый пополам меч в ножнах, отделанных золотом.

Судя по описанию и несовершенному рисунку, опубликованному Хойновским, меч был прямой (длина 0,92 м) с заостренным концом. Хойновский утверждал, что один край меча был острый, другой — тупой, покрытый инкрустацией. Окончание меча ($\frac{1}{4}$ его длины) было обоюдоострым.

Точная реконструкция меча и ножен затруднена тем обстоятельством, что меч был, повидимому, ободран нашедшими его землекопами, прежде чем он попал в руки самому Хойновскому. Хойновский так описывал находку меча: „К несчастной случайности при этой находке можно отнести то совпадение, что в то время, когда рабочие нашли меч, я тут же копался в земле над розыском малых золотых пуговиц... и не заметил первого момента находки этого меча; после, спустя несколько минут, обратив внимание на движение рабочих сзади меня, я устремился к находке и увидел этот меч, но мне показалось, что блеснувшее золото привлекло внимание рабочих и могло быть отчасти припрятано; остались два кусочка ножен, хотя и достаточных для научных исследований и определения самой находки, но у меня недостает уверенности в хорошем сбережении ее. Один рабочий, которого я заметил, как он клал в карман куски пластинок ножен, по моему настоянию отдал их мне, но другие не признались или не имели“¹.

Раскопки 1892 г. происходили на территории, которая рядом с киевских археологов связывалась с Андреевским (Яничным) монастырем.

¹ Хойновский, Раскопка великокняжеского двора древнего Киева, Киев, 1893, стр. 39.

выстроенным в 1086 г. вел. князем Всеволодом Ярославичем для своей дочери Янки. Среди известных по летописным сведениям погребений в этом монастыре было два женских — кн. Анны, второй жены Всеволода, и дочери Всеволода, Янки, и два мужских — князя Ярополка II, сына Владимира Мономаха, умершего в 1139 г., и сына Андрея Боголюбского, Доргобужского князя Владимира, умершего в 1170 г. Хойновский приписывал найденное им погребение первому князю на том основании, что, по его мнению, для Владимира, принимавшего деятельное участие в грабеже Киева с полчищами своего отца, киевляне едва ли бы стали устраивать каменную гробницу. Соображение это, конечно, наивно, и вопрос об атрибуции погребения, найденного в 1892 г., остается открытым. Ясно лишь одно, что это погребение представителя киевской феодальной знати конца XI или XII в.

Есть сведения о том, что в конце XVIII в. под полом Черниговского собора Спаса существовало много древних гробниц, на одной из которых лежал большой меч¹.

Как бы ни относиться к решению вопроса о дате и о принадлежности двух мечей, хранившихся до недавнего времени при гробницах Всеволода Гавриила и Довмонта в Псковском Троицком соборе, хранение меча у гробницы само по себе является несомненно проявлением старой традиции включения меча в состав погребального инвентаря.

Находка подлинного погребения XI в. с мечом в развалинах Десятинной церкви является новым веским подтверждением того, что не только в Новгородской земле, но и в самом Киеве христианские погребения в храмах сохранили еще ряд пережитков старого курганного погребального обряда.

8.

В юго-западной части развалин Десятинной церкви раскопками 1939 г. был открыт загадочный тайник — прямоугольное в плане подземное помещение, вырытое в материковом лессе (рис. 79). На глубине 1,25 м два узких хода вели из этого помещения в две разобщенные камеры, глубина которых достигала 4 м ниже уровня древнего пола церкви (рис. 80, 82). Время сооружения этого тайника и его первоначальное назначение установить невозможно. Все пространство в нем было заполнено рыхлым лессом, в котором найдено несколько тысяч фрагментов разнообразной глиняной и стеклянной посуды XVII в.

Кроме этого, в тайнике обнаружено свыше двухсот обломков мрамора различной величины и формы, которые представляют собой по большей части фрагменты плоских плит, покрытых с одной стороны барельефной резной орнаментацией. Обломки эти, несомненно, являются остатками древних резных парапетов хор и, может быть, частями алтарной преграды. Они имеют большое значение для реконструкции внутреннего убранства здания и заслуживают специального исследования и публикации.

Однако, наряду с этими архитектурными обломками, в тайнике было обнаружено пятнадцать фрагментов мрамора, которые резко отли-

¹ П. Иловайский, Черниговская старина, стр. 30; А. Е. Ефимов, Черниговские кафедральные соборы, Чернигов, 1908, стр. 23.

чались от остальных как по обработке поверхности, так и по характеру орнаментации. Среди них в первую очередь привлекает внимание большой фрагмент, составленный нами из двух кусков, найденных на различной глубине (рис. 81). Этот фрагмент, несомненно, представляет угол крышки большого саркофага, которая была сделана из одного куска

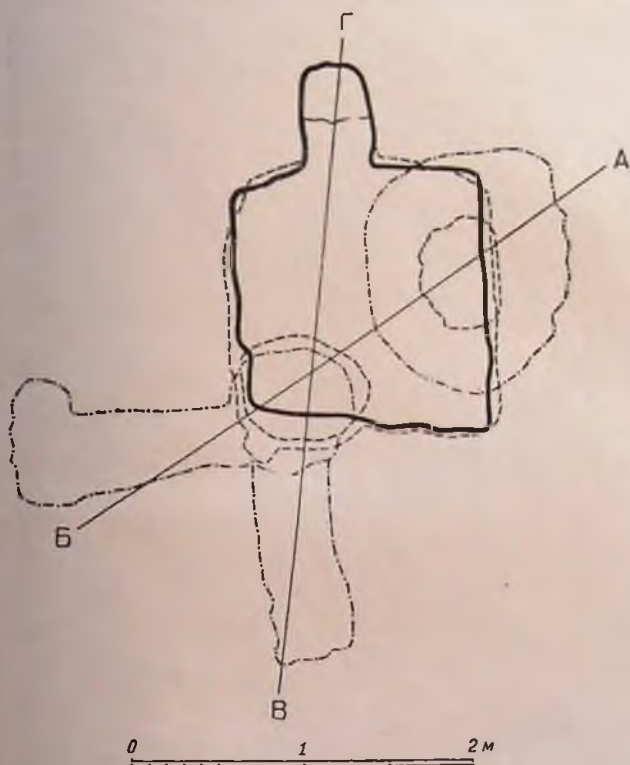

Рис. 79. Тайник под южным нефом Десятинной церкви. План.

мрамора; внутренняя поверхность ее гладкая, так же гладко отесан хорошо сохранившийся нижний бортик крышки. Наружная поверхность ее покрыта барельефной орнаментацией (рис. 81). В левом углу — рельефный крест с расширяющимися концами; под крестом сердцевидный лист, от которого вправо идет извивающийся стебель. Сохранившиеся края крышки окаймлены рельефным обрамлением. Фрагменты второго такого же креста с расширяющимся нижним концом, под которым также помещен сердцевидный лист и выходящий стебель (рис. 81), и, наконец, обломок стебля (рис. 81) позволяют с полной несомненностью восстановить всю композицию в целом. Перед нами повторение мотива, декорирующего боковые стенки крышки саркофага Ярослава в Киевской Софии (рис. 83), два равноконечных креста, соединенные

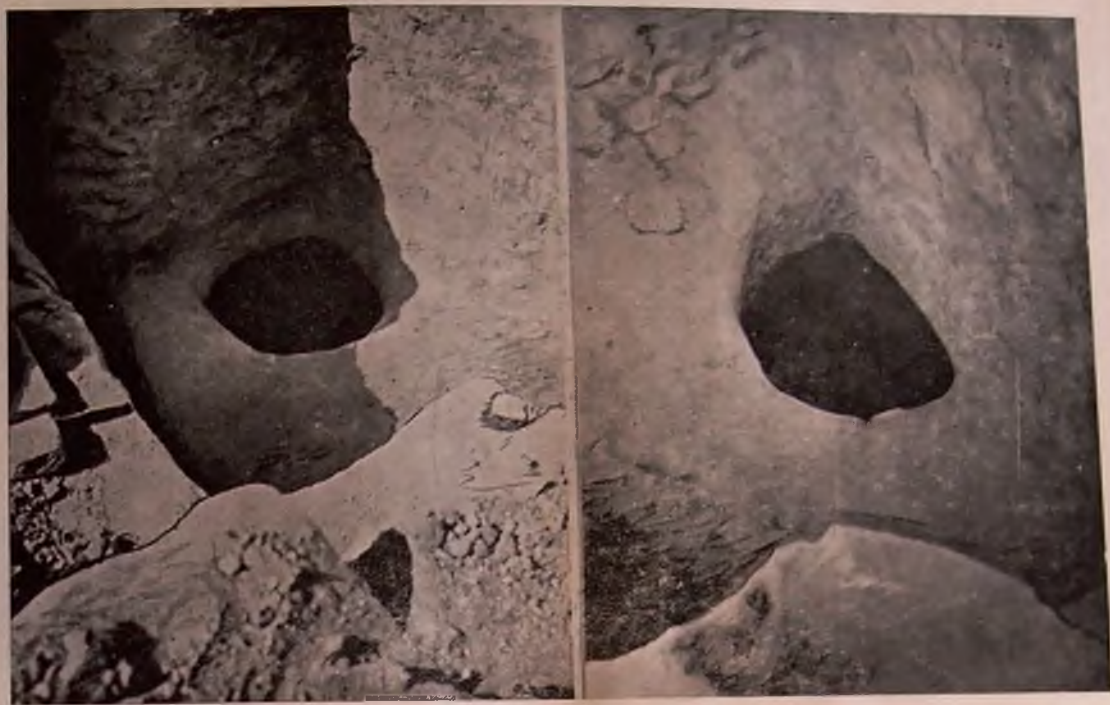

Рис. 80. Тайник под южным нефом Десятинной церкви.

в одну композицию вьющимся стеблем с сердцевидными листьями на концах. В средней части боковой стенки крышки саркофага Ярослава изображен, кроме того, круглый венок из остроконечных листьев, в середине которого помещена так называемая „хризма“. Один из найденных в тайнике фрагментов свидетельствует, что средняя часть крышки десяти-

Рис. 81. Фрагменты мраморного саркофага из тайника.

тинного саркофага совершенно аналогична средней части упомянутого саркофага из Киевской Софии. На этом небольшом фрагменте (рис. 81) отлично сохранилась часть венка, остроконечные листья которого ближайшим образом повторяют тот же мотив на саркофаге Ярослава.

Из остальных фрагментов отметим еще два с изображением розетки (рис. 81). И этот мотив встречается на саркофаге Ярослава. Техника резьбы по мрамору и самый материал обонх саркофагов также совершенно аналогичны.

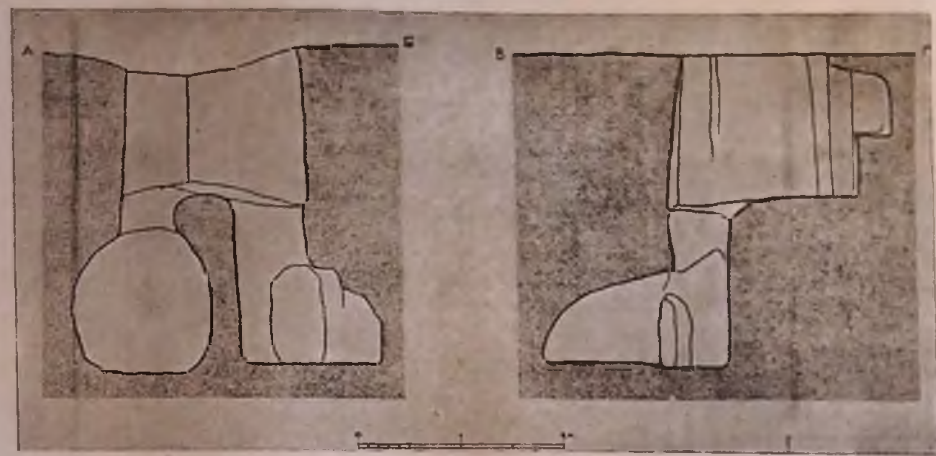

Рис. 82. Тайник под южным нефом Десятинной церкви. Разрез.

Вопрос о том, кому принадлежал роскошный мраморный саркофаг, жалкие обломки которого найдены в тайнике, возвращает нас к уже приведенной выше сводке летописных известий о Десятинной церкви как усыпальнице, где погребения в мраморных саркофагах упо-

Рис. 83. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе.

мянуты дважды. В 1015 г. в „коросте мраморяной“ было положено тело князя Владимира¹. Четырьмя годами раньше умерла его супруга Анна. Летописных известий о месте ее погребения нет; лишь из Хроники Титмара Мерзебургского известно, что Владимир был погребен „возле жены своей Елены гречанки“ и что „саркофаги их стоят на виду посреди храма“². Отсюда, однако, нельзя с уверенностью сделать вывод, что саркофаг Анны был тоже мраморный.

¹ Лаврентьевская летопись, 6523 (1015) г.

² Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, отд. II, Киев, 1877, стр. 1.

Второе летописное упоминание о захоронении в „раке мраморяне“ относится к торжественным похоронам в 1078 г. князя Изяслава Ярославича, убитого в бою на Нежатиной Ниве. После торжественных церемоний „положиша тело его в церкви святая Богородица, вложивъше и в раку мраморяну“¹.

Известия о разновременных находках в развалинах Десятинной церкви мраморных саркофагов приведены выше. О находке двух мраморных саркофагов при Петре Могиле сообщал в XVIII в. Самуил Миславский². Несколько большего доверия заслуживает известие Н. М. Карамзина, со слов И. Леванды, о находке „двух мраморных досок подобных той, которой покрыта Ярославова гробница в Софийском соборе“³. Наконец, в 1824 г. Лохвицкий в западной части южного нефа вновь нашел изломанную на три части „фигурную гробовую доску из белого мрамора“, под которой был обнаружен женский (?) скелет⁴.

Нельзя не обратить внимания на то, что обломки саркофага, обнаруженные Лохвицким, были найдены в юго-западной части развалин церкви (в западной части южного нефа), то есть именно там, где обнаружены и упомянутые Н. М. Карамзиным два мраморных саркофага.

Несомненно, что раскрытые К. Лохвицким фрагменты мраморной фигурной крышки являлись обломками одного из тех двух мраморных саркофагов, которые в конце XVIII в. были найдены при ремонте церкви княгиней Долгоруковой. Никаких следов третьего мраморного саркофага не было обнаружено ни раскопками 1824 и 1826 гг., ни нашими раскопками 1938—1939 гг.

Археологи 20-х годов XIX в. оставили, повидимому, на месте обнаруженный ими мраморный саркофаг. Он, вероятно, был окончательно уничтожен строительными работами по постройке новой церкви. Трудно сказать, попали ли обломки этого саркофага в тайник именно в это время или же они были сброшены туда еще в XVII в. при расчистке территории в юго-западной части древних развалин для постройки новой церкви.

9.

В западной части центрального нефа, к северу от описанного выше погребения с мечом, было раскрыто еще одно (№ 15), ориентированное головой на запад, в деревянном гробу, без вещей. Еще до разборки этого погребения было установлено, что могильное пятно врежется в какое-то более широкое, почти квадратное пятно гумуса, ясно выделяющееся среди желтого материкового лесса (рис. 49). Зачистка его позволила установить, что это квадратная в плане яма, заполнение которой, начиная с глубины в 0,20—0,30 м, состоит в основном из обломков древних строительных материалов: кирпича, раствора, камня, половых плиток с поливой, обломков шифера, мрамора, фрагментов фресок и пр. Среди этих строительных материалов попадались в большом количестве железные кованые гвозди, петли и бесформенные куски перержавевшего железа, фрагменты древних круглых оконных стекол

¹ Лаврентьевская летопись, 6586 (1078) г.

² Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры, 2 изд., 1795, стр. 80.

³ Н. М. Карамзин, ИГР, I, прим. 488.

⁴ Отечественные Записки, ч. 21, кн. 59, 1825, стр. 390.

с загнутым бортиком, нередко искривленных от действия огня, куски расплавленного свинца и пр. Важно подчеркнуть, что даже в самых верхних слоях этой ямы не было встречено ни одного предмета позднего периода.

На глубине около 1,00 м обнаружился завал кладки здания X—XI вв. Здесь найдено огромное количество древнего плиточного кирпича, фрагменты штукатурки, покрытые фресковой росписью, большие куски древнего, розоватого от примеси толченого кирпича, известкового раствора, куски шифера, известняка и мрамора, обитая капитель с четырехгранным отверстием, залитым свинцом. Тут же были найдены два больших куска кладки стен. Один из них представлял фрагмент двухступчатой нишки с полуциркульным верхом (рис. 51). Подобные нишки хорошо известны на фасадах киевских церквей XI в. На втором большом куске кладки сохранилась *in situ* штукатурка с фресковой росписью. Как и выше, на этом уровне встречено много гвоздей, железа и обожженного дерева.

На глубине 1,40 м был найден первый фрагмент литейной формочки. Ниже, на глубине между 1,40 м и 2,00 м — 36 фрагментов формочек. Вырезанные из сланца, они в большинстве случаев разбиты на куски. Иногда отдельные части одной и той же формочки попадались не только в разных углах ямы, но и на различной глубине (с разницей в 0,60 м). Из 36 найденных фрагментов удалось собрать и склеить 18 формочек для отливки 16 предметов. Большая часть служила для отливки трехбусинных серег (рис. 84), три формочки — для отливки звездчатых колтов (рис. 85, 3, 4, 6), две — для колтов с изображением зверя (рис. 85, 2, 5), одна — для браслета (рис. 85, 1).

На глубине 1,20 м в завале строительных материалов найден скелет собаки, на глубине 1,80—2,20 м — человеческие кости двух взрослых людей и одного подростка 13—15 лет¹. Многие кости сильно обгорели.

На глубине 1,70 м опять найден большой кусок кладки, покрытой фресковой штукатуркой, с изображением части мафория, нимба и букв Θ. Такой же монолит с фреской (часть нимба и короны) найден на глубине 2,40 м.

На этой же глубине найдено значительное количество фрагментов резных камней; среди них три фрагмента шиферного карниза, три фуста от тонких колонок из известняка и пр.

На глубине 2,40 м среди обломков строительных материалов найден горизонтально лежащий железный меч с отломанными рукоятью и острым концом (рис. 86). Обе эти части лежали тут же, рукоять — на 0,05 м ниже.

Начиная с этого уровня, находки вещей становились все более многочисленными. На глубине 3,20 м найдена ажурная бронзовая подвеска, типа игольников, но без футляра для иголок (рис. 87); на глубине 3,40 м — бронзовый энколпион с изображением распятия на лицевой стороне и богородицы — на оборотной (рис. 88); на глубине 3,50 м — бронзовый наперсток (без доньшка). На глубине 4,00 м увеличивается количество угля и обгорелого дерева, попадавшегося и раньше. На глу-

¹ Определение костного материала из тайника сделано И. Г. Пидопличко. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность.

Рис. 84. Тайник под центральным нефом Десятинной церкви. Литейные формочки для отливки трехбусинных серег.

1

2

3

4

5

6

Рис. 85. Тайник. Литейные формочки для отливки колтов и браслета.

Рис. 86. Тайник. Меч и шлем.

бине 4,10 м лежал на боку железный, сильно поржавевший и подвергшийся действию огня шлем с заостренным верхом (рис. 86). Внутри шлема — обуглившаяся масса, среди которой различаются кожа и ткань. На глубине 4,40 м, у южной стенки ямы, найден глиняный черный горшок, почти целый, с двумя ушками (одно из них отбито). Горшок сделан на круге и имеет по плечикам орнамент (рис. 89). Около горшка — железный нож с деревянной ручкой, много кусков железных обручей и железная дужка от деревянного ведра (рис. 90); около восточной стенки ямы — железный топор с остатками обгорелой деревянной рукояти во втулке (рис. 91). На этой же глубине обнаружены целый стеклянный гладкий браслет (рис. 92), несколько железных ножей с косяными и деревянными рукоятями (рис. 93) и четыре ключа (рис. 94).

На глубине 4,40—4,45 м шел сплошной слой угля и обгоревших кусков дерева. В этом слое несколько ниже снова обнаружены кости от двух человеческих скелетов, очень плохо сохранившиеся. Один скелет принадлежит старому человеку, вероятно женщине, второй — молодому человеку 17—18 лет. Из-за очень плохой сохранности обгоревших костей и неполноты скелетов более точные определения оказались невозможными. Скелет старого человека был в изогнутом положении, потревоженные кости лежали на разных уровнях. Около костяка найдено большое количество кожи и ткани. Среди тканей лежали шесть серебряных медальонов, из которых четыре — в форме квадрифолия, два — круглых. На медальонах — погрудные изображения святых, выполненные гравировкой с чернью (рис. 88). В нескольких сантиметрах к западу лежала целая груда кусков кожи и тканей (рис. 95—98) с нашитыми золотыми орнаментированными бляшками с нитями мелкого жемчуга (рис. 99). Под тканями — плетеная серебряная шейная гривна с пластинчатыми концами (рис. 100), серебряная позолоченная венецианская монета (дожа Дандоло, 1192—1205 гг.) с припаянным ушком для подвески (рис. 88), золотой перстень со сканью и с драгоценными камнями (рис. 88), обломки серебряных трехбусинных аграфов (рис. 101), два маленьких серебряных крестика — один из розового мрамора и один стеклянный (рис. 88). Тут же были найдены два серебряные с зернью наконечника от двух крестов-корсунчиков и любопытная ладанка, представляющая собою две тонких дощечки с вырубками по краям для перевязки дощечек шнурком. Между ними — хорошо сохранившиеся листья (рис. 102).

Рис. 87. Тайник. Подвеска.

На том же уровне (4,40—4,50 м) в северо-восточном углу ямы найдено большое количество обрывков обгорелых, плетенных из лыка шнуров. Тут же лежали обгорелые фрагменты деревянной посуды, среди которых особый интерес представляют обломки большого деревянного блюда, покрытого резным рисунком, и чаши на поддоне (рис. 103).

Ниже, на глубине 4,50—4,60 м, лежал слой рыхлого лесса с незначительной примесью угля и строительного щебня. В этом слое в северо-восточном углу найден второй железный топор (рис. 91), в том же

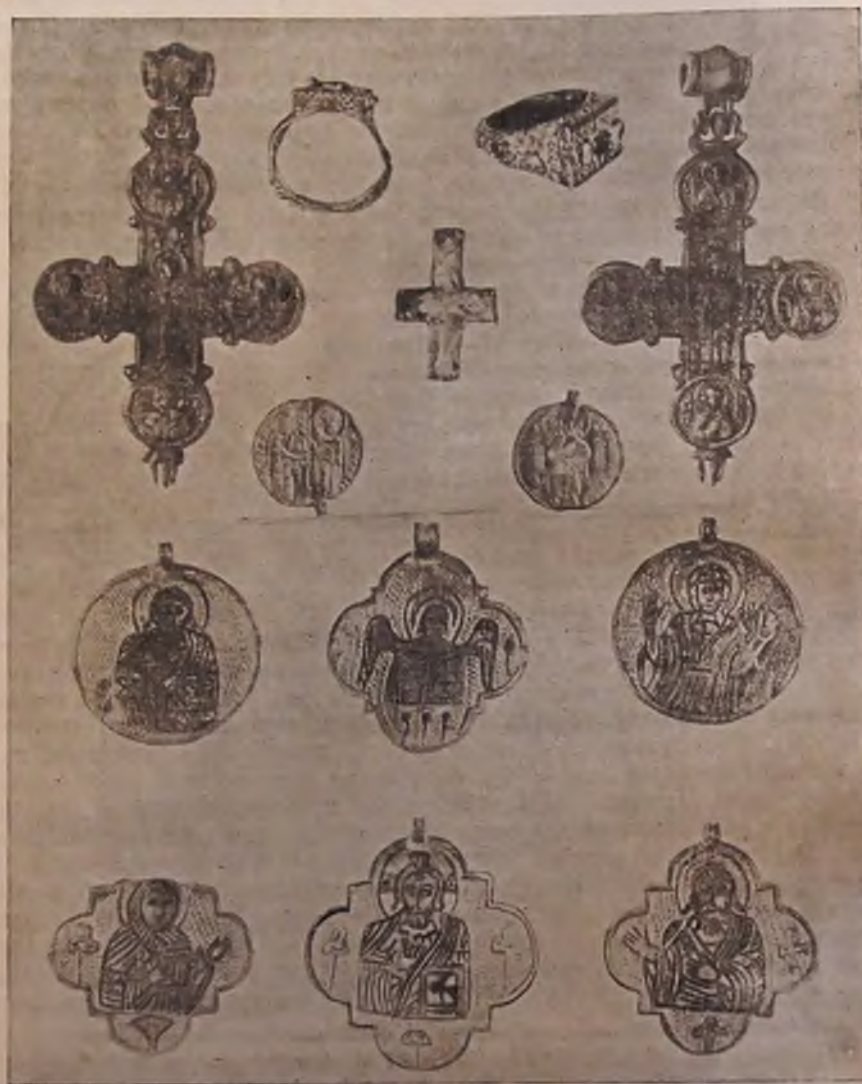

Рис. 88. Тайник. Крест-энколпион, венецианская монета, золотой перстень, серебряные медальоны с черневыми изображениями.

Рис. 89. Тайник. Глиняная посуда.

углу лежала железная дужка от второго ведра (рис. 90) и несколько гвоздей. В северо-западном углу ямы найдены фрагменты толстостенного сосуда и маленького глиняного горшочка с линейным орнаментом (рис. 89).

На глубине 4,60 м открылось дно из плотного материкового лесса, на котором стояли в юго-западном и юго-восточном углах воткнутые

Рис. 90. Тайник. Обломки железных обручей и дужек деревянных ведер.

вертикально в землю деревянные заступы с железной оковкой (рис. 91), у второго из них хорошо сохранилась деревянная рукоять (рис. 91).

После окончания расчистки представилась возможность исследовать и обмерить все сооружение в целом. Яма вырублена в лессе в виде почти квадратного в плане колодца ($1,60 \times 1,30$ м; рис. 104—105), глубиной около 5,00 м. Начиная с глубины 1,50 м стенки ее имеют обожженную поверхность. На глубине 1,30—2,00 м в двух углах по диагонали

обнаружились ниши, вырытые в материке (рис. 106). В северо-восточной нише найден череп, бедряные кости и ребра человека, скелет собаки. Оттуда же извлечены кирпичи, куски раствора, половая плитка с жел-

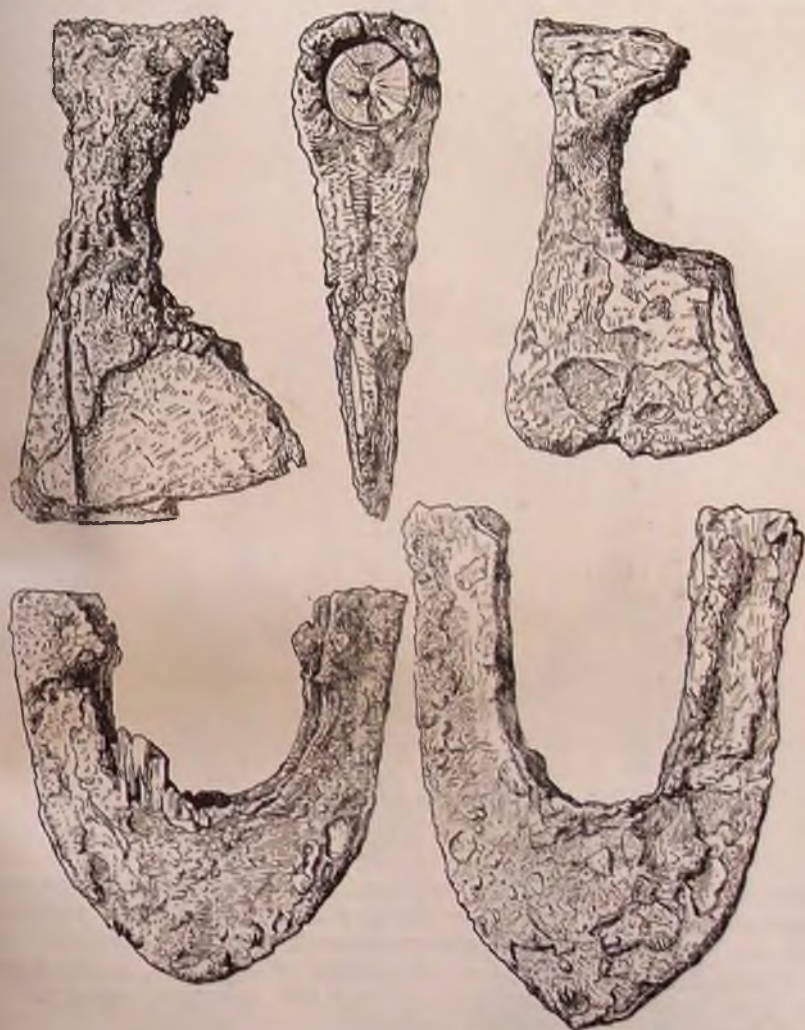

Рис. 91. Тайник. Два заступа и два топора.

товато-зеленой поливой. На восточной и южной стенках сделаны маленькие углубления в виде ступенек для спуска в яму. У самого дна начинается ход под северную стенку колодца, который, однако, был прорыт всего лишь на 1,00 м и почему-то не был закончен.

Что представлял собой этот загадочный колодец, наполненный исключительным ассортиментом вещей, из которых можно составить не-большой музей? Изучение структуры этого загадочного сооружения, заполняющего его инвентаря и особенно обстоятельств разрушения позволяют восстановить один из трагических эпизодов татарской осады Киева в 1240 г.

Рис. 92. Тайник. Стекланный гладкий браслет и бусы.

Колодец, раскопанный под западной частью центрального нефа Десятинной церкви, является, по нашему мнению, древним тайником, служившим или для хранения драгоценностей, или же в качестве темницы. Когда он был сооружен — установить невозможно, но во всяком случае уже после постройки церкви, так как до этого времени территория была занята языческим курганным могильником.

В 1240 г. полчища татар подошли к Киеву. „Приде Батый Киеву въ силе тяжьце, многомъ множествомъ силы своей и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во объдержаньи велице. И бе Батый у града и отроци его объседаху градъ и не бе слышати отъ гласа скрипання телегъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжання отъ гласа стадъ конь его...“¹.

¹ Ипатьевская летопись, 1240 г.

Рис. 93. Тайник. Железные ножи.

Рис. 94. Тайник. Железные ключи.

Рис. 95. Тайник. Фрагменты тканей.

Рис. 96. Тайник. Фрагменты тканей.

Рис. 97. Тайник. Фрагменты тканей.

Рис. 98. Тайник. Фрагменты тканей.

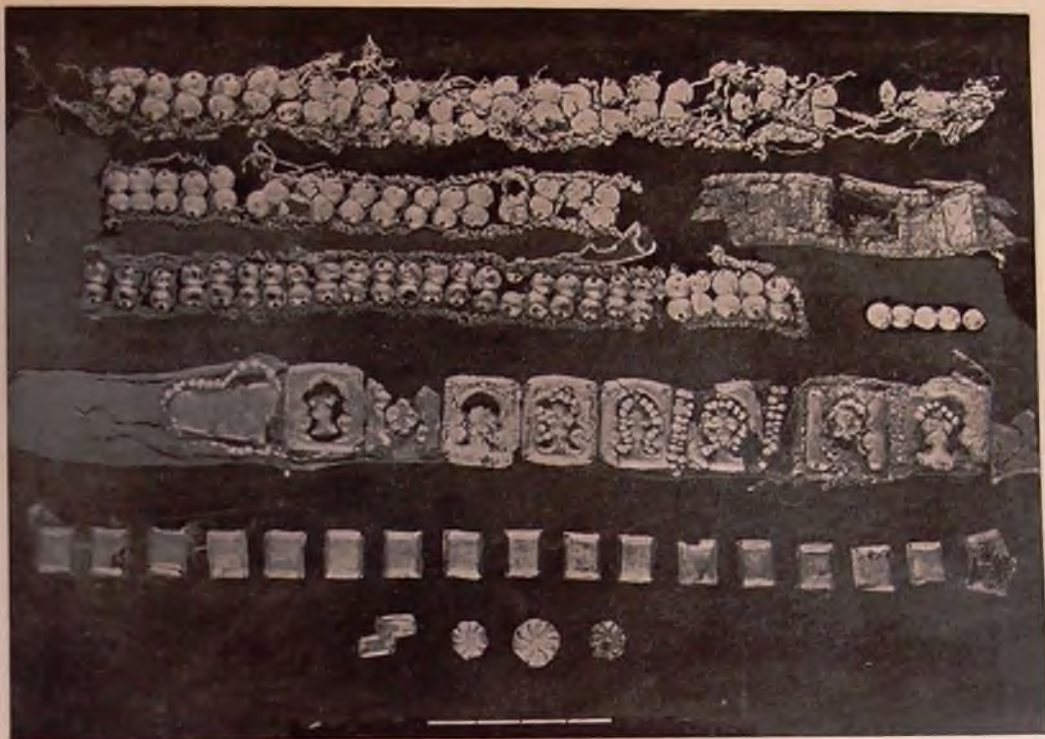

Рис. 99. Тайник. Золотые и серебряные бляшки с жемчугом.

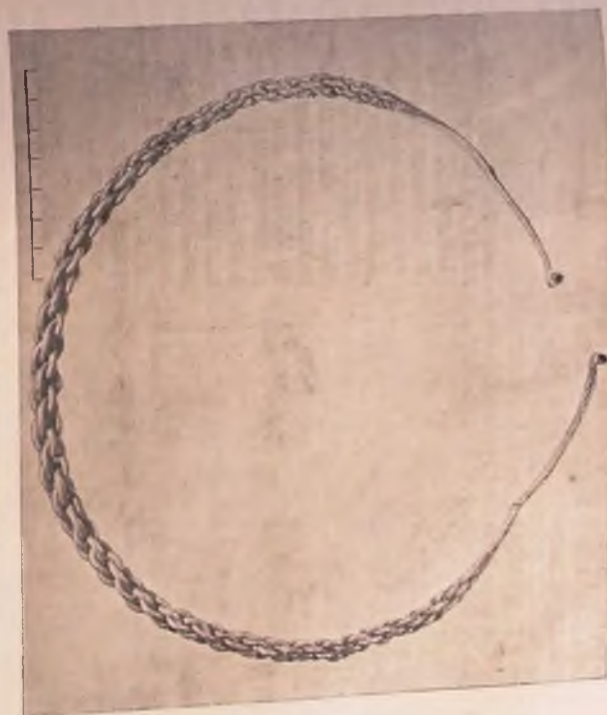

Рис. 100. Тайник. Серебряная витая шейная гривна.

Рис. 101. Тайник. Фрагменты серебряных аграфов.

Батый осадил город, расставив у его ворот стенобитные орудия „порокомъ же беспрестанн бьющим день и ночь, выбиша стены и возидоша горожаны на избыть стены и ту беаше видити лом копейны и щит скепание, стрелы омрачиша свет побежденным...“.

Стены Ярославова города были взяты.

В ту же ночь киевляне укрепились во Владимировом городе: „граждане же создаша паки другой град, около святое Богородице“.

Не думаю, чтобы за ночь киевляне устроили какую-то новую крепость вокруг Десятинной церкви, как трактуется обычно это место летописного рассказа. Естественнее предположить, что киевляне укрепились на линии старого Владимирова города, главные ворота которого не случайно потом носили имя Батыевых. Близость их к Десятинной церкви делает понятным выражение „около святое Богородице“.

„Наутре же придоша на не и бысть брань межи ими велика, людем же узбегшим на церковь и на комары церковныя и с товары своими, от тягости повалишася с ними стены церковныя и прият бысть град сице воими...“.

Набившиеся в церковь люди, забравшись даже „на комары“, что, повидимому, надо понимать не только как „на своды“, но и „на хоры“, естест-

Рис. 102. Тайник. Ладанка.

венно, использовали в качестве убежища и тайник. О существовании его знали, конечно, далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь для наиболее избранной знати.

Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тайник в качестве убежища. Один из забравшихся в тайник спрятался вместе со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу, где и были найдены кости этого не слишком храброго представителя киевской знати XIII в.

Забравшиеся в тайник люди имели, повидимому, безрассудную мысль прорубить в лессе выход из-под церкви к склону горы. При описании тайника выше было отмечено, что у самого дна его начинается

Рис. 103. Тайник. Фрагменты деревянной посуды.

ход под северную стенку (т. е. как раз к обрыву киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомню, что на дне тайника обнаружены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и около одного из

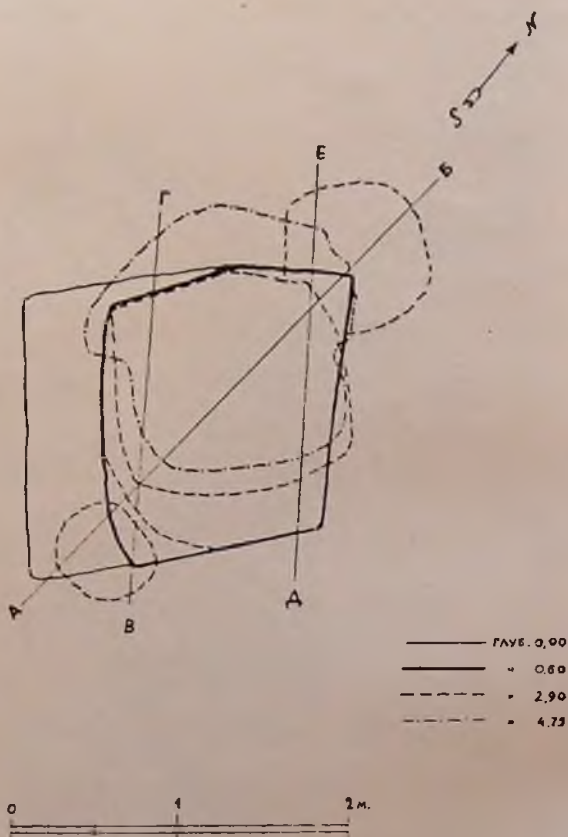

Рис. 104. Тайник. План.

них — целая куча витых из лыка веревок. Полагаем, что с помощью этих приспособлений стоявшие вверху люди вытаскивали землю наверх. Рыхлый лесс, выбранный из бокового хода и лежавший на дне тайника, не успели, повидимому, поднять из тайника наверх, так как в этот момент разразилась катастрофа.

Не столько под влиянием тяжести огромного количества людей, забравшихся вместе со своим имуществом на „комары церковные“,

сколько, повидимому, от ударов татарских стенобитных орудий, как мы уже указывали выше, здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены

Рис. 105. Тайник. Аксонометрия.

засыпали тайник доверху и погребли под собой находившихся внизу людей. Находившиеся внизу не успели осуществить свою безрассудную мысль пробиться к склону горы.

При описании находок в тайнике было отмечено, что на глубине от 1,40 до 2,00 м, то есть значительно выше дна, был найден целый набор литейных формочек и на этой же глубине (1,80—2,00 м) — скелеты трех человек (среди которых один подросток). Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника. Они, несомненно,

Рис. 106. Тайник. Ниша (Фото).

упали сверху в тайник, уже более чем наполовину заваленный. Находились ли люди на хорах (тайник как раз помещается под западными хорами) и упали оттуда, или же были среди тех, кто вытаскивал деревянными ведрами на веревке землю из тайника — установить невозможно. Но совершенно очевидным является то, что разбившиеся на 36 кусков литейные формочки, являющиеся находкой исключительной ценности, принадлежали одному из этих людей и были принесены в церковь как самое ценное из всего имущества.

III. РАСКОПКИ СОБОРА ВЫДУБИЦКОГО МОНАСТЫРЯ (1945 г.)

1.

Киевские летописцы XVII в. связывали основание Выдубицкого монастыря со строительной деятельностью Владимира Святого. Так, в Хронике Софоновича, составленной во второй половине XVII в., записано предание „О знищеню божниц в Києве от Владимира, о крещении русском, и о постановленю церквей...“, в котором, между прочим, сообщается об обстоятельствах постройки монастырей Михайловского Златоверхого и Михайловского Выдубицкого. Рассказав о низвержении по приказанию князя Владимира языческих кумиров, автор Хроники приводит известное ему предание, связанное с этим событием: „Повесть теж есть старых тая, же гды едного болвана волокли з горы утопити в Днепр и били по чреву, бес в нем кричал ляментуючи. Оттолю тую з горы дорогу ниже монастыря Михайловскаго назвали здавна Чортово беремище, то есть тяжкость чорту, бо слово словенское бремя значит тяжкость; и гды того болвана утопили, плинул вниз, а невернии, идучи берегом, плакали и звали, мовячи: „Выдыбай, наш Господару, Боже, выдыбай“, то есть, выплыви. А той болван выдыбал албо выплыл аж там на берег, где тепер монастыр Выдубицкий; и названо тоє местце тым урочищем от выдубаня Выдыбичи албо Выдубичи. Але и там, гды невернии взяти хотели того болвана, вернии пробивши, и камень привязавши, утопили. И для того, поведають, первый при Владимире митрополит Михаил, посадивши чернцев на горе, не далеко от того беремища Чортова, на свое имя церковь святого Михаила здубовал, иж як з неба святыи Михаил чорта скинул, так тут он же помог з горы чорта в болване збивати. А в Выдубичах церковь чуда святого Михаила здубавано также при Владимире, для того, иж як в Хонех святыи Михаил чудо учинил, реки неверных погрузивши, так тут выдубалого албо выплыненого в болване чорта в водах потопити...“¹.

¹ Хроника Софоновича дошла до нас в двух списках, хранящихся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде (первый — Древлехранилище Погодина, 1476; второй — Собрание гр. Толстого, F. IV, 215). Из этой Хроники предание внесено в третье издание Синописа, напечатанное в Киево-Печерской типографии в 1680 г. В первом издании Синописа, изданном в 1674 г., так же как и во втором, напечатанном в 1678 г., вставок из Хроники Софоновича еще нет. Об этом подробнее см. С. Голубев, Киево-Выдубицкий монастырь, Труды КДА, 1913, октябрь, стр. 220—223.

Древность этого предания уже не раз подвергалась сомнению. Явно легендарна, прежде всего, личность самого строителя обоих монастырей — митрополита Михаила, деятельность которого предание относит ко времени Владимира. Само предание представляет не что иное, как довольно позднюю попытку объяснения древнего названия урочища „Выдубичи“, которое дало имя возникшему здесь монастырю, первоначально, повидимому, называвшемуся по имени строителя „Всеволожим“.

Первое вполне достоверное известие о Выдубицком монастыре относится к 1070 г. Под этим годом в „Повести временных лет“ сообщалось о закладке церкви святого Михаила в Всеволоже монастыре¹. В Лаврентьевской летописи под этим годом читаем: „В се же лето заложена бысть церкви святого Михаила в монастыре Всеволожи“². В Ипатьевской летописи к этому известию добавлено — „на Выдобычи“³.

Исследователи, полагавшие, что монастырь существовал и до постройки церкви в 1070 г., пытаются в летописном известии найти подтверждение своих взглядов. Действительно, летопись говорит о постройке церкви в монастыре, то есть существование монастыря как будто бы предшествует закладке новой каменной соборной церкви в нем. Однако при этом не замечают, что монастырь назван Всеволожим, то есть по имени строителя — князя Всеволода Ярославича. С. Голубев⁴ пытался объяснить этот факт тем, что Всеволод был не основателем монастыря, а лишь обновителем его и строителем нового каменного собора; основание же монастыря он относил предположительно к первым годам христианства на Руси, хотя и подвергал сомнению древность приведенного выше предания. Так как в качестве единственного обоснования этой мысли приводятся лишь общие рассуждения о красоте и удобстве местности, о связи ее с древней переправой через Днепр, о вероятности существования здесь языческого капища и т. д. — едва ли есть возможность как опровергать, так и, наоборот, соглашаться с этими предположениями.

Гораздо важнее другое летописное известие, раскрывающее особый характер монастыря. В 1096 г. к южным окрестностям Киева внезапно прорвались половецкие орды хана Боняка, которые сожгли и подвергли разгрому загородные монастыри Печерский, Стефанец и Германец. „Тогда же, — добавляет летописец, — зажгоша двор Красный, егоже поставил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемом Выдобычи: то все окаянии половци запалиша огонь“⁵.

Существование рядом с Всеволожим Выдубицким монастырем княжеского красного двора, принадлежавшего тому же князю Всеволоду, не оставляет сомнений в том, что этот монастырь, как и ряд других крупнейших монастырей Киева XI—XII вв., был вотчим (фамильным) княжеским монастырем. Об этом же убедительно говорит ряд фактов из его последующей истории.

¹ А. А. Шахматов, *Повесть временных лет*, т. I, ПТГ, 1916, стр. 221.

² Лаврентьевская летопись, 5578 (1070) г.

³ Ипатьевская летопись, 5578 (1070) г.

⁴ С. Голубев, *Ук. соч.*, стр. 219 и сл.

⁵ Лаврентьевская летопись 6604 (1096) г. В Ипатьевской летописи — то же известие под тем же годом. Вместо „на холму нарецаемом Выдобычи“ — „на холму, иже есть над Выдобычь“.

Собор архангела Михаила, заложенный в 1070 г., был освящен только восемнадцать лет спустя, в 1088 г. „В лето 6596. Священа бысть церкы святого Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ и епископы Лукою, Исаием, Иваном, а игуменьство тогда держащо того монастыря Лазъреви“¹.

Едва ли по факту столь запоздалого освящения храма можно судить об исключительной длительности строительства. В истории киевских сооружений известен факт, когда вполне законченная постройка (собор Печерской лавры) годами ожидала освящения, что было связано с осложненными церковно-политическими взаимоотношениями.

Трудно сказать, что было причиною столь длительной задержки освящения, а может быть, и окончания постройки Выдубицкого собора. Нельзя не обратить, однако, внимания на то, что в 1086 г. князь Всеволод заложил новую каменную церковь в Андреевском (Янчине) монастыре в городе. Есть все основания думать, что постройка нового собора начата Всеволодом после того, как были закончены строительные работы в Выдубицком монастыре. С. Голубевым высказывалась правдоподобная мысль — не было ли сооружение нового монастыря поручено тем же мастерам, которые строили до этого Выдубицкий монастырь²?

К сожалению, никаких следов Андреевского (Янчина) монастыря до сих пор не удалось обнаружить, хотя его бывшее местоположение многие исследователи древней топографии Киева и пытались определять довольно точно.

Собор архангела Михаила был выстроен на террасе высокой горы, нависшей над древним руслом Днепра. Полноводная река, год за годом разрушая лессовый массив горы, приближалась к постройке. К концу XII в. собор, оказавшийся у самого обрыва, угрожал падением. В связи с этим в 1199 г. по инициативе князя Рюрика Ростиславича были осуществлены крупные инженерно-строительные работы по укреплению крутого берега.

В составе Ипатьевской летописи дошла до нас интереснейшая запись, сделанная, несомненно, современником, а может быть, и участником событий, связанных с этой необычайной постройкой. Именно этому мы обязаны подробнейшим описанием как обстоятельств постройки, так и торжеств по поводу ее освящения.

Повествуя в приподнятом тоне о необычайной постройке, возбуждавшей, повидимому, глубокий интерес у современников дерзновенной смелостью технической задачи, которую предстояло решить, летописец всячески подчеркивает при этом роль князя — инициатора и ктителя этого строительства, превращая свое повествование в подлинный панегирик князю, отличавшемуся „хотением к монастырем и ко всем церквам и любовью несытной о зданых“. „В тое же время благоволи Бог, поновляя милость свою о нас, благодатью единогочада сына своего Господа нашего Иисуса Христа и благодатью пресвятаго и животворящаго духа, и вдохнув мысль благу во богоприятное сердце великому князю Рюрикови, по порожению же еже от божественныя купели духом пронаречену Василию, сыну Ростиславлю: тый же с радостью примъ, акы благий рабъ верный потщася немедленно сугубити делом, да не истязан

¹ Лаврентьевская летопись 6596 (1088) г.; то же — Ипатьевская летопись под тем же годом.

² С. Голубев, Ук. соч., стр. 236.

будеть скрывший талант. Того бо лета, месяца иуля во 10 день, на память святых мученик 40 и 5, иже в Никопольи мученых, суботе же имущи путь, заложи стену камену под церковью свягата Михаила у Днепра, иже на Выдобычи. О ней же мнозе недерзьнуша помыслити от древних, али на дело ятися: 100 бо и 11 лет имать отнележе создана бысть церкви, и в толико лет мнози же самодержици придоша, держашен стол княжения Киевского, от того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родов четьри, и ни един же воследова любви его к месту тому. Сей же богомудрый князь Рюрик пятый бысть от того, якоже пишеть о праведнем Иеве от Аврама: Всеволод бо роди Володимера, Володимер же роди Мьстислава, Мьстислав же роди Ростислава, Ростислав же роди Рюрика и братью его. Братья же его быша добра и боголюбива, ови старейши и инии менши: нъ не благоволи Бог о деле стены тоя, время бо требоваше слугы своего...“.

Заслуги князя-строителя разделяет мудро избранный им же среди своих друзей зодчий Милонег, в крещении Петр. Летописец не скупится в похвалах этому Милонегу, называя его мастером, художником.

„...великий князь Рюрик, потщившася крепко паче праотецьским стопам воследовати трудолюбием ко святому архистратигу Михаилу, преже поминаемому монастырю, иже известно всем богомудрым делом показа: изобрете бо подобна делу и художника (художника) и во своих си приятелех, именем Милонег, Петр же по крещению, акы Моисей древле оного Веселеила, и приставника створи богоизволену делу, и мастера не проста преже написаныя стены; и тако яться зданию не тощю (натощю, не тьщю), во соблодение честнаго храма, ни от кого же помощи требуя, но сам о Христе возмагая, поминая Господа глаголющаго: яко вся мощна верующему“¹.

Стена, заложенная 10 июля 1199 г., была закончена 24 сентября следующего 1200 г. В тот же день состоялось торжественное освящение нового сооружения, в котором приняли участие сам князь, княгиня, сыновья Ростислав с женой и Владимир и дочь Предслава. „В лето 6708. Сверши стену ту, месяца сентября в 24 день, на страсть святых первоученицы Феклы. В ть же день приеха в монастырь великий князь Рюрик, кюр Василий со христолюбивою княгинею, и со сыном Ростиславом и Володимером, и с дочерью Передьслагою и со снохою Ростиславлею, и постави кутью у свягата Михаила и молитву принесе о прияти труда потщания своего“².

Вслед за кутьей князь „створи пир не мал и трапезу со приготовлением и накорми игумены и со калугеры всеми и всякого чина церковного“, после чего одарил всех присутствующих „от первых даже и до последних“. Во время торжества выдубицкий игумен Моисей произнес пространную благодарственную речь, обращенную к князю. Речь эта, приведенная в тексте летописи, судя по одной реплике („и нашия грубости писание приими акы дар словесен на похваление добродетели“) была заранее написана и поднесена князю.

Не касаясь литературных особенностей этой речи, представляющей несомненный интерес для историков литературы, отметим лишь те части ее, которые позволяют хотя бы в некоторой мере представить характер нового сооружения.

¹ Ипатьевская летопись, 6707 (1199) г.

² Ипатьевская летопись, 6708 (1200) г.

Игумен Моисей констатирует прежде всего огромный интерес, который проявляли киевляне к постройке: „...множество верных кыян и населницы их болше потщание и любовь ко архистратигу господню (т. е. к Михайловскому монастырю) имети начинают не токмо и ради спасения своего, но и нового ради чюдеси (т. е. по поводу постройки новой стены) иже во дни царства твоего свершися“ (т. е. во время княжения Рюрика Ростиславича, к которому обращена речь).

Из речи Моисея можно понять, что стена была довольно широка и возвышалась над уровнем монастыря, ибо посетители монастыря „утверждающе бо нестыжно нозе свои на удобренемъ ти зданьи“ и любясь со стены Днепром и Заднепровьем, „очима си любезно смотрящи отвсюду веселие души привлагаще и мянясь яко аера достигше“. Что сооружение Рюрика действительно служило подпорной стеной у крутого обрыва берега, явствует также из другого выражения речи — „отселе бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания“. Выдубицкий игумен подчеркивает, что идея укрепления монастырского берега волновала умы уже давно: „...мнози бо прежде нас бывшей желати видити яже мы видихом и не ведеша и слышати не сподобихася“.

Подпорная стена, сооруженная Милонегом, не сохранилась ни в одной своей части. Совершенно невероятно предположение, высказанное М. А. Максимовичем, что „она разрушена еще татарами, которые не жалели труда и рук сокрушая и ниспровергая огромнейшие твердыни, без помощи огня и пороха“¹. Стена Милонеге, как и восточная часть собора, рухнула вниз, подмытая весенними половодьями Днепра. По состоянию источников, очень, к сожалению, малочисленных в литовско-польский период истории Киева, невозможно установить, когда это произошло. Высказанные различными авторами предположения по вопросу о дате разрушения собора противоречивы и необоснованны².

Гораздо важнее установить — когда была сделана первая попытка реставрации рухнувшего храма. В ризнице Выдубицкого монастыря сохранился большой серебряный крест с подножием, на котором имеется надпись: „в лето 1642, мая 27 дня сей крест сооружен бысть повелением преосвященного Киевского Петра Могилы и данный в монастырь святого архистратига Михаила Выдубицкого Киевского“.

Эта надпись не говорит прямо об участии Петра Могилы в восстановлении монастыря и собора, но так же, как и аналогичная надпись на евангелии львовской печати 1636 г., хранившемся в ризнице того же монастыря — „сие евангелие оковано повелением преосвященного Киевского Петра Могилы“, — свидетельствует о внимании названного иерарха к Выдубицкому монастырю.

Гораздо яснее отмечает роль Петра Могилы третья надпись — на служебнике, напечатанном в 1629 г. и хранившемся в библиотеке монастыря: „сей служебник в славу и честь Господа Бога в Троице святей славимаго, и во оставление грехов и в память себе и родителям своим, дал есть в храм святого архистратига Михаила чудесе в монастырь Выдубицкий Киевский преосвященный архиепископ митрополит

¹ М. А. Максимович, Выдубицкий монастырь, Киевлянин, кн. 2, Киев, 1841: Собр. соч., II, Киев, 1877, стр. 248.

² М. А. Максимович (ук. соч.) относил разрушение стены ко времени татарского разгрома Киева; Н. И. Петров (Киев. его святыни и памятники, СПб., 1896, стр. 78—79) — к XV в.; Н. Закревский (Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 248) — ко времени хозяйничания унжат.

Киевский Галицкий и вся России, архимандрит Печерский, строитель же, ктитор и обновитель того же святого монастыря Выдубицкого по конечном запустении и разрушении его от отступник реченных унитов: да никто же убо от сего святого храма и монастыря дерзнет отъяти, отдалити или соби присвоити ею под вечною и николи же ни от кого же разрешимую клятвою и анафемою святых и богоносных отец и того же архиерея проклятием, в лето 1636 месяца ноеврия 23 го дня Петр Могила архиепископ митрополит Киевский рукою власною”¹.

Рис. 107. Собор Михаила архангела в Выдубицком монастыре (юго-восточный угол).

Однако в 1636 г. Михайловский собор лежал еще в руинах, как это явствует из грамоты самого Петра Могила царю Алексею Михайловичу от 29 октября 1639 г. Сообщая московскому царю о печальном положении разоренных униатами храмов Киева, Могила, наряду с Софийским собором и Успенским собором Печерской лавры, упоминает и Выдубицкий храм св. Михаила, в котором, по его словам, „полвьсь и верх весь каменный разрушен...”².

Не раз высказывалась мысль, что Петр Могила между 1635 и 1647 гг. пристроил к сохранившейся западной части здания деревянную восточную стену, а ныне существующая восточная стена с апсидой и новый купол были выстроены позже — в 1765—1780 гг. На чем основано это мнение — неизвестно.

В настоящее время храм Михаила архангела представляет кубического типа одноглавую трехнефную постройку (рис. 107—108). Зда-

¹ М. А. Максимович, Ук. соч., стр. 250—251.

² Акты Южной и Западной России, т. III, № 18, СПб.

ние имеет почти квадратный план, с одной апсидой на восточном фасаде и несколько выступающей из плоскости северной стены башней, внутри которой устроен вход во второй этаж (рис. 109). Четыре столба, сильно сближенные по оси восток—запад, несут на себе купол, который расположен над центром здания. Внутренность храма в настоящее время разделена на два этажа, в каждом из которых помещается самостоятельная церковь.

Рис. 108. Собор Выдубицкого монастыря (северо-западный угол).

Западный, северный и южный (рис. 110) фасады храма расчленяются лопатками, расположение которых соответствует внутренним членениям здания. Кладка всех стен церкви, кроме восточной, представляет собой характерную для киевского зодчества XI в. систему чередования рядов крупных, довольно плохо отесанных блоков дикого камня, с рядами плоского почти квадратного кирпича, на растворе извести с примесью цемьянки. Кирпичная кладка, в свою очередь, представляет чередование рядов, образующих основную поверхность фасадов и утопленных рядов, прикрытых раствором, благодаря чему толщина слоев раствора в промежутках между рядами кирпича значительно превышает толщину самого кирпича (рис. 111). Древняя кладка западной, северной и южной стен отлично сохранилась на высоте до нового многообломного карниза, который как бы срезает существовавшие ранее закомарные завершения фасадов. Все очертания и профилировка ниш и оконных проемов полностью сохранили свои древние формы.

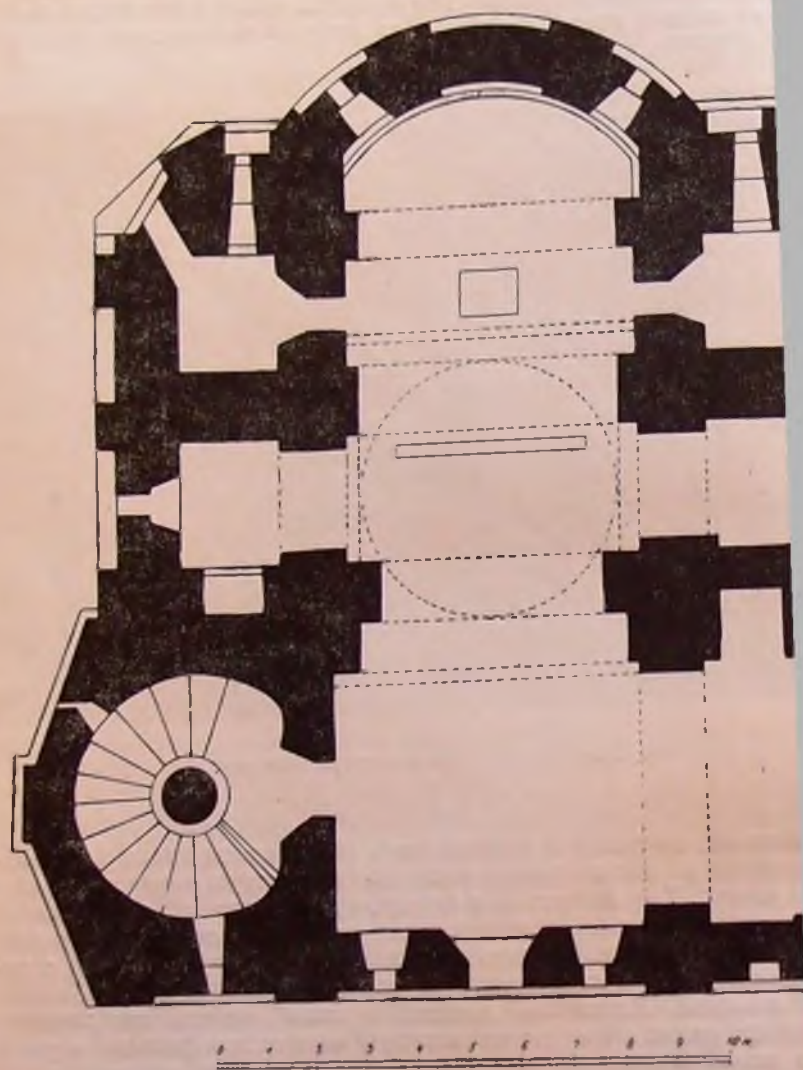

Рис. 109. Собор Выдубицкого монастыря. План (по обмерам XIX в.).

Восточная стена храма и восточные пилястры северной и южной стен, сложенные из кирпича XVIII в., сооружены вновь при реставрации храма; тогда же были сделаны новые своды и купол, на старых стенах выведены новые карнизы, а новые стены получили черты барочной декоративной обработки. Первоначально одноэтажный, хотя и имевший в западной части хоры, храм был разделен на два этажа.

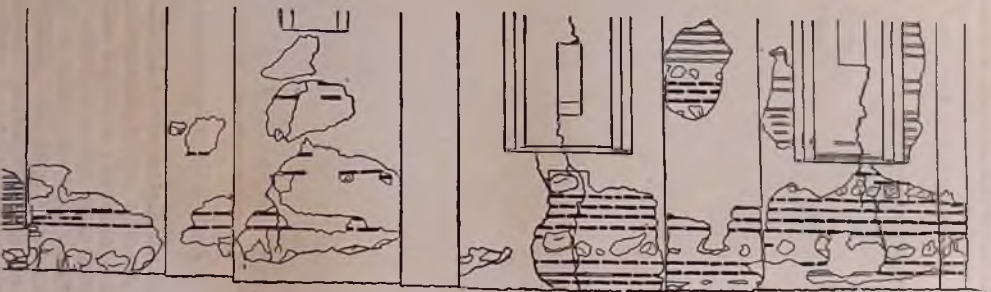
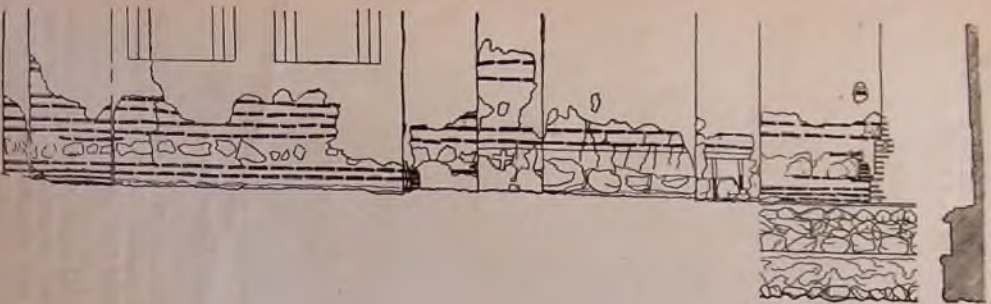

Рис. 110. Собор Выдубицкого монастыря. Южный фасад.

Еще М. А. Максимович¹ обращал внимание на то, что „выступавшие над обрывом берега большие дикие камни, из которых сложен церковный фундамент“, являются очевидными свидетелями обвала древней алтарной части храма в Днепр.

В 1888 г., во время работ в Киеве III Археологического съезда, были произведены небольшие раскопки или, может быть, просто зачистки обрезов фундаментов, выступавших над обрывом берега. Результаты этих раскопок не были опубликованы и потому оставались до

¹ М. А. Максимович, Ук. соч., стр. 250.

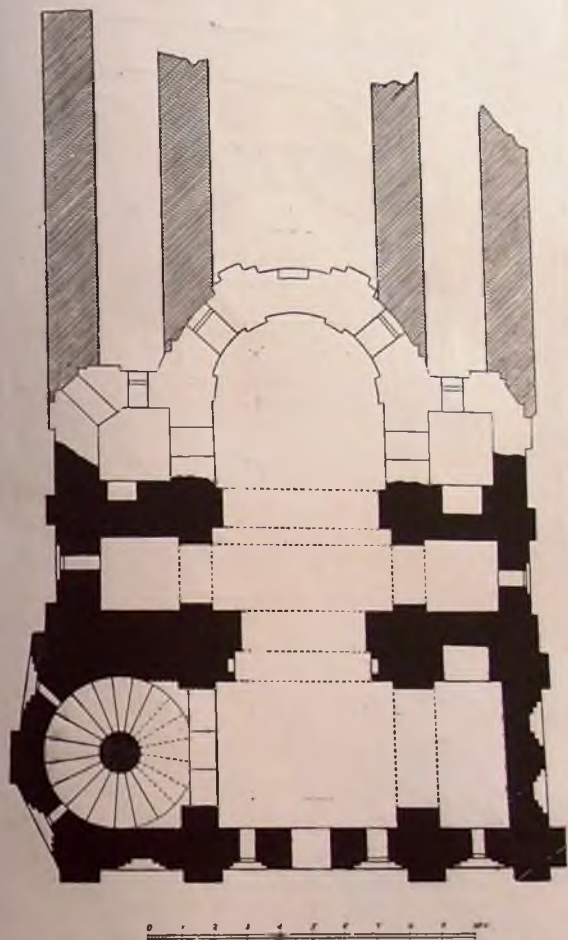

Рис. 112. План собора Выдубицкого монастыря (по обмерам 1880-х годов).

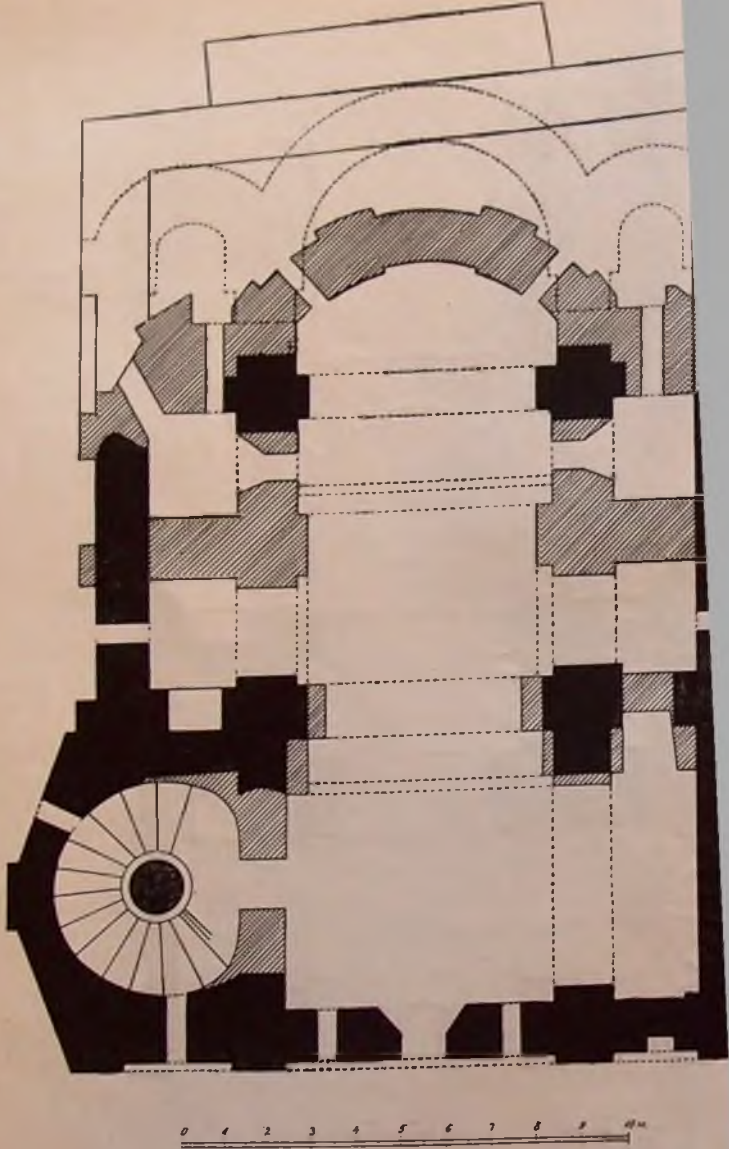

Рис. 113. План собора Выдубицкого монастыря (по обмерам Эртеля и Песчанского).

последнего времени неизвестными. Лишь в 1945 г., уже после окончания наших раскопок, нам удалось в архиве Института археологии АН СССР обнаружить чертеж Выдубицкого собора, сделанный к Археологическому съезду, с нанесенными на него результатами проведенных тогда же раскопок (рис. 112).

В 1916 г., в связи со строительством шоссе у подошвы горы, на которой расположен храм, Киевское общество охраны памятников старины и искусства поручило члену общества А. Д. Эртелю и гражданскому инженеру В. П. Песчанскому провести исследование состояния памятника в целях выяснения возможных последствий названного строительства для сохранности церкви.

А. Эртель и В. Песчанский провели осмотр и зондирование ручным буром откосов горы, раскопку, посредством траншеи, проведенной параллельно восточной стене храма, а также заложили несколько шурфов. Результаты работ не были опубликованы самими исследователями, однако план храма, на который нанесены вскрытые раскопками части здания, вскоре опубликовал К. Шероцкий¹ (рис. 113), сопроводив его комментариями, повидимому, со слов руководителей раскопок.

В Центральном историческом архиве (Киев) в делах Киевского общества охраны памятников старины и искусства сохранился „Акт обследования Выдубицкого погоста в целях выяснения возможных последствий от проведения у подошвы холма по над самым Днепром транспортной дороги“, подписанный среди прочих Песчанским и Эртелем². Замечания К. Шероцкого почти полностью совпадают с основными соображениями по поводу вскрытых раскопками древних частей храма, изложенными в „Акте“, однако Шероцкий кое в чем их развил и дополнил.

Руководители работ по обследованию храма утверждали на основании результатов раскопок следующее. Вскрытые ими древние кладки представляют, по их мнению, фундаменты продольных (т. е. северной и южной) стен храма, упиравшиеся в массивную площадку, на которой, как на сплошном фундаменте, были поставлены апсиды. Длина этой площадки соответствует ширине храма, но ширина ее не одинакова: в середине по оси церкви она имеет прямоугольный выступ, сохранившийся только частично. Верхняя плоскость фундаментов стен и сплошной площадки, по наблюдению исследователей, не горизонтальна, имеет наклон в сторону откоса горы. Наклон фундаментов стен едва заметен, наклон же площадки очень значителен. Последняя, по наблюдению исследователей, оторвалась от стен; хорошо видны щели разрыва. Средний выступ площадки тоже оторвался и в настоящее время в большей своей части сполз под откос; те же части, которые еще сохранились, не представляют уже целого массива — это только отдельные глыбы, разделенные глубокими щелями разрывов, с еще большим общим уклоном к откосу горы. Деформацию фундаментов исследователи считали результатом оседания и обвалов почвы под ними³.

В развитие положений, высказанных Эртелем и Песчанским, К. Ше-

¹ К. Шероцкий, Киев, Путеводитель, Киев, 1917, стр. 309.

² Приношу благодарность Д. И. Блительду, который обнаружил этот акт, представив в наше распоряжение копию.

³ Акт обследования Выдубицкого погоста... от 25.VII. 1916 г., л. 3—4.

роцкий считал, что сохранившаяся на краю обрыва „четвероугольная сплошная бетонная площадь, поддерживаемая на углу двумя мощными каменными контрфорсами и служившая подошвой апсид“ — есть не что иное, как остаток древних подпорных сооружений, созданных в конце XII в. Петром Милонегом¹. Это утверждение, приписывающее Милонегу не только постройку укрепляющей берег стены, но и перестройку восточной части храма, якобы уже обрушившейся до этого времени в Днепр, совершенно произвольно и не подтверждается подробным летописным текстом, описывающим строительную деятельность Милонегга. В. Сичинский, характеризуя последовательность фактов строительной истории собора, утверждал вслед за К. Шерошким, что Днепр несколько раз подмывал постройку. В первый раз апсиды собора были подмыты рекой еще в XII в., после чего в 1199 г. они были реставрированы Петром Милонегом, для чего он выстроил специальные опорные сооружения, часть которых и была найдена в 1916 г. Позднее, в конце XVI в., восточная часть храма опять обвалилась и была восстановлена из дерева Петром Могилою, а около 1765 г. построена вновь из камня на старой основе сооружений, созданных Милонегом; только вместо трех апсид тогда была выстроена одна средняя, да и та значительно короче первоначальной².

На опубликованном в Путеводителе К. Шероцкого плане Выдубицкого собора не только нанесены вскрытые раскопками части древних фундаментов храма, но и сделана попытка реконструкции первоначальной формы здания (рис. 113). Так, пунктиром показаны три апсиды, размещенные автором плана совершенно произвольно, без каких-либо на то данных. Еще более произвольно определены различной штриховкою первоначальные и более поздние части здания. Средняя пара столбов здания показана на плане как поздняя переделка, и в то же время в составе новой восточной стены здания выделены два якобы древних крестчатых столба. План дает представление о храме, как о четырехстолпном сооружении с резко выраженным подкупольным квадратом и развитым нартексом, в северной части которого размещена башня для входа на хоры.

Раскопки 1916 г. вскрыли разрушенную восточную часть древнего здания далеко не полностью. Реконструкция первоначального плана здания, сделанная на основе наблюдений, полученных во время раскопок, лишь в незначительной мере вскрывших древние части храма, сохранившиеся под землей, была слишком гипотетична и неубедительна во многих отношениях.

Ввиду крупного значения Выдубицкого собора среди памятников киевского зодчества второй половины XI в. уже давно назрела необходимость нового серьезного архитектурно-археологического исследования памятника. Именно эта задача и была включена в план работы Киевской археологической экспедиции, которая в 1945 г., после четырехлетнего перерыва, вызванного Отечественной войной и временной немецко-фашистской оккупацией, вновь приступила к систематическим исследованиям древнего Киева.

¹ К. Шероцкий, Ук. соч., стр. 310—311.

² В. Січинський, Архітектура старо-князівської доби (X—XIII ст.), Прага, 1926, стр. 16.

Раскопки проводились с 31 августа по 22 сентября 1945 г.¹ Была вскрыта вся площадь между новой восточной стеной храма и краем обрыва горы. В связи с обнаружением древних пристроек к собору выяснилась необходимость расширить эту площадь к северу и югу, за линии северной и южной стен храма (рис. 114). Кроме того, для выяснения некоторых вопросов строительной истории здания были проведены разведочные раскопы у южной, северной и западной стен храма.

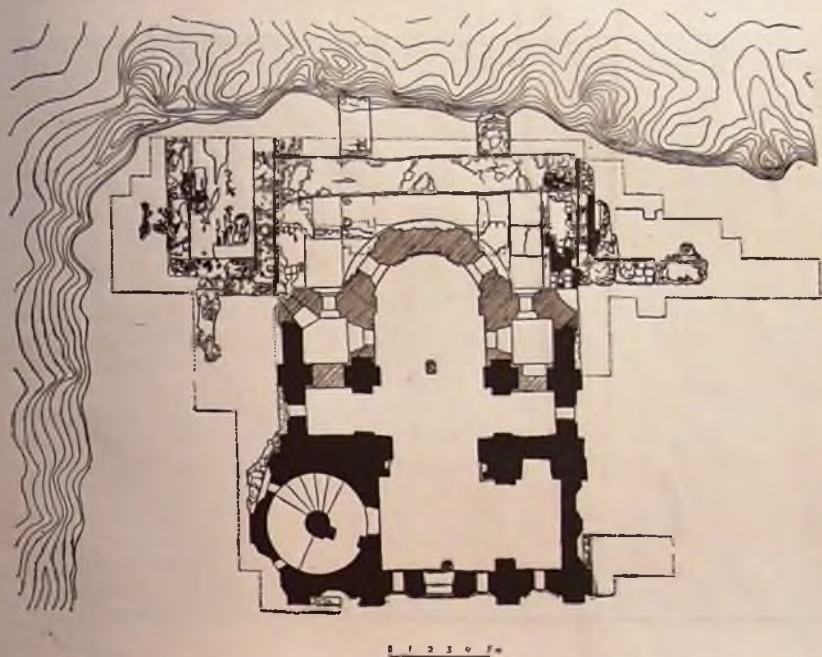

Рис. 114. План собора Выдубицкого монастыря и план раскопа 1945 г.

Неблагоприятные условия лишь в незначительной степени позволили осуществить план раскопок внутри здания путем заложения небольших разведочных шурфов на двух участках центрального нефа храма.

К сожалению, далеко не полностью удалось осуществить и план исследования наземных частей постройки, хотя выполненная часть работы дала ряд исключительно важных фактов и наблюдений для реконструкции первоначальных форм памятника.

К востоку от новой восточной стены храма под очень тонким слоем гумуса, содержавшего значительное количество обломков древних и но-

¹ В раскопках принимали участие под руководством автора настоящего отчета: научный сотрудник ИИМК АН СССР Г. Ф. Корзухина; ст. научный сотрудник ИА АН УССР Д. И. Блитель; научные сотрудники ИА АН УССР — И. М. Самойловский, С. М. Кузнецова; научный сотрудник ЦИМ Н. Шендрик; студенты КГУ — Л. Каленская, Л. Николаенко и М. Черепиная.

вых строительных материалов, были вскрыты отлично сохранившиеся ленточные фундаменты разрушившейся восточной части постройки. Некоторые из них лежали на глубине от 0,20 до 0,35 м, другие были лишь слегка прикрыты дерновым покровом. У обрыва горы отдельные части фундаментов оказались совершенно открытыми как сверху, так и в разрезе (рис. 115—116).

Фундаменты сложены из крупных блоков дикого, плохо отесанного камня на растворе извести с примесью речного песка. В отличие от

Рис. 115. Фундамент восточной части собора Выдубицкого монастыря (раскопки 1945 г.).

наземных частей кладки собора в известковом растворе фундаментов не применен толченый кирпич (цемянка), что придает кладке характер несколько необычный для домонгольских киевских памятников. Фундаменты имеют ширину до 2 м; глубина их заложений различна. Те из них, которые расположены по продольной оси храма (восток—запад), представляют:

а) Продолжение уцелевшей южной стены храма до пересечения ее с поперечным, сохранившимся почти у самой линии обрыва фундаментом. К востоку от него фундамент южной стены не сохранился: когда-то, повидимому, он полностью обвалился в Днепр.

б) Продолжение сохранившейся северной стены храма до пересечения ее с поперечным фундаментом, отмеченным выше. Фундамент северной стены продолжается за поперечным фундаментом до обрыва, где он, по соображениям безопасности памятника, не был вскрыт раскопками.

в) и г) Две линии продольных фундаментов, расположенных на оси сохранившихся внутренних крестчатых столбов храма. Обе эти линии уходят под уцелевшую западную часть здания, а в восточном направлении продолжают за поперечным фундаментом вплоть до обрыва горы, где они видны в разрезе. Восточная часть этих фундаментов обвалилась.

Фундаменты, расположенные на поперечной оси храма, представляют:

Рис. 116. Фундамент восточной части собора Выдубицкого монастыря (раскопки 1945 г.).

а) Уже упомянутый выше фундамент, лежащий параллельно новой восточной стене храма, к востоку от нее, и пересекающий все четыре линии продольных фундаментов.

б) Фундамент, лежащий между упомянутым выше поперечным фундаментом и восточной стеной храма, параллельно им. Как станет ясно из дальнейшего, на нем при пересечении с продольными фундаментами была расположена восточная пара подкупольных столбов храма.

Тщательное исследование позволило установить, что кладка ленточных фундаментов восточной части храма отнюдь не представляла единой связанной вперевязь системы. Многие участки их примыкали друг к другу впритык. Эти древние швы и были ошибочно приняты Эртелем и Песчанским за щели, образовавшиеся в результате разрывов кладки. Сплошным непрерывным массивом тянутся фундаменты северной и юж-

ной стен до пересечения их с восточным поперечным фундаментом. Этот последний также представляет сплошной массив, к которому примыкают с запада две линии продольных фундаментов на оси столбов храма, а также южная и северная стены храма. С востока к поперечному фундаменту примыкали фундаменты апсид, сохранившиеся до нашего времени лишь частично. Поперечный фундамент, на котором была расположена восточная пара столбов храма, состоит из трех отрезков, вставленных впритык с южной и северной стенами и продольными осевыми фундаментами.

На поверхности фундаментов по отпечаткам кирпичей в растворе, а местами и по сохранившейся *in situ* кирпичной кладке удалось проследить нижние части исчезнувших стен, лопаток и столбов. Особенно хорошо сохранилась южная стена храма. Здесь по отпечаткам кирпичей в розовом от примеси толченого кирпича растворе, на котором делалась кладка наземных частей здания, и по нескольким рядам кирпичей, частично сохранившимся *in situ*, удалось установить не только внутреннюю и наружную линии стены, имевшей значительно меньшую толщину, чем фундамент, на котором она воздвигнута, но и две лопатки на ее внутренней поверхности. Таким же образом была обнаружена лопатка на северной стене по оси восточных столбов храма. По аналогичным отпечаткам кирпичей удалось установить форму юго-восточного крестчатого столба. Была прослежена также любопытная особенность: кладка стен возводилась по графье, нанесенной на заглаженной поверхности известкового раствора фундамента, пока он еще не затвердел.

Фундаменты восточной части собора, некогда обрушившейся в Днепр, вскрытые раскопками 1945 г., свидетельствуют, что план Эртеля и Песчанского, исполненный ими по материалам раскопок 1916 г., давал совершенно неверное представление как о вскрытой ими восточной части собора, так и о всем сооружении в целом. Основная ошибка исследователей заключалась в том, что поперечный ленточный фундамент крайнего восточного членения собора, за которым начинались алтарные апсиды, они приняли за „сплошную бетонную площадь, служившую подошвой для апсид“, а примыкавшие к этому поперечному фундаменту с восточной стороны продольные фундаменты апсид — за „мощные каменные контрфорсы“, якобы подпиравшие эту бетонную площадку со стороны обрыва. К тому же эти „контрфорсы“ неверно изображены на плане в виде примыкающей к поперечному фундаменту параллельной стенки.

Безусловно ошибочна попытка связать восточную часть здания со строительством Милонегга, ибо все раскопанные фундаменты представляют неотделимую часть единой системы субструкций собора.

Ошибочно понятая восточная разрушенная часть здания привела к неправильной трактовке и сохранившейся западной части. Отнюдь не изучением кладок, а общими, и притом неверными, соображениями вызвана трактовка средней пары столбов, сохранившихся в современной церкви как новых, и вместе с тем попытка выделить якобы древние крестчатые столбы в составе современной восточной стены здания. В этом ошибочном расчленении уцелевшей западной половины собора на древние и новые части исследователи исходили из ошибочной реконструкции восточной части храма, которой они пытались подчинить реконструкцию западной отлично сохранившейся половины.

В этом отношении гораздо ближе к истине был Симонов, автор упомянутого выше плана собора, исполненного им по самостоятельным обмерам в 1888 г. Произведя, как нам кажется, лишь зачистку обреза фундаментов у обрыва, Симонов правильно изобразил на плане четыре продольных фундамента, сохранность которых тогда была несколько лучше, чем сейчас. Не вскрывая всей площади перед восточным фасадом храма, исследователь не мог знать о существовании поперечных линий ленточных фундаментов.

В отличие от плана 1916 г., на плане 1888 г. вторая западная пара столбов показана древней, а в составе восточной стены современной церкви никаких древних столбов не отмечено.

Тщательное исследование сохранившейся западной части постройки, произведенное одновременно с раскопками восточной, позволило совершенно безоговорочно установить, что никаких древних частей собора в составе современной восточной стены постройки нет. Стена эта выстроена на новом фундаменте, заново заложенном при реставрации храма в XVIII в. Наоборот, вторая западная пара столбов, выступающих ныне в роли восточных подкупольных, является безусловно древней почти на всю высоту. Небольшой раскоп, заложенный между этими столбами под современным полом храма, позволил установить наличие древнего ленточного фундамента, на котором стоят эти столбы. В древнем храме они были западными подкупольными столбами, восточная же пара подкупольных столбов раскрыта в виде отпечатков от кирпичей в растворе на западном поперечном фундаменте в средней его части, находящейся под новой апсидой храма. Значительная длина линии продольных фундаментов к востоку от восточного поперечного фундамента, без каких-либо признаков закругления апсид, позволила реконструировать апсидные полукружия условно, начиная их непосредственно с обрыва наиболее сохранившегося продольного фундамента, расположенного на оси северных столбов храма. Таким образом, установленная нами длина храма является минимальным вариантом из числа возможных. На плане 1888 г. длина некоторых продольных фундаментов показана несколько большей. Если следовать этому плану, реконструкцию храма можно незначительно удлинить.

Реконструкция плана Выдубицкого собора (рис. 117) показывает, насколько была далека от истины попытка рассматривать храм как кубическую четырехстолпную постройку. В действительности Михайловский собор был даже не шестистолпным, а восьмистолпным храмом, и отличался чрезвычайной вытянутостью по оси восток—запад, благодаря значительному удлинению восточной части здания за счет лишнего восточного членения между апсидами и восточными подкупольными столбами.

Среди известных памятников русского зодчества XI — начала XII вв. только один отмечен той же особенностью — собор Спаса в Чернигове, имеющий с Выдубицким общие пропорции планов. Некоторые элементы базиличности в архитектуре обоих соборов не дают, однако, права отнести их к разряду базилик.

Сколько глав имел первоначально Выдубицкий собор, решить в настоящее время затруднительно.

Расширение площади раскопок к северу и югу позволило установить наличие древних пристроек, примыкавших к юго-восточному и к северо-

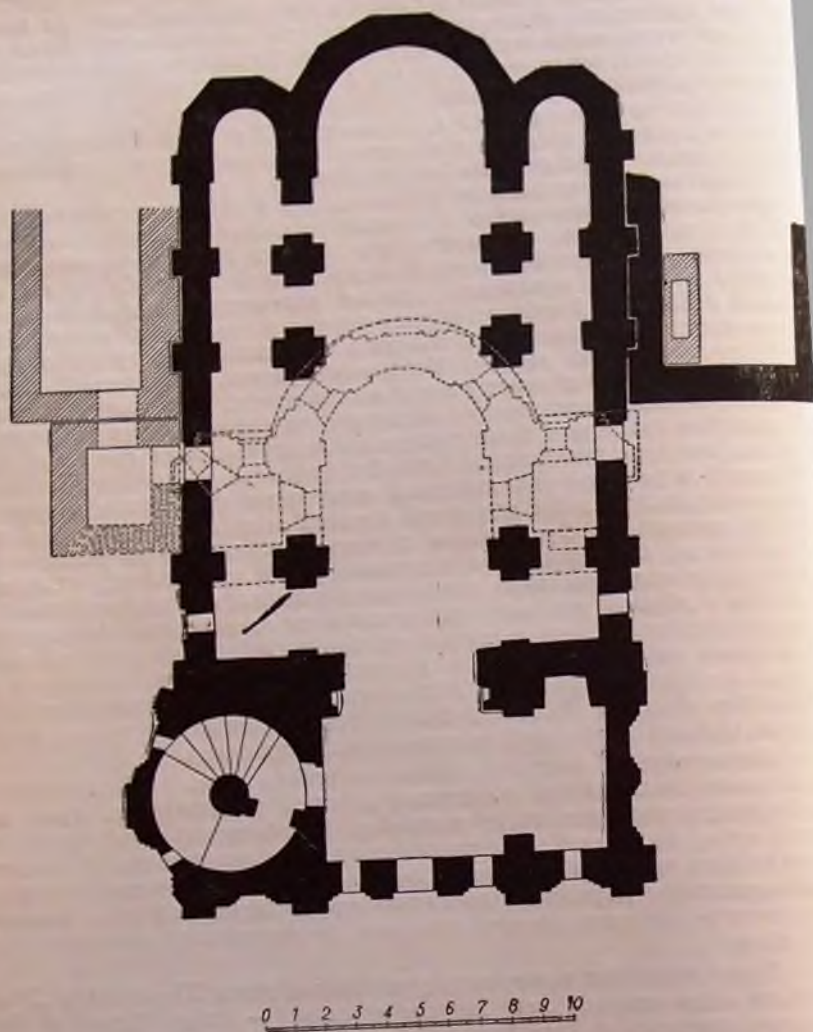

Рис. 117. Собор Выдубицкого монастыря. План-реконструкция.

восточному углу собора. Подле фундамента южной стены, в восточной части ее, раскопками вскрыт древний фундамент, по характеру кладки и глубине заложения не отличавшийся от того, к которому он вплотную (но без перевязи) примыкал. Ширина его (0,75 м) несколько меньше, чем ширина фундаментов основных стен храма.

Рис. 118. Фундамент юго-восточной пристройки к собору Выдубицкого монастыря (фото в процессе раскопок).

Восточная часть фундамента, так же как и примыкающая к ней восточная часть фундамента южной стены храма, обрушилась в Днепр. К западной его части под прямым углом примыкает вперевязь фундамент западной стены пристройки, который состоит из трех разорванных частей. Северная треть (около 2 м длиною) составляет единое целое с кладкой описанного фундамента северной стены пристройки. Средняя часть его обнаружена на глубине 0,50 м. Эта часть, оторвавшаяся как от северной, так и от южной части западного фундамента

пристройки, лежала наклонно, накренившись к югу. Южная треть, оказавшаяся еще глубже, имела наклонное положение к северу (рис. 118—119). Картина разрушения западной стены пристройки стала понятна лишь после обнаружения в нескольких местах подземных камер и ходов, вырытых глубоко под почвой в лессовом массиве горы. Одна из таких подземных древних пещер, о существовании которой, может

Рис. 119. Фундамент юго-восточной пристройки к собору Выдубицкого монастыря (фото в процессе раскопок).

быть, даже и не знали строители собора, и послужила причиной катастрофы южной пристройки. Фундамент ее западной стены рухнул вниз, расколовшись при этом на три части (рис. 120).

Южная стена пристройки была почти полностью уничтожена многочисленными поздними склепами и могильными ямами. Однако незначительная часть ее сохранилась вместе с кладкой южного куса западной стены, образуя юго-западный угол. Это позволило установить ширину пристройки. Ввиду того, что южный блок западной стены лежал под

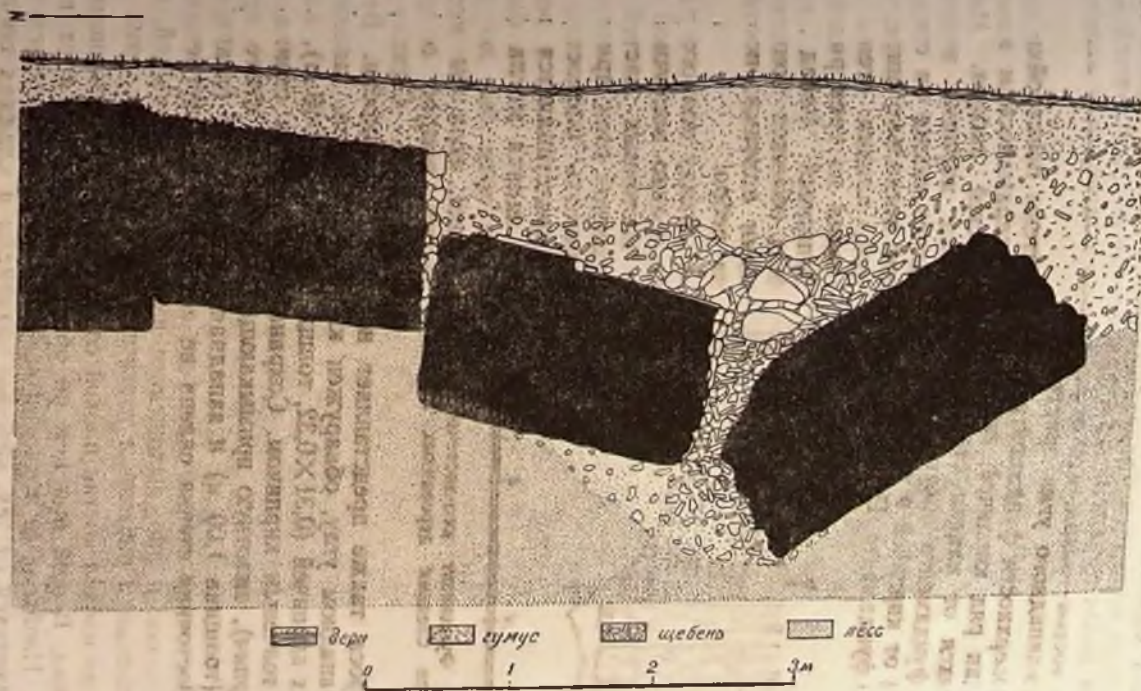

Рис. 120. Фундамент юго-восточной пристройки к собору (разрез).

углом, сильно накренившись к северу, представилась возможность исследовать подошву фундамента, где были обнаружены отпечатки крупных деревянных балок-лежней, составлявших деревянную субструкцию, на которой были выложены фундаменты (рис. 121). В северной части блока отпечатки бочок давали направление север—юг, а в южной — направление — восток—запад, что окончательно подтвердило наличие в этой части юго-западного угла пристройки.

На поверхности фундамента северной стены пристройки сохранился *in situ* один ряд кирпичей, по размеру и керамическим качествам не отличавшихся от кладки стен основных частей собора. Местами на этом же фундаменте сохранились отдельные кирпичи второго ряда. Отпечатки от кирпичей в растворе сохранились также на средней части западного фундамента. Поскольку последний несколько шире, чем север-

ный, кладка стены здесь состояла из трех рядов кирпича. Западный фасад пристройки был обложен тонкими шиферными плитами, поставленными на ребро.

Ввиду полного разрушения не только восточной стены, но и восточных частей северной и южной стен пристройки, восстановить полностью ее план не представляется возможным. Эта задача могла быть разрешена хотя бы до некоторой степени, если бы можно было решить вопрос о назначении пристройки. Однако решение

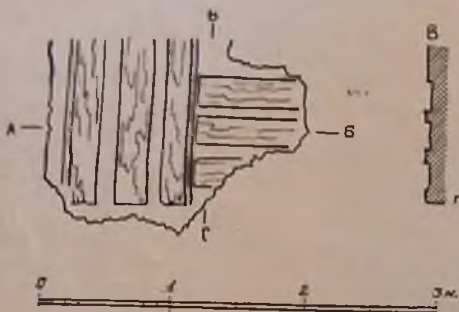

Рис. 121. Фундамент юго-восточной пристройки со следами деревянных лежней.

этого вопроса также представляет некоторые трудности. Внутри нее, в северо-западном углу, обнаружен кирпичный склеп, выложенный из квадратных кирпичей ($0,31 \times 0,32$, толщиной $0,035—0,040$ м), на растворе извести с толченым кирпичом. Сохранилась северная стенка (толщина в один кирпич), вплотную примыкающая к северной стене пристройки, западная (толщина $1,00$ м) и западная часть южной (толщина в один кирпич). Восточная стенка склепа не сохранилась. Внутренняя поверхность его стенок и дно, выложенное из таких же кирпичей, сохранили обмазку розоватым раствором извести с толченым кирпичом.

В склепе найден костяк плохой сохранности, ориентированный головой на запад. Вещей при нем не обнаружено, кроме трех гвоздей от гробовища. Необходимо подчеркнуть, что склеп этот сложен из кирпичей, отличающихся от тех, которые применены в кладках собора и стен юго-восточной пристройки. Они имеют другие размеры, толще и отличаются своими керамическими свойствами. Кирпичи этого типа характерны для киевского зодчества начала XII в. и не встречаются в XI в., следовательно, использование юго-восточной пристройки в качестве усыпальницы, может быть, и не соответствует ее первоначальному назначению. Нельзя не обратить внимания на исключительную мощность фундаментов пристройки. По глубине заложения они не уступают фундаментам основных стен храма, а по ширине лишь немного меньше.

Все это свидетельствует о том, что юго-восточная пристройка Выдубицкого собора, возникшая или одновременно с ним, или незначительно позже, представляла, повидимому, высокое башнеобразное сооружение, в композиционном отношении перекликавшееся с мощной башней у северо-западного угла здания, которая, однако, в отличие от первой, была почти полностью вдвинута в массив самого собора.

Совершенно иной характер имела северо-восточная пристройка к собору, фундаменты которой, вскрытые раскопками, позволили установить ее план, за исключением восточной стены. Техника кладки фундаментов этой постройки значительно отличается от фундаментной кладки основных стен храма и фундаментов юго-восточной пристройки. Фундаментная кладка северо-восточной пристройки очень небрежная, состоит из небольших обломков камня и отчасти кирпича на растворе извести с примесью толченого кирпича. Глубина заложения здесь, в отличие от других фундаментов, значительно меньшая. Следов кирпичной кладки стен не сохранилось. Внутри этой пристройки и у ее северной стены обнаружено восемь погребений почти без инвентаря. Некоторые из них были прикрыты мелкими перепревшими обломками шиферных плит, из которых, однако, ни одна не сохранила формы саркофага. Погребения занимали почти всю площадь пристройки, иногда лежали одно под другим.

Назначение северо-восточной пристройки как усыпальницы не вызывает сомнений. Сооружение это, судя по иному характеру кладки, пристроено несколько позже, хотя, безусловно, в домонгольское время. Погребения разграблены и не позволяют уточнить период, в течение которого северо-восточная пристройка играла роль усыпальницы.

К западной стене ее вплотную примыкает фундамент другой очень плохо сохранившейся пристройки, несколько меньшей по ширине. От этой постройки сохранился фундамент восточной стены и примыкающая к ней под прямым углом часть фундамента северной стены. В западном конце кладка этой стены заканчивается небольшим выступом (0,20 м) в направлении на юг, являющимся, повидимому, остатком западной стены, полностью уничтоженной при постройке поздних склепов.

Кладка фундамента (ширина 0,80—1,00 м) состоит из небольших неотесанных блоков камня на растворе извести с толченым кирпичом. Судя по технике кладки, фундаменты этой пристройки одновременны с фундаментами северо-восточной пристройки. Наличие в средней части восточной стены очень плохо сохранившихся следов дверного проема дало повод наметить в реконструкции первоначального плана (рис. 117) проход из пристройки в усыпальницу. Таким образом, примыкая к северному portalу собора, пристройка, повидимому, являлась небольшим проходным сооружением, соединявшим храм с усыпальницей. Необходимо, однако, подчеркнуть чисто гипотетический, весьма условный характер этой части реконструкции.

Наличие первоначально одной, а несколько позже — двух разного размера и, судя по фундаментам, разной высоты пристроек, примыкавших к стенам собора, вновь заставляет вспомнить черниговский храм Спаса, у стен которого, как показали археологические раскопки 1923 г., в древности существовало три различных по площади и по высоте пристроек, служившие в качестве усыпальниц.

Не ставя в настоящем отчете задачи охарактеризовать Выдубицкий

собор как памятник киевского зодчества второй половины XI в., считаю, однако, необходимым подчеркнуть, что раскопки и исследования 1945 г. полностью доказали несостоятельность всех существовавших до сих пор попыток реконструировать первоначальные формы собора в виде малого четырехстолпного здания сокращенного типа.

Михайловский собор Выдубицкого монастыря представлял собой сооружение, отличительная черта которого (удлиненная по оси восток—запад композиция плана, придававшая ему до некоторой степени базиликальные особенности) позволяет сопоставить его не с малыми дворцовыми храмами Владимиро-Суздальской земли, а с крупнейшим и оригинальнейшим сооружением Киевской Руси — собором Спаса в Чернигове.

IV. РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ „ГОРОДА ВЛАДИМИРА“ (1946 г.)

В задачу Киевской археологической экспедиции 1946 г. входило исследование важнейших в историческом отношении участков древнего Киева, расположенных в границах так называемого „города Владимира“, то есть в треугольнике, образуемом ул. Владимирской, Б. Житомирской и Жертв Революции. Работы разведочного характера были развернуты в семи пунктах на девяти участках, на одном из которых были произведены стационарные раскопки.

Разведочные работы были проведены: на двух участках в саду д. № 23 по ул. Жертв Революции (54 и 36 м²), двух участках во дворе д. № 1 по Владимирской ул. (общая площадь 32 м²), во дворе д. № 25 по ул. Жертв Революции (8 м²), во дворе д. № 7 по Владимирской ул. (8 м²), во дворе д. № 10 по Десятинному пер. (12 м²).

Стационарные раскопки были произведены на двух почти смежных участках д. № 4 по Б. Житомирской ул. (общ. площадь 104 м²). Работы экспедиции продолжались с 4 июля по 26 сентября 1946 г.¹

Разведочные работы на перечисленных выше участках, за исключением двух участков во дворе д. № 4 по Б. Житомирской ул., установили крайне плохую степень сохранности древних культурных слоев. Мощные, достигавшие 2—3 м культурные напластования насыщены здесь, в основном, поздним материалом (XIX в.), среди которого,

¹ В экспедиции под руководством автора настоящего отчета принимали участие: руководители участков — старший научный сотрудник ИА АН УССР Д. И. Блитель; научный сотрудник ИИМК АН СССР Г. Ф. Корзухина; старшие научные сотрудники ЦИМ Н. В. Линка, М. В. Бондарь; научный сотрудник ЦИМ З. А. Володченко; научный сотрудник ИА С. Н. Одинцова; фотограф М. Г. Агаронян; лаборанты-практиканты — аспирант Института им. И. Е. Репина Академии художеств В. Лаурина, студенты того же института — Е. Морозова, Н. Крапоткина, Л. Афанасьева, С. Торопчинова, М. Карпенко, Л. Генс, А. Тырса, И. Пестрякова, И. Тушид, А. Зубарашвили, М. Одар-Боярская, И. Ярушевич, И. Пунина, Г. Глаголева; студенты Ленинградского государственного ордена Ленина университета — С. Крылова, Б. Мараш, Л. Пятышева, Шур, Богданова; студенты Киевского государственного университета — Н. Карвченко, Г. Саченко, З. Черепинская.

однако, начиная почти с самых верхних слоев, нередко попадают и остатки древнего, домонгольского времени (XI—XIII вв.). Местами были обнаружены в довольно значительных скоплениях фрагменты керамики, стекла и другие находки XVII—XVIII вв.

Древние культурные слои, лежащие на материковом лессе или даже в различных ямах и углублениях в толще материка, на изученных участках, как правило, были нарушены поздними ямами XVII—XVIII вв. и нередко глубокими ямами XIX в. Ни на одном из указанных участков не удалось обнаружить сколько-нибудь значительных нетронутых площадей, древних сооружений и пр. Несмотря на это, состав случайных древних находок (XI—XIII вв.), обнаруженных в культурных напластованиях самого различного времени, весьма значителен. Найдены многочисленные образцы черной и красноглиняной (амфорной) керамики, фрагменты стеклянных витых браслетов, шиферные пряслицы, различные изделия из кости, железа и стекла, железные крицы, вислая свинцовая печать и многое другое.

Наиболее характерная черта изученных участков — обилие разнообразных строительных остатков XI—XIII вв.: обломки плоских квадратных кирпичей, различных по размеру и характеру обжига и глины, куски известкового раствора с примесью толченого кирпича, обломки шиферных плит, фрагменты поливных плиток пола, многочисленные фрагменты фресковой штукатурки. Местами раствор розоватый от примеси толченого кирпича, и обломки фресковой штукатурки лежали довольно мощным пластом на более или менее значительной площади, но все попытки обнаружить вблизи от этих скоплений какие-либо остатки древнего здания *in situ* пока не увенчались успехом. Известно, что еще в первой половине XIX в. в изучаемом районе Киева были частично обнаружены фундаменты и даже части стен какой-то постройки эпохи Киевской Руси, которую принято считать развалинами Федоровского Вотча монастыря, против чего были, однако, и возражения. Ввиду того, что обнаруженные тогда развалины были раскопаны лишь частично и крайне плохо обмерены и изучены, дальнейшие поиски этой древней постройки и раскопки ее широкой площадью составляют одну из очередных задач археологических работ в Киеве на ближайшие годы, пока район не подвергнется окончательной застройке.

Несмотря на пессимистические выводы в отношении степени сохранности древней стратиграфии изучаемого района, разведочные работы, начатые нами в 1946 г., отнюдь нельзя считать законченными, а дальнейшее изучение района бесполезным. Насколько такой вывод был бы преждевременным, показывают результаты раскопок того же года во дворе д. № 4 по Б. Житомирской ул., где разведочными шурфами было установлено наличие отлично сохранившихся древних культурных слоев с остатками жилых сооружений домонгольского времени.

Последующие раскопки, проведенные на двух, почти смежных, участках, общей площадью в 104 м², обнаружили исключительный по значению, отлично сохранившийся угол древнего города (рис. 122).

Верхние слои на всем раскопанном участке были насыщены различными остатками XIX—XX вв. Лишь в виде исключения попадались предметы XVII—XVIII вв. и еще реже — отдельные находки домонгольского времени.

Но уже на глубине 1,10—1,15 м начался слой, состоявший, в ос-

Рис. 122. Раскопки жилищ на Б. Житомирской улице (общий вид раскопок 1946 г.).

новном, из остатков строительных материалов домонгольской эпохи: обломков кирпичей, цемьянки, фрагментов фресок, поливных половых плиток и пр. В этом же слое были найдены обломки медного колокола, части бронзового хороса, каменная литейная формочка для отливки двух, различных по рисунку колтов (рис. 123).

Ниже этого завала, на глубине 1,30 м, обнаружилось значительное скопление человеческих скелетов, лежавших нередко в два, три и четыре

Рис. 123. Литейная формочка для отливки двух колтов.

слоя один над другим. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми ногами и разнообразным положением рук (рис. 124), в завале обгорелого дерева и пережженной глины. Расчистка этого завала позволила обнаружить отлично сохранившиеся остатки жилища полуземляночного типа, нижняя часть которого представляла вырытую в материке прямоугольную выемку глубиной до 0,60—0,70 м (рис. 125). Верхний край стенок углубленной части жилища был обнаружен в материковом лессе на глубине 1,50—1,60 м от современной поверхности (рис. 126). Стенки, вырубленные в плотном лессе, хорошо прослеживались уже в верхних частях, а в более глубоких частях сохранность их оказалась еще лучше (рис. 127). Они были обшиты толстыми и широкими досками, концы которых, повидимому, врублены в пазы

Рис. 124. Скелеты, обнаруженные в жилище I на Б. Житомирской улице.

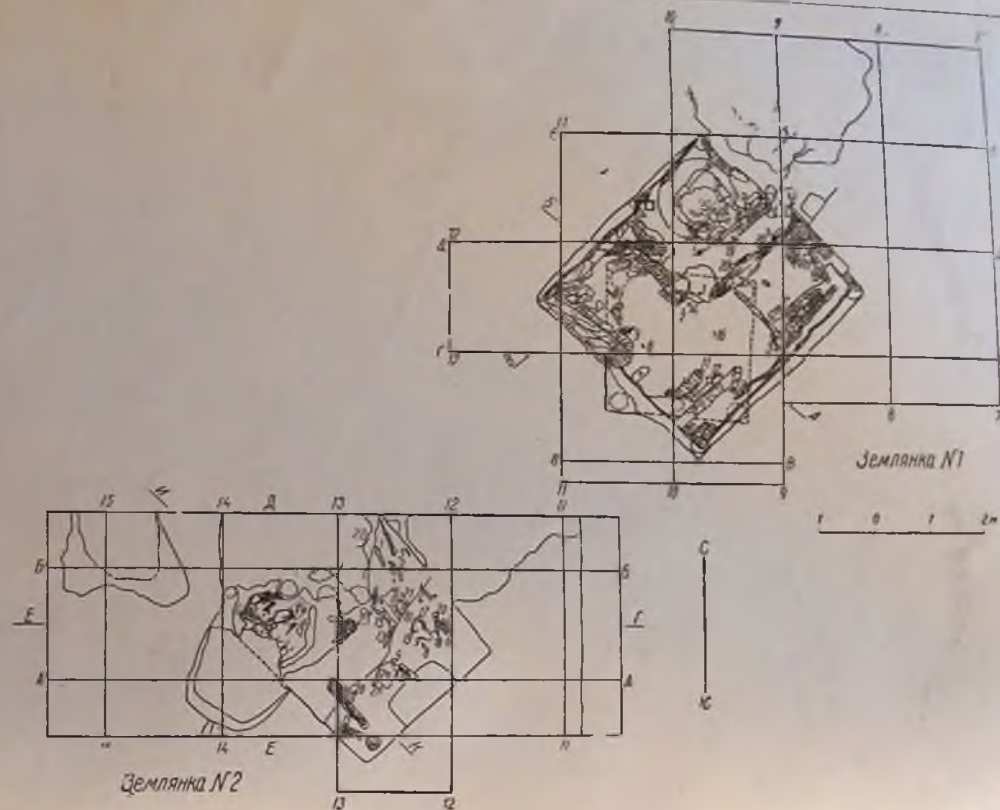

Рис. 125. План жилищ на Б. Житомирской улице.

вертикальных столбов, стоявших по углам жилища. Во всех четырех углах были обнаружены круглые ямы с остатками этих столбов (рис. 125) ¹.

Доски, которыми были обшиты стены, лежали параллельно земляным стенкам выемки, на расстоянии 0,10—0,20 м от них. Образующаяся при этом щель засыпалась землей. Верхний край юго-восточной стенки обнаружен на глубине 1,60 м от современной дневной поверхности; стенка сохранилась на глубину до 0,60—0,70 м. Возможно, что первоначальная глубина подземной части жилища была несколько большей.

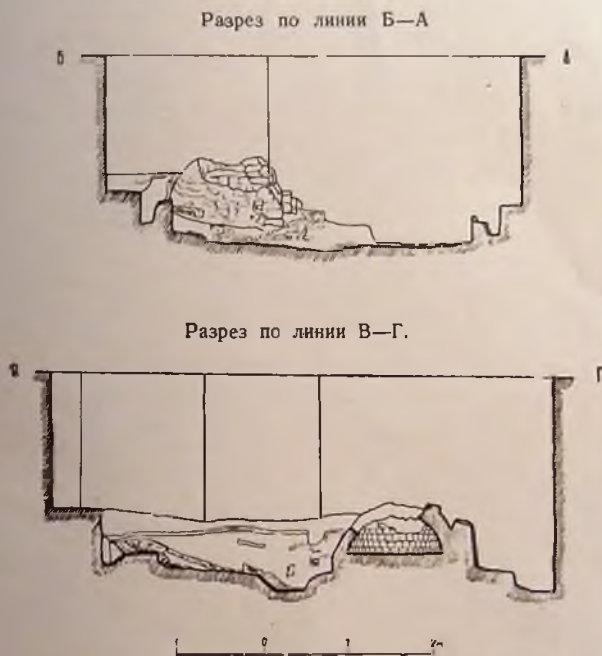

Рис. 126. Жилище I на Б. Житомирской улице (разрезы).

Длина юго-восточной стены — 4,40 м. Вдоль нее сохранились *in situ* три обгорелых доски, одна над другой, и в большом количестве обломки других досок. Под уровнем нижней доски, лежавшей вдоль стены на расстоянии 1,00 м от южного углового столба, при зачистке пола была обнаружена круглая яма (диаметр — 0,25 м; глубина — 0,55 м) с истлевшими, но не обгоревшими остатками вертикально стоявшего столба. Яма эта, однако, была перекрыта глиняным полом землянки, и поэтому рассматривать столб как элемент конструкции жилища было невозможно.

¹ Яма в южном углу жилища имела глубину 0,40 м, при диаметре 0,30 м; в северном углу (за печью) — 0,45 м, при диаметре 0,28 м; в западном углу — 0,45 м, при диаметре 0,32 м; в восточном — 0,40 м, при диаметре 0,35 м.

Рис. 127. Жилище I. Общий вид после раскопок

Назначение столба стало понятным лишь после углубления раскопок ниже уровня пола жилища (см. далее).

Параллельная юго-восточной, северо-западная стенка была обнаружена на глубине 1,50 м от современной дневной поверхности и прослеживалась на глубину до 0,70 м. Параллельно стенке ямы также лежали обгорелые доски, представлявшие деревянную обшивку углубленной части жилища. Длина стенки — 4,20 м.

Юго-западная стенка жилища, перпендикулярная к вышеописанным юго-восточной и северо-западной, также вырезана в материковом лессе, но она имела одну особенность, значение которой первоначально понять не удалось, ее смысл раскрылся несколько позже. Стенка эта в средней части имеет какой-то прямоугольный выступ, образующий новый угол (рис. 125), в котором была обнаружена круглая яма диаметром 0,25 м, глубиной 0,65 м. В засыпи этой ямы прослеживались следы вертикально поставленного деревянного столба. Следует подчеркнуть, что угол образуется лишь лессовыми стенками землянки, доски обшивки, расположенные вдоль юго-восточной стенки, лежат параллельно основному направлению стены и выступа не имеют. Смысл этой особенности будет разъяснен несколько ниже.

Северо-восточная стенка прослеживалась в материковом лессе на протяжении 2,15 м от восточного угла землянки; дальше она прерывалась какой-то нишей, стенки которой были обмазаны обожженной глиной. Ниша эта имела две параллельные стенки, сохранившиеся на высоту 0,35—0,40 м, расстояние между которыми — 0,65 м. Они прослеживались на протяжении 0,45—0,50 м. Продолжение этих стенок обнаружить не удалось; не сохранилась и задняя стенка ниши. Дно ее обмазано обожженной глиной. В заполнении ниши найдено значительное количество фрагментов керамики, обгорелое зерно, два железных замка, часть железной оковки заступа. На дне — ямка почти прямоугольной формы с несколько округленными углами (0,40×0,30, глубина 0,35 м); стенка и дно ее сильно обожжены. Северная половина северо-восточной стенки вырыта не в материковом лессе, а в засыпке ранее существовавшей здесь ямы.

В северном углу жилища находится отлично сохранившаяся печь, почти круглая в плане, лишь несколько усеченная со стороны устья (рис. 128). Под печи поднят над уровнем пола на 0,10—0,15 м и выступает перед устьем несколько вперед, образуя как бы приступок (шесток). Печь сложена из кирпича, имеющего форму продолговатых брусков, на постельной части которых встречаются неглубокие и очень слабо выраженные борозды (вдоль кирпича). Печь имеет форму полусферического свода. Стенки сохранились на высоту до 0,57 м от уровня пода. Диаметр печи 1,40 м; ширина пода 1,25 м; толщина стенок 0,15 м.

В кладке сохранилось пять рядов кирпича. Ввиду разрушенности верхней части свода печи, наличие (или отсутствие) дымохода установить не удалось. Использованы в кладке как целые кирпичи, так и бой (половинки), сложены они на глине. Наружная поверхность печи гладко обмазана глиной и хорошо обожжена. На внутренней поверхности обмазка не сохранилась. Под печи глиняный, сильно обожжен и местами имеет трещины. Толщина глиняной обмазки — 0,03 м.

У северо-западной стенки жилища, на расстоянии 2,60 м от западного угла, обнаружилась небольшая ямка (0,10×0,10 м), прямоугольная

в плане на уровне пола и круглая в глубине. Ямка эта находится у печи II, повидимому, связана с нею.

В средней части жилища, к югу от печи, под мощным завалом обгоревших деревянных досок и балок, упавших сверху, была расчищена яма, углублявшаяся под пол на 0,65—0,70 м. Ввиду полного разрушения стенок очертания ее не имели правильной формы.

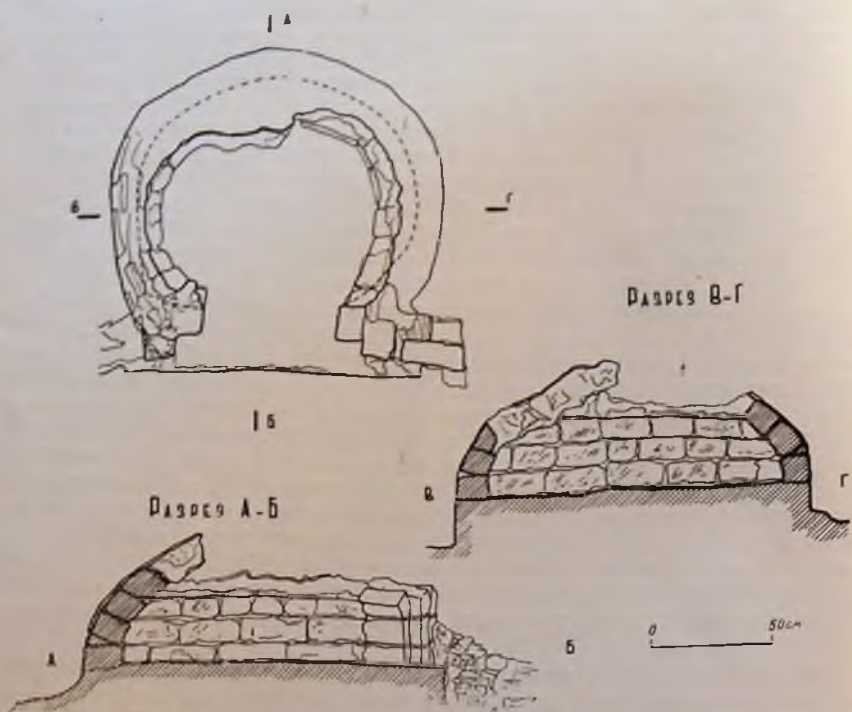

Рис. 128. Жилище I. Печь. План и разрезы.

Вся площадь жилища была завалена обгоревшими обломками деревянных частей постройки, обрушившихся при пожаре, и мощным пластом обгоревшей до красно-кирпичного цвета глины, из которой были, повидимому, сделаны стены надземной части жилища. Особенно много обгоревшего дерева и глины лежало вдоль стены (рис. 127).

Под этим завалом, на полу жилища или немного выше его, среди обгорелых деревянных обломков и обожженной глины, найден разнообразный инвентарь, находившийся в жилище в момент катастрофы.

Глиняная посуда, как в многочисленных фрагментах, так и целыми сосудами, принадлежит к широко распространенным в Киеве керамическим типам. Вся она сделана на гончарном круге. По форме большая

часть фрагментов относится к типу горшков с отогнутым венчиком, покрытых в верхней части волнистым или линейным орнаментом; распространен также орнамент в виде запятых. Хорошо сохранившийся экземпляр этого типа посуды был найден у самого устья печи (рис. 129). Внутри горшка находились обгорелые зерна проса. Рядом, также у устья печи, обнаружен целый глиняный высокий кувшин, по форме близкий к типу сосудов, известных под названием „амфорок киевского типа“, довольно широко распространенных среди находок на городищах Среднего Поднепровья XI—XIII вв. (рис. 129).

Рис. 129. Жилище I. Глиняная посуда.

Среди фрагментов керамики, найденных в жилище, нужно отметить также донца с клеймами, широко распространенных в киевской керамике XII—XIII вв. типов (рис. 130).

Наряду с черной и серой кухонной посудой, в жилище найдены также многочисленные фрагменты красноглиняной амфорной керамики, отличного обжига. Как известно, этот тип посуды был широко распространен в Киеве в XI—XIII вв.

К числу характерных для этого же периода находок нужно отнести фрагменты стеклянных витых браслетов, шиферное пряслице, несколько железных трубчатых замков (рис. 131) и два экземпляра железных оковок заступов (рис. 132), совершенно аналогичных по своей форме тем, которые были найдены в 1939 г. под развалинами Десятинной церкви (см. выше) на дне тайника, засыпанного в декабре 1240 г.

Среди вещей, характерных для домонгольского Киева, необходимо, кроме того, отметить находку отлично сохранившегося медного энколпиона с черневыми изображениями (рис. 133) и несколько хрустальных шаровидных бус.

Большой интерес представляют многочисленные находки обгорелых зерен различных злаков (пшеница, просо, горох и др.), запасы которых хранились, повидимому, в большом деревянном ларе. Днище этого ларя (1,60×1,60 м), состоявшее из восьми обгоревших плах разной ширины и одной поперечной балки (шириною 0,08 м), находилось в восточном

углу жилища. Зерна были найдены на днище и в особенности — в щелях между плахами.

В том же углу обнаружены обгорелые стенки и железные угловые оковки небольшого деревянного ларца, фрагменты обгорелых тканей нескольких видов. Обгорелые ткани и зерна были разбросаны также по всей остальной площади жилища, в частности, грубая обгоревшая ткань была найдена возле печи.

В числе деревянных предметов, находившихся в жилище, были также: фрагмент небольшого деревянного сосуда с остатками обгорелого зерна

Рис. 130. Жилище I. Керамические клейма.

на дне, фрагменты деревянного ведра с железными обручами и дужкой, деревянный сундук, от которого сохранились лишь железные угольники и оковка с частями обгоревшего дерева.

Среди многочисленных аморфных остатков железных вещей после камеральной обработки удалось восстановить лишь так называемый чеснок, дверную накладку (пробой), фрагменты цепи и кусок волооченой проволоки.

На полу жилища были найдены обгорелые кости кота. Как известно, полный обгоревший скелет того же животного был обнаружен под развалинами описанной выше „землянки художника“, раскопанной в 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря (см. выше).

Особого внимания заслуживает вислая свинцовая печать, найденная в подпольной яме, расположенной к югу от печи.

Пол жилища — ровный, обмазан глиной, степень его обжига различна; повидимому, местами он подвергся действию сильного огня во время пожара. Следов разновременных подмазок не установлено. Толщина

слоя глиняной обмазки в среднем — 0,10 м, она лежит непосредственно на светлом материковом лессе.

После окончательной зачистки и фиксации всех остатков деревянных конструкций обгорелое дерево и глиняная обмазка пола были уда-

Рис. 131. Жилища I и II. Железные замки.

лены. В открывшемся плотном светлом материковом лессе обнаружилось четко оконтуренное большое прямоугольное, почти квадратное в плане пятно. Заполнение этого пятна состояло из более рыхлого и более темного по сравнению с материковым лессом культурного слоя, свидетельствующего о том, что жилище было выстроено не на пустом месте.

По удалении этого заполнения открылось почти квадратное углубление, стенки которого ориентированы точно по странам света (рис. 134). Южная, восточная и западная стенки имели длину 2,60 м, северная — 2,68 м, глубина — 0,25—0,30 м. По углам этого углубления выявлены

Рис. 132. Жилище I. Железные заступы.

Рис. 133. Жилище I. Крест-энколпион.

круглые в плане ямы от вертикально врытых столбов (диам. 0,30—0,35 м).

При этом выяснилось, что яма, обнаруженная у юго-восточной стенки верхнего жилища на расстоянии 1 м от западного угла, представляла собою несомненно след от юго-восточного углового столба именно этого, нижележащего сооружения. Рыхлое заполнение ее, образо-

Рис. 134. Жилище III. Общий вид.

вавшееся от сгнившего основания столба, явилось причиной того, что глиняная обмазка пола вышележащего жилища обрушилась в эту старую яму нижнего сооружения.

Только теперь выяснилось, что прямоугольный выступ, который, как отмечено выше, прерывал прямую линию юго-западной земляной стенки верхнего жилища, представлял не что иное, как юго-западный угол вырытого значительно раньше прямоугольного сооружения, к моменту постройки нового жилища уже разрушенного. Остатки круглого столба в углу этого выступа, обнаруженные еще при зачистке пола верхнего жилища, принадлежали также не вновь сооруженному жилищу, а тому, развалины которого были в это время уже засыпаны.

В средней части южной и северной стен нижнего сооружения были обнаружены несколько меньшего диаметра (0,30 м) круглые ямки от вертикальных столбов, повидимому, поддерживавших двускатную кровлю. Глубина всех шести ям почти одинакова (0,30—0,45 м).

Культурный слой, заполнявший прямоугольное углубление, не был столь насыщен, как заполнение вышележащей землянки, и существенно отличался от него по составу находок. Прежде всего в заполнении ниж-

него сооружения совершенно не встречались остатки обожженного дерева, составлявшего в верхнем жилище основную массу заполнения. Отличен и состав инвентаря, правда, сравнительно немногочисленного.

На полу сооружения было найдено большое количество крупных фрагментов от двух или трех красноглиняных амфор, несколько фрагментов керамики, покрытой зеленой поливой на внешней поверхности и зеленой с желтоватыми разводами поливой — на внутренних стенках посуды. Большой интерес представляет находка на полу этого сооружения вислой свинцовой печати.

Общий характер этого сооружения, вырытого в материке, размеры его и особенно остатки конструкции в виде четырех угловых столбов и двух средних, поддерживавших, повидимому, двускатную крышу этой постройки, не оставляют сомнений в том, что перед нами жилище тоже полуземляночного типа, существовавшее, судя по составу инвентаря, в несколько более раннюю пору исторической жизни Киева и разрушенное до постройки жилища, подробно описанного выше. В отличие от последнего, более древнее жилище не имело (или не сохранило?) печи. Если *terminus ante quem* разрушения этого нижнего жилища определяется датой постройки верхнего, то совершенно неожиданно заключительная фаза раскопок позволила установить и *terminus post quem* его постройки.

После снятия глиняной обмазки пола на всей площади верхнего жилища в углу, образуемом северо-западной стеной и печью, в светлом материковом лессе, на глубине 2,25 м от древней поверхности, обнаружилось прямоугольное пятно с более рыхлым и более темным по цвету заполнением. Этот же характер грунта прослеживался и в профиле северо-западной земляной стенки землянки, над пятном, причем в полном соответствии с границей пятна, которая выявилась в плане.

Расчистка этого пятна привела к обнаружению парного погребения в срубе (рис. 135). От последнего сохранились остатки дерева вдоль стенок могильного пятна и три круглые ямки (диам. 0,15—0,20 м, глубиной 0,45—0,50 м), которые книзу суживаются — повидимому, столбы были в них не вкопаны, а заострены и вбиты. Сруб ориентирован по странам света. Его северная и южная стенки — 3,00 м; восточная и западная — 1,70 м. Северо-восточный угол уходит под печь жилища I.

Местами удалось проследить остатки деревянного наката в виде перекрещивающихся балок, которыми сруб был перекрыт сверху, образуя, очевидно, подкурганную камеру — склеп с деревянными стенами и потолком.

На дне этой камеры был обнаружен мужской костяк, ориентированный головой на север. Вдоль правого бедра лежал отлично сохранившийся меч франкского типа (рис. 136—137) и еще какой-то железный предмет, назначение которого ввиду его очень плохой сохранности установить не удалось. Слева у грудной клетки обнаружены фрагменты железной оковки колчана, а в нем — железные наконечники стрел (рис. 138). На грудной клетке найдено три бронзовых пуговицы. Слева от скелета воина обнаружен лежавший рядом очень плохо сохранившийся женский скелет, кости которого, за исключением черепа, почти полностью истлели. Никаких вещей при нем не обнаружено.

Характер погребального сооружения, состав инвентаря и обряд парного захоронения дружинника с женщиной-рабыней не оставляет

Рис. 135. Погребение дружинника с рабыней. Общий вид.

сомнения в том, что перед нами еще одно новое погребение грандиозного киевского языческого некрополя IX—X вв., расположенного за валом древнейшего Киевского городища довлاديمировой поры¹.

Выше уже говорилось, что как валы и рвы городища, так и расположенный за ними языческий некрополь были уничтожены Владимиром Святославичем, значительно расширившим границы города. Над древним некрополем IX—X вв. в конце X — начале XI вв. вырос новый город, в центре которого была в 989 г. заложена Десятинная церковь.

На расстоянии 7 м к юго-западу от юго-западной стенки жилища I было открыто жилище II, близкое по типу к жилищу I, но в то же время отличавшееся от него некоторыми существенными чертами своего устройства (рис. 125). Сохранившаяся нижняя часть жилища II также представляла собой прямоугольное углубление, стенки которого удалось проследить на высоту 0,65—0,75 м от пола жилища. Вырубленные в плотном лессе стенки отчетливо выявлялись при зачистке, хотя они не были ни обмазаны глиной, как это практиковалось во многих известных нам киевских жилищах этого типа, ни обложены деревом, как это было в жилище I (рис. 139). Остатки обгорелых деревянных досок встречались, правда, и здесь, но в весьма небольшом количестве; видимо, это были обломки перекрытий или верхних наземных частей постройки. К числу последних, без сомнения, нужно отнести найденные обломки дерева с кусками глиняной обмазки.

В южном углу была обнаружена круглая яма с остатками вертикально стоящего в ней столба. Остатки второго столба в круглой яме сохранились также в центре жилища. Столб стоял вплотную к стенке печи. Трудно сказать, составлял ли этот столб часть конструкции перекрытия жилища или же он связан с каким-либо подсобным устройством па-

латей и т. п. Судя по диаметру столба и глубине ямы, не уступающим по размерам угловому столбу, более правдоподобным представляется первое решение.

Контур углубленной части жилища сохранился не полностью, хотя

Рис. 136. Погребение дружинника. Меч.

¹ М. К. Каргер, Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК, I, Л., 1939, стр. 9—10; Погребение киевского дружинника X в. КСИИМК, V, Л., 1940, стр. 79—82; К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., КСИИМК, VI, Л., 1940, стр. 61—66. См. также главу II настоящей книги.

план ее может быть восстановлен совершенно точно. Хорошо сохранилась лишь юго-восточная стенка жилища и почти полностью перпендикулярная к ней северо-восточная. Юго-западная стенка сохранилась лишь в южной своей половине, северная половина ее также, как и вся северо-западная стенка, разрушены поздними глубокими ямами XIX в.

Вся северо-западная часть жилища прорезана глубоким погребом XIX в. с хорошо сохранившимися тремя большими вертикальными столбами (см. план). Глубокая поздняя яма прорезала и северную половину юго-западной стенки, разрушив заднюю (юго-западную) стенку печи. Несмотря на эти поздние разрушения, отличная сохранность всех других частей жилища позволяет реконструировать его план почти полностью.

Уцелевшая северная часть северо-восточной стенки обрезана поздней ямой почти у самого угла (северного) жилища, как это удалось проследить по хорошо сохранившемуся в этом месте глинобитному полу, границы которого позволили установить с полной несомненностью первоначальную длину северо-восточной стенки. Хорошо сохранившаяся часть печи в западном углу жилища подтвердила это наблюдение.

Жилище II имело почти квадратный план (3,00×3,15 м) и ориентировано совершенно аналогично жилищу I; северо-западные стенки их расположены на одной прямой.

В западном углу жилища сохранилась большая глинобитная печь, круглая в плане, имевшая полусферическую форму. Печь была обращена устьем к северо-восточной стенке. Задняя юго-западная стенка печи, как уже сказано выше, срезана поздней ямой. Глубокий погреб, разрушивший северо-западную стенку жилища, послужил впоследствии причиной оползня и северо-западной половины печи, сильно накренившейся в сторону погребов, хотя и не обрушившейся туда целиком. Под ее полу-

Рис. 137. Погребение дружинника. Рукоять меча (деталь).

чил, кроме того, глубокий разрыв почти посередине. Значительно сползла вниз и накренилась северо-западная половина свода.

Несмотря на эти разрушения, первоначальную форму и конструкцию печи удалось восстановить почти полностью. Подобно многочисленным аналогичным печам, известным в ряде киевских построек XI—XIII вв., печь жилища II была сооружена на невысокой площадке невырубленного материкового лесса и представляла глинобитную конструкцию с деревянным каркасом, состоявшим из тонких выгнутых прутьев, который впоследствии выгорел, но прослеживался на внутренней поверхности свода печи в виде желобков-каналов, охватывавших всю внутреннюю поверхность печи. К сожалению, как и во всех подоб-

Рис. 138. Погребение дружинника. Стрелы из колчана и нож.

ных более ранних находках, обрушившаяся верхняя часть свода печи не позволила и в этом случае установить наличие или отсутствие дымохода.

Несмотря на оползень и разрывы, отлично сохранился сильно обожженный, совершенно гладкий под печи. Сразу же под его глиняной обмазкой обнаружена выкладка из обломков керамики. Все сохранившиеся там фрагменты представляют образцы типичной киевской посуды, сделанной на гончарном круге, с сильно отогнутыми венчиками, с характерным линейным и волнистым орнаментом. Многочисленные керамические находки на полу жилища почти не отличались по своим типам от этих фрагментов. Погребом, разрушившим северо-западную часть жилища, было сильно повреждено устье печи, вследствие чего устройство его проследить полностью не удалось.

Очень хорошо сохранился глиняный пол жилища, неоднократно (до четырех-пяти раз) наново подмазанный ровными слоями глины. Под

полом у печи была обнаружена большая яма (глубиной 0,50—0,60 м), заполненная углем, золой и отбросами пищи. Дно этой ямы также неоднократно подмазывали глиной. Ввиду разрушенности ее стенок, первоначальную форму ямы установить невозможно.

В отличие от жилища I, где не удалось обнаружить никаких признаков входа, в жилище II таковой хорошо прослеживался в виде спуска сверху до уровня пола в северной части северо-восточной стенки. Никаких ступеней не сохранилось. Необходимо отметить, что вход этот оказался сплошь заваленным обломками плоского, квадратного по форме кирпича древнейшего типа (X—XI вв.) и большими кусками шифера; тут же находились немногочисленные фрагменты фресок. Как и многие другие остатки древних строительных материалов на изучаемой территории, эти находки, не связанные с жизнью самого жилища, свидетельствуют о близости развалин древнего каменного сооружения домонгольского периода.

Пол жилища был усеян многочисленными предметами, несомненно, составлявшими инвентарь хозяев накануне катастрофы, послужившей причиной гибели не только жилища, но и их самих. Степень сохранности обнаруженного в жилище инвентаря различна. Общий характер находок не только не оставлял сомнений в их хронологической атрибуции, но благодаря своеобразности подбора всего комплекса позволяет высказать некоторые предположения о социальном облике владельца жилища. Основным датировущим материалом и здесь являются многочисленные керамические фрагменты и один целый глиняный горшок, украшенный орнаментом в виде запятых и имеющий клеймо на донце (рис. 129). Гончарные клейма на донцах встречены в жилище II и на ряде фрагментов (рис. 130). Среди многочисленных фрагментов керамики, наряду с типичной по формам и орнаментации (линейной, волнистой и запятообразной) кухонной посудой, найдено значительное количество обломков большого толстостенного сосуда и ряд обломков красноглиняных амфор. Общий характер керамических находок в жилище II совершенно тождественен составу находок жилища I.

Характерной особенностью инвентаря жилища II является обилие разнообразных железных изделий. Среди железных вещей, обнаруженных на полу жилища, многие предметы, к сожалению, ввиду их крайней разрушенности, явившейся результатом действия огня и коррозии, не поддаются определению. К числу их относятся изогнутая железная полоса, которая первоначально была ошибочно принята за обломок меча, и ряд других совершенно аморфных обломков. Однако несколько железных вещей сохранилось вполне удовлетворительно: две косы, серп, безмен, замок, дверная цепь, долото, сверло, несколько ножей, стрелы (рис. 140—141). Обилия этих разнообразных по назначению железных предметов, может быть, было бы еще и недостаточно для того, чтобы выдвигать мысль о хозяине-кузнеце, который их производил, но наряду с ними как в самом жилище, так и особенно за его северо-восточной стенкой (у входа) было обнаружено большое количество криц и шлаков.

Кроме железных вещей, в жилище найдены разнообразные предметы, часть которых может быть связана не столько с производством, сколько с собственными нуждами хозяина: бронзовые чашки весов, свинцовые и одно глиняное грузила, два каменных жернова и многочисленные кости животных и рыб.

Рис. 139. Жилище II. Общий вид.

Рис. 140. Жилище II. Железные изделия.

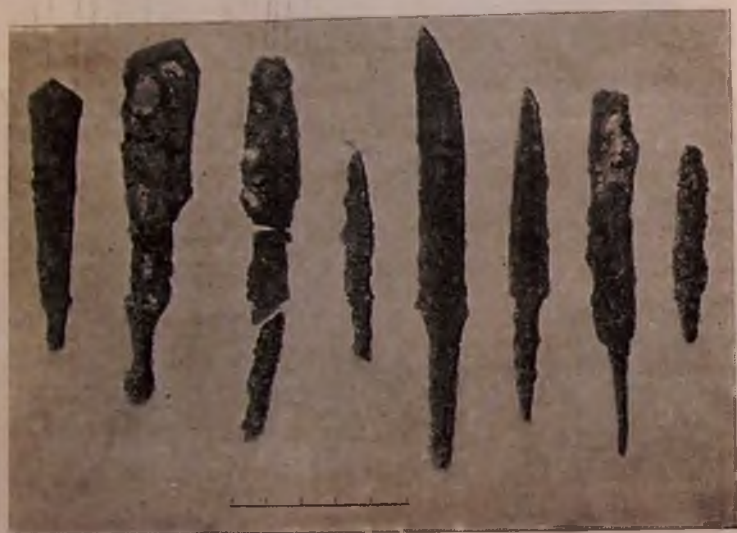

Рис. 141. Жилище II. Железные изделия.

Но наиболее замечательна неожиданная находка, сделанная при зачистке пода печи. Там лежали на боку два скелета прижавшихся друг к другу людей с поджатыми ногами (рис. 139). На шее у одного из них сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный. Эта необычайная находка раскрыла трагический характер гибели жилища II, с меньшей яркостью и очевидностью, чем беспорядочный завал костяков в разнообразных позах, обнаруженный в жилище I.

Оба жилища, гибель которых была результатом какого-то бедствия, сопровождавшегося пожаром, по своему характеру относятся к широко распространенному в Киевской земле типу полуземляночных построек с глинобитными стенами, возводившимися над вырезанным в материке прямоугольным углублением. Одно из жилищ было несколько больше по площади, чем второе, представляя сравнительно крупную постройку среди киевских жилищ, известных до сих пор.

В отличие от последних, это жилище имело не глиняную, как обычно, а кирпичную печь, хотя и повторявшую по форме типичную для этого времени глинобитную печь с полусферическим сводом. Жилища расположены в нескольких метрах одно от другого, причем планировка их безусловно связана между собой. Оба они находятся на одной прямой линии и одинаково ориентированы.

Не вызывает никаких сомнений датировка всего комплекса инвентаря, найденного в обоих жилищах. Все найденные в землянках вещи относятся к широко распространенным в XII—XIII вв. в Киеве и в других городах Киевской земли типам вещей, что позволяет в этих же пределах определить и дату обоих раскопанных жилищ.

Состав инвентаря и особенно обстоятельства гибели в гигантском пожаре, сопровождавшемся ожесточенным сражением, результатом которого были груды скелетов в развалинах первого жилища и костяки двух людей, спрятавшихся в печи второго жилища, — все это близко напоминает аналогичную картину катастрофы, постигшей город, которая со столь же убедительной яркостью наблюдалась на раскопанном в 1938 г. участке территории Михайловского Златоверхого монастыря и в раскопанном в 1939 г. замечательном тайнике под развалинами Десятинной церкви. Все эти три раскрытых за последние годы комплекса представляют, на наш взгляд, части единой трагической картины разгрома Киева татаро-монгольскими ордami в декабре 1240 г.

V. РАСКОПКИ РАЗВАЛИН ДВУХ ХРАМОВ НА КУДРЯВЦЕ (1947 г.)

Работы Киевской экспедиции 1947 г. были связаны с новым для археологии Киева участком города. За редкими исключениями, раскопки последних десятилетий производились на территории древнейшего, как еще недавно было принято думать, ядра Киева, то есть на месте так называемого „Владиминова города“, с редкими выходами за его границы в пределы „города Ярослава“.

Раскопки 1947 г. были развернуты за пределами не только города Владимира, но и за пределами крепостной стены Ярославова города. Наше внимание привлек район, носящий ныне новое название Кудрявец, где еще в конце XIX в. были сделаны неожиданные открытия, вызвавшие тогда живой интерес исследователей исторической топографии древнего Киева. Некоторые из них связывали этот район с древним Копыревым концом Киева, что, однако, вызывало неоднократные серьезные возражения и острые дискуссии. Район этот расположен в „верхнем городе“, к северу от Львовских ворот, за границами Ярославова вала.

Здесь еще в 1876 г. в усадьбе Л. Н. Кушнерева, расположенной на Вознесенском спуске, при земляных работах, на глубине около 2 арш. был найден клад, состоявший исключительно из серебряных монет, завернутых в полуистлевшую ткань с едва заметными следами вышивки. Из 120 монет клада достоянием науки стала лишь незначительная часть; остальные монеты были проданы или подарены владельцем усадьбы различным лицам. Все монеты оказались так называемыми „серебряниками Владимира“¹.

В конце 80-х годов прошлого века хищники-кладоискатели, разрывая курган, сохранившийся у обрыва горы над Подолом, в конце того же Вознесенского спуска, обнаружили развалины древнего храма, который после этого подвергся специальным археологическим раскопкам

¹ Н. Чернев, Заметки о древнейших русских монетах. СПб, 1888, стр. 67; Заметки о неизданных и редких монетах, Сборник снимков с предметов древностей, хранящихся в Киеве, вып. III—IV, Киев, 1891, стр. 8—9; Н. Беляшевский, Монетные клады Киевской губернии, Киев, 1889, стр. 34—38.

под руководством П. А. Лашкарева. Вскоре после этого на углу Вознесенского спуска и Кияновского переулка земляными работами при постройке дома в усадьбе Чеботаревской в 1887 г. были обнаружены новые развалины хорошо сохранившегося древнего храма, которые, однако, к большому сожалению, не подверглись тогда сколько-нибудь серьезному исследованию, хотя переписка об этом, сохранившаяся в архиве Археологической комиссии, составляет увесистое „дело“. Из этой переписки, а также из информационных заметок, печатавшихся в киевской прессе тех лет, удалось установить лишь, что открытые в усадьбе Чеботаревской развалины представляли остатки большого храма, несомненно, весьма древнего периода киевского зодчества. Судя по характеру кладки, описанному в одной из газетных заметок, эти развалины должно отнести ко времени не позже конца XI в.¹

Никаких попыток систематических археологических исследований в этом районе до наших дней не производилось.

Работы Киевской экспедиции 1947 г. были развернуты на Вознесенском спуске (ныне ул. Смирнова-Ласточкина), на двух самостоятельных участках, расположенных поблизости один от другого: в усадьбе Киевского художественного института (д. № 20) и в усадьбе у обрыва над Подолом. Работы экспедиции продолжались с 3 июля по 30 сентября 1947 г.²

1.

В сентябре 1878 г. двое киевских кладонскателей получили разрешение произвести поиски на горе Кудрявец, в усадьбе, принадлежавшей тогда митрополичьему дому. По всему пространству довольно обширной усадьбы, обратившей на себя внимание этих любителей легкой наживы, поверхность почвы содержала значительное количество древнего кирпичного и известкового щебня, местами представлявшего небольшие возвышенности, которые могли образоваться только в результате разрушения древних зданий в более или менее отдаленное время. Особое внимание кладонскателей привлек стоявший в конце огорода, на самой окраине выдающейся к Подолу горы, значительных размеров курган. С северной, восточной и южной сторон были ясно видны окружавшие его давние рвы. В пяти-шести саженях к западу и северо-западу начинался крутой обрыв ущелья, по которому идет Вознесенский (ранее Илларионовский) спуск, делающий в этом месте резкий поворот к Подолу. Курган был разрыт. Он состоял в основном из строительного щебня, под которым обнаружили остатки стен древнего здания. Обнаружив очертания постройки, кладонскатели продолжали углубляться в разных местах в поисках клада, подвергая древние развалины беспощадному разрушению.

¹ Попытку определить значение и характер этой постройки см. в моей статье „Развалины древнего храма на усадьбе Чеботаревской“ (в печати).

² В работах экспедиции под руководством автора принимали участие: аспиранты ИИМК АН СССР — П. А. Рапорт и Н. Дейнека; аспирант Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Всероссийской Академии художеств М. В. Малевская; студенты того же института — А. Крашенинников, А. Пономарев, М. Малченко, Л. Никифорова, Ю. Удалова, Е. Микульская, Ю. Михайлова; аспирант Ленинградского государственного ордена Ленина университета Н. Попова, студенты того же университета — Р. Левина, Т. Петрова, Р. Покровская, З. Абрамова.

Только после того, как по городу широко распространились слухи об открытии остатков храма, хищники вынуждены были прекратить поиски и частично засыпать свои ямы, которыми была изрыта площадь постройки. Когда на место „раскопок“ прибыли члены Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии во главе с П. А. Лашкаревым, раскопанный кладонскателями курган представлял ровную круглую площадь, имевшую в диаметре около 10 саж., с едва заметно выступавшими посередине остатками стен. Кладка стен и план их, а также характер строительного щебня, из которого в основном состояла насыпь кургана, не оставляли сомнений в том, что последний послужил, по словам П. Лашкарева, „могилой одной из древнейших церквей Киева“.

Во второй половине октября того же 1878 г. в целях подробного обследования открытой кладонскателями древней постройки, по поручению Церковно-археологического общества, П. Лашкаревым были произведены раскопки, впоследствии обстоятельно им описанные¹.

Приступая к раскопкам, исследователь, по его словам, имел сперва некоторые основания предполагать найти остатки стен, сохранившихся еще до значительной высоты. Уровень, на котором они обозначились в кургане, казался возвышающимся от полутора до двух сажень над площадью горы. В случае, если бы остатки стен оказались имеющими приблизительно ту же высоту, можно было бы надеяться найти на них более или менее значительные остатки фресковой живописи, о существовании которой свидетельствовали многочисленные обломки ее в засыпи кургана. Однако в этом отношении исследователя ждало некоторое разочарование. „Скоро мы должны были убедиться, — пишет он, — что если такие остатки орнаментов и были на стенах, пока курган был не тронут, то они успели исчезнуть под лопатами и ломами кладонскателей, изрывших внутренность церкви, особенно у ее стен. Все, что мы успели открыть при этом, ограничилось двумя-тремя незначительными кусками штукатурки, носившими следы самого незатейливого орнамента или в виде лент, окаймлявших исчезающие рисунки снизу, как в северном алтарном полукружии, или в виде двух такого же назначения цветных полосок, проведенных параллельно одна другой и соединенных между собой цветными зигзагами, или, наконец, в виде незначительных остатков рисунка, изображавшего, повидимому, растения“².

Самые стены храма оказались уцелевшими на высоту до полутора аршин. Поставив перед собой задачу „определения плана и размеров церкви“, а также „изыскания тех или иных данных для разъяснения ее первоначального сооружения и последующей судьбы“, исследователь, по его словам, очищал от щебня и мусора внутреннее пространство церкви, а отчасти (курсив мой — М. К.) и наружные стороны остатков ее здания“³.

Открытые этими раскопками развалины церкви представляли в плане несколько вытянутый прямоугольник с тремя полуциркульными апсидами с восточной стороны (рис. 142). В середине здания сохранились остатки

¹ П. Лашкарев, Развалины церкви св. Симеона и Копырев конец древнего Киева, Тр. КДА, 1879, январь, стр. 96—121; позже перепечатано автором в его книге „Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты“, Киев, 1898, стр. 160—187. Все дальнейшие ссылки сделаны на это издание.

² П. А. Лашкарев, Ук. соч., стр. 167.

³ Там же, стр. 165.

четырех древних подкупольных столбов. По словам П. Лашкарева, фундамент храма был заложен на глубину не более полуаршина, на слое битого и залитого известью кирпича, причем не в материке, а в наносной почве, перемешанной с остатками угля и пр.¹ Как фундамент, так и остатки стен и столбов были сложены из кирпича на растворе

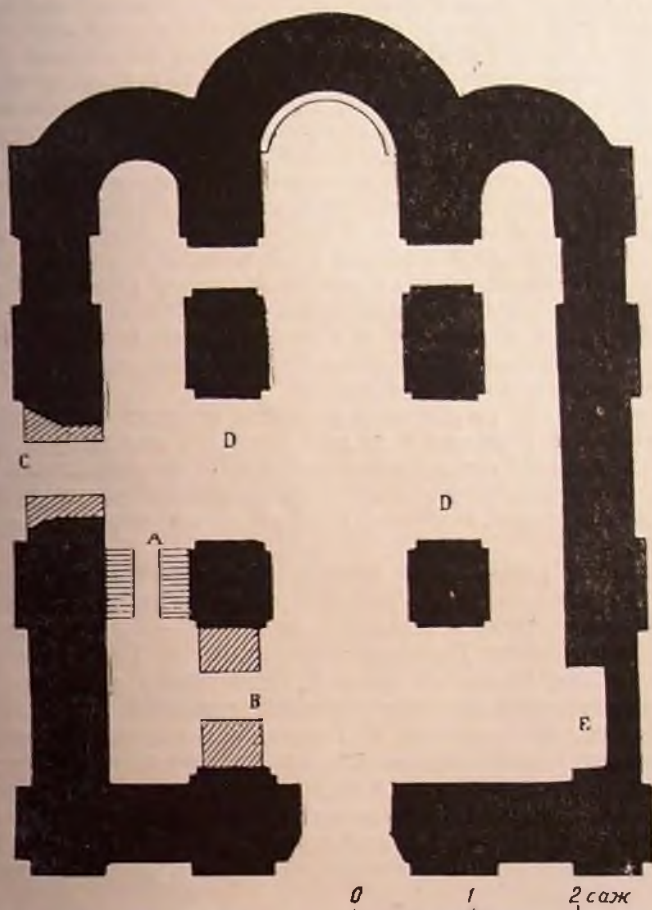

Рис. 142. План церкви на Вознесенском спуске (по раскопкам П. Лашкарева).

извести с примесью толченого кирпича. Размер кирпича — $7 \times 5 \times 1$ верш. От этой кладки сильно отличалась кладка простенков, соединявших северо-западный столб с северной и западной стенами. Первый из этих простенков сложен из того же, что и основные стены здания, кирпича, но на обыкновенном известковом растворе; второй простенок, между северо-западным столбом и западной стеной, был сложен также на

¹ П. А. Лашкарев, Ук. соч., стр. 165—166.

обыкновенном известковом растворе (без примеси толченого кирпича), и к тому же из кирпича совсем иной формы, резко отличающегося своими размерами ($6 \times 2\frac{2}{3} \times 1\frac{1}{2}$ верш.) и, кроме того, имевшего любопытную особенность: одна из широких его плоскостей была покрыта продольными желобчатыми полосами, образовавшимися при обработке сырца пальцами. Оба эти простенка послужили для исследователя доказательством того, что раскопанный им храм подвергался исправлениям в значительно более поздний период. Исправления эти, по мнению П. Лашкарева, не ограничивались добавлением упомянутых простенков. В массе щебня, из которого состоял курган, кирпич указанной формы встречался, по словам исследователя, „в таком огромном количестве, которое далеко не мог дать один небольшой простенок“¹.

Значительный интерес представляют наблюдения исследователя, сделанные при раскопках пола храма, который состоял из квадратных плиток разноцветной ценины (разм. $3\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ верш.), уложенных на обыкновенной известковой подмазке в шахматном порядке. Местами он был выложен исключительно из обломков плиток различной величины и формы. Под уровнем сохранившегося пола обнаружили два ясно различимых пласта, состоявшие из мелкого щебня, золы и угля, причем нижний из них, по мнению исследователя, лежал на предполагаемом горизонте первоначального пола храма.

Не встретив под сохранившимся полом никаких остатков другого, более древнего, и установив в то же время, что пол набран, очевидно, из плиток прежде существовавшего пола, исследователь пришел к выводу, что найденные им остатки представляют части древнейшего пола, но впоследствии поднятые гораздо выше первоначального его горизонта².

Сопоставляя раскопанную церковь с сохранившимися древними киевскими постройками, П. А. Лашкарев связывал ее по характеру плана с небольшими четырехстолпными церквами — Трехсвятительской, Успенской на Подоле, Лаврской надвратной и Предтеченской при Успенском соборе Печерской лавры³. Необходимо отметить, что памятники, привлеченные для сопоставлений, слишком разнохарактерны. Церковь Успения на Подоле П. А. Лашкарев ошибочно относил к типу четырехстолпных храмов: церковь эта была в древности шестистолпной; западная пара ее столбов разрушена в позднее время. Надвратная церковь Печерской лавры — это памятник, план которого вызван специфическими особенностями надвратного здания. Церковь Иоанна Предтечи не являлась самостоятельной постройкой, будучи лишь приделом при Успенском соборе.

Только Трехсвятительская церковь действительно представляла довольно близкую аналогию раскопанного храма. Сам исследователь подчеркивал, что по размерам употребленного в кладку кирпича раскопанный им храм ближе других подходит к Трехсвятительской церкви⁴.

Однако это правильное заключение не привело П. А. Лашкарева к датировке раскопанного храма XII веком. Вопрос о дате исследова-

¹ П. А. Лашкарев, Ук. соч., стр. 166—167.

² Там же, стр. 168.

³ Там же, стр. 170—171.

⁴ Там же, стр. 171.

тель целиком подчинил вопросу о названии храма. Отвергая разноречивые попытки различных исследователей древнего Киева, пытавшихся локализовать Копырев конец и находившийся в нем монастырь Симеона то на Андреевской горе, то в нынешней плоской части Киево-Подолы, то в промежутке гор Щекавицы и Киселевки, где Глубочица соединяется с Кожемяцким ущельем, П. А. Лашкарев, на основании анализа летописных упоминаний о монастыре Симеона в Копыревом конце, доказывал, что Копырев конец располагался в нагорной части Киева за Львовскими воротами, в местности, носившей тогда нестарое название Кудрявец. Раскопанные на обрыве горы, высящейся над Подолом, развалины храма П. А. Лашкарев и считал остатками церкви Симеона в Копыревом конце¹.

О постройке этого храма и монастыря прямых летописных известий нет, но из летописного рассказа, повествующего под 1147 г. о смерти князя Игоря Ольговича, убитого восставшими киевлянами, можно узнать, кто был основателем монастыря. Летописец сообщает о том, что тело убитого князя, брошенное на торговище, было по повелению тысяцкого положено в церкви св. Михаила (на Подоле). Позже митрополит послал на Подол игумена Федоровского монастыря Онанью, который, прибыв в церковь Михаила, „виде нагого и облече и, и отпе над ним обычныя песни везе на конец града, в монастырь святому Симеону, бе бо монастырь отца его и деда Святослава, тамо положиша“².

Судя по этому известию, строительство Симеоновского монастыря связывалось с деятельностью Святослава Ярославича, не хотевшего, очевидно, отставать от своих братьев Изяслава и Всеволода, выстроивших свои фамильные („вотчи“) монастыри: Изяслав в честь своего патрона — Дмитриевский, а Всеволод — Михайловский Выдубицкий.

Не поднимая в настоящей работе вопроса о локализации Копырева конца, решенного П. А. Лашкаревым, на мой взгляд, в основном правильно, невозможно, однако, согласиться с его мнением о принадлежности раскопанных развалин к зданию церкви Симеона, выстроенной Святославом Ярославичем.

2.

Слишком схематичный характер опубликованного П. А. Лашкаревым плана возбуждал серьезные сомнения в правильности многих описанных им деталей. Кроме того, полное отсутствие каких-либо фотографий, зарисовок или обмеров кладки здания, недостаточность данных о культурной стратиграфии участка и, наконец, отмеченная самим исследователем неполнота раскопок, охвативших в основном лишь внутренние очертания здания — все это, учитывая большое значение открытого раскопками в 70-х годах памятника как для истории киевского зодчества домонгольского периода, так и для решения важнейших проблем древней топографии Киева, побудило нас включить развалины раскопанного П. А. Лашкаревым храма в план новых повторных раскопок.

Киевской археологической экспедиции не раз приходилось заниматься раскопками памятников, которые ранее уже являлись объектами археологических изысканий, но вследствие недостаточной методической подготовленности исследователей или вследствие вынужденной ограни-

¹ П. А. Лашкарев, стр. 174—187.

² Ипатьевская летопись, 1147 г.

ченности их задач нуждались в повторных или дополнительных исследованиях.

Постановка подобных задач может вознаградить исследователя новыми неожиданными открытиями — об этом свидетельствуют итоги наших повторных исследований развалин Десятинной церкви, уже дважды до этого подвергавшихся раскопкам (Лохвицким в 1824 г. и Ефимовым в 1826 г.), повторные раскопки восточной части Выдубицкого собора, раскопанной в 1916 г. В. П. Песчанским и А. Д. Эртелем, повторные раскопки вскрытых К. Лохвицким развалин на Иорданском ручье и пр. Необходимость повторных раскопок развалин некоторых киевских дворцов, древних храмов и крепостных сооружений, открытых в XIX — начале XX вв., совершенно очевидна каждому, кто знаком с методикой археологических работ и характером документации в работах Лохвицкого, Турчаниновой, Ставровского и даже В. В. Хвойко, очнь много сделавшего для изучения древнего Киева.

Месторасположение развалин вскрытого П. А. Лашкаревым храма было основательно забыто. За семьдесят лет, отделяющих нас от раскопок 70-х годов, облик района, о котором идет речь, весьма существенно изменился. На месте митрополичьего огорода выросло во второй половине XIX в. большое трехэтажное здание семинарии (ныне Киевский художественный институт). Ниже, у обрыва горы над Подолом, также выстроено несколько кирпичных и деревянных построек. Изменился и профиль древнего спуска на Подол, сохранившего, однако, свое старое направление (Илларионовский, позже Вознесенский спуск, ныне ул. Смирнова).

Место раскопанного в 70-х годах храма некоторые киевские археологи связывали с находящимся на усадьбе Киевского художественного института небольшим бугром, под дерновым покровом которого действительно лежит сплошной завал древнего строительного щебня. Однако обстоятельное описание топографического расположения развалин, сделанное П. А. Лашкаревым, не позволяло считать бугор в саду Художественного института остатком „кургана“, раскопанного в 1878 г. Раскопки этого бугра, проведенные Киевской экспедицией в 1947 г., увенчались открытием развалин нового трехнефного шестистолпного храма второй половины XI в. (см. ниже).

Пользуясь описанием П. А. Лашкарева, место его раскопок удалось обнаружить без особых трудностей. На развалинах храма стояла до войны деревянная постройка служебного характера, сожженная дотла во время немецкой оккупации Киева. Водопроводная магистраль, подведенная к этой постройке, частично разрушила южную стену и юго-западный столб храма, развалины которого, несмотря на значительную нивелировку местности для постройки здания, все же несколько возвышались над уровнем окружающей поверхности горы, что и позволило обнаружить их в первом же разведочном шурфе, заложенном по линии север—юг. В дальнейшем план раскопок в основном был подчинен задаче полного вскрытия развалин храма и частично примыкающей к нему площади на запад и север от западной и северной стен здания. Ряд обстоятельств, к сожалению, не позволил в 1947 г. провести намеченные раскопки широкой площадью к западу от храма.

Развалины, вскрытые раскопками 1947 г., находились в значительно худшем состоянии по сравнению с тем, какое описано П. А. Лаш-

каревым. Стены храма, высота которых в 1878 г. достигала полутора арш. (т. е. около 1 м), к 1947 г. сохранились в среднем лишь на высоту около 0,5 м. Значительно более разрушенными были подкупольные столбы храма. Какими-то земляными работами почти полностью была уничтожена центральная апсида вместе с фундаментом. Тщательными наблюдениями в процессе раскопок удалось проследить лишь незначительные остатки ее внутренней линии.

В очень редких случаях удавалось проследить *in situ* поливные плитки пола и еще реже — фрагменты фресковой росписи на стенах здания.

Кирпичная кладка стен также отличалась крайне плохой сохранностью. Кирпич в большей части настолько отсырел и раскис, что легко резался ножом или лопатой. Расчистка поверхности стен снаружи и внутри требовала чрезвычайной осторожности, ибо плотно слежавшуюся раскисшую массу кирпичного щебня иногда с трудом можно было отличить от кирпичной кладки.

Раскрытые полностью в течение августа 1947 г. развалины храма по ряду особенностей были столь неожиданными, что в процессе работы порой даже возникало сомнение в тождестве этих развалин храма с храмом, вскрытым в 1878 г. Однако это сомнение нужно полностью отбросить.

Неожиданным оказался прежде всего план храма (рис. 143). Представляя в плане прямоугольное, несколько вытянутое по оси восток—запад здание с четырьмя крестчатыми столбами в середине¹, раскопанный нами храм оказался снаружи не трехапсидным, как это показано на чертеже П. А. Лашкарева, а одноапсидным. Лишь одна средняя апсида храма представляла выдвинутый на восток полуциркульный выступ. Обе боковые апсиды, имея полуциркульную форму внутри здания, снаружи были прямоугольными, представляя как бы выемку в толще восточной стены храма (рис. 144). Эта необычная для киевского зодчества особенность плана сочетается со столь же необычной декорировкой фасадов, также оставшейся незамеченной во время раскопок 1878 г. На всех фасадах храма отлично сохранились лопатки сложного профиля, представляющие как бы приставленную к обычной лопатке широкую и несколько плоскую полуколонну, к которой в свою очередь приставлена тонкая полуколонка (рис. 145). Получающиеся в результате так называемые „лучковые пилястры“ образуют, особенно на углах здания (рис. 146), многократно повторенные вертикальные линии, придавая фасадам здания чрезвычайную пластичность и подчеркнутую вертикальность основных членений.

Четыре лопатки западной стены (рис. 147—148) и четыре лопатки северной стены сохранились полностью; почти совершенно разрушенной оказалась лопатка на юго-восточном углу и частично разбита при укладке водопроводной магистрали лопатка южной стены, против юго-западного столба храма. Так как открытие стен с наружной стороны требовало, по словам Лашкарева, издержек и времени, превышавших те средства и время, которыми он располагал, исследователь ограничился „очисткой наружной северной стены“, где он обнаружил следы дверей². Приходится думать, что „очистка наружной северной стены“ ограничилась раскопкой возле самых дверей, то есть лишь средней части

¹ Длина постройки — 13,60 м (без апсиды); апсида выступает на 1,50 м; ширина постройки — 11,20 м.

² П. А. Лашкарев, Ук. соч., стр. 168.

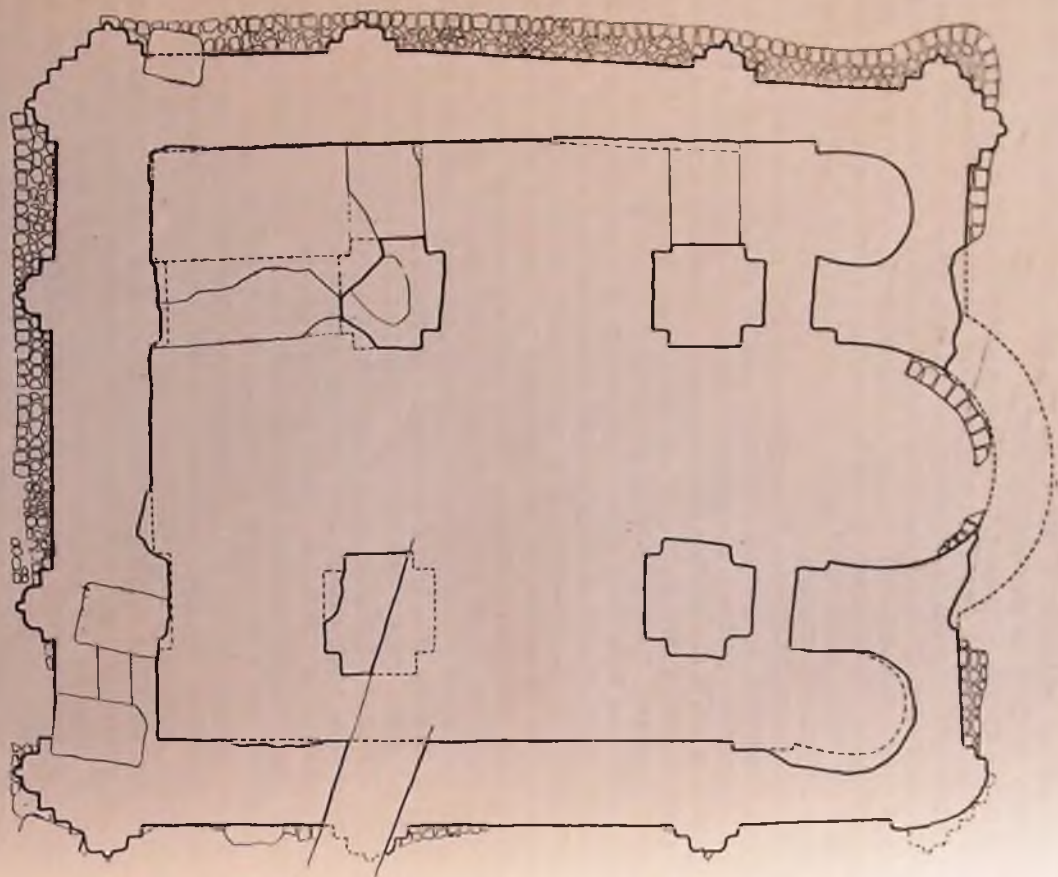

Рис. 143. План церкви на Вознесенском спуске (по раскопкам 1947 г.).

Рис. 144. Развалины церкви на Вознесенском спуске (северо-восточный угол).

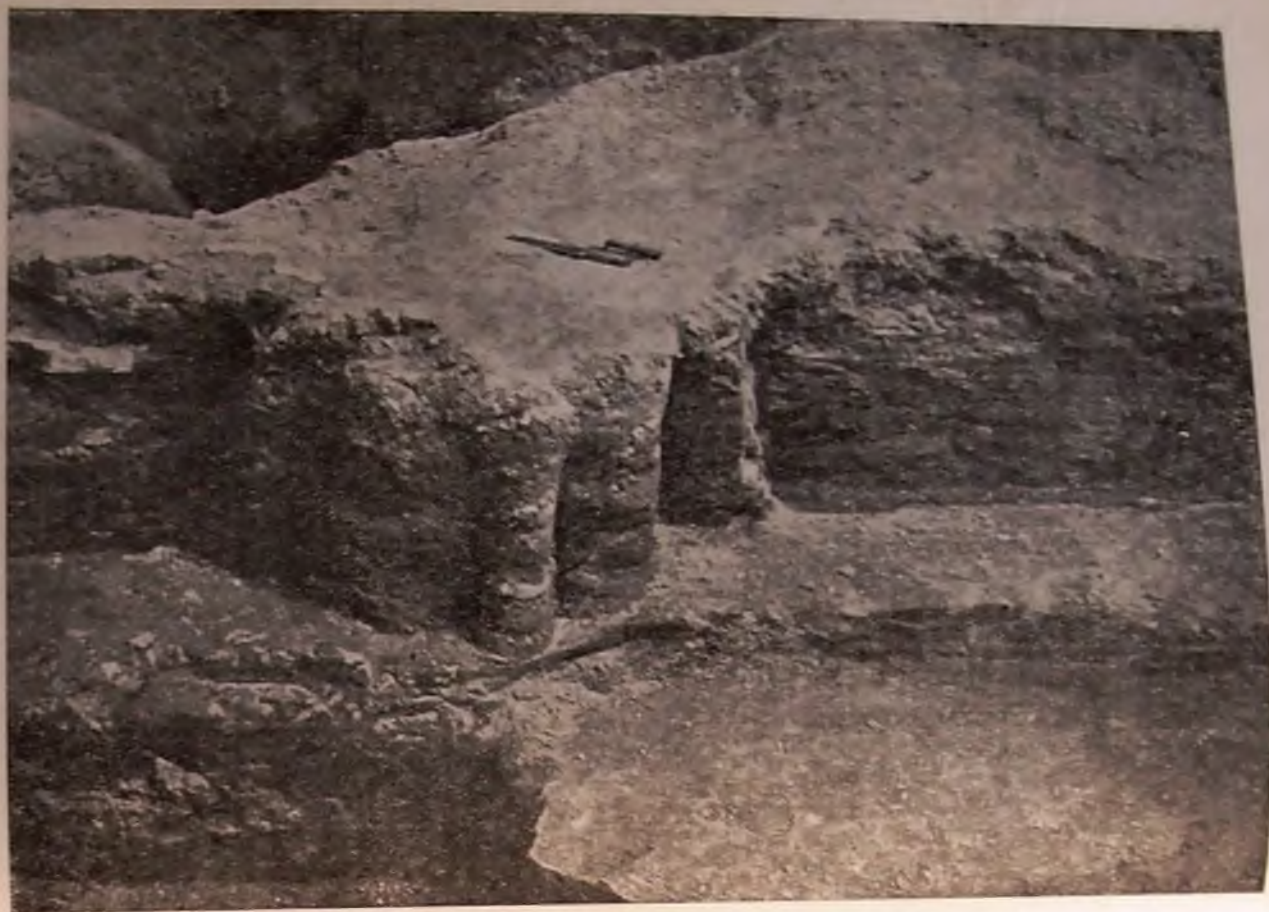

Рис. 145. Развалины церкви на Вознесенском спуске. Пилестра.

среднего членения стены. В противном случае исследователь не мог бы не заметить столь исключительных по своей форме лопаток, которые как на северной, так и на западной стене сохранились отлично.

Необходимо сделать еще несколько замечаний о плане храма. Как видно из сравнения плана П. А. Лашкарева с публикуемым здесь (рис. 149), основные пропорции здания план 1878 г. передает весьма неточно. Важнейшие ошибки плана 1878 г. состоят в следующем: подкупольный квадрат сильно уменьшен по сравнению с его подлинной площадью; сильно искажена форма восточных столбов, показанных на плане вытянутыми по оси восток — запад, чего на самом деле нет; все четыре столба в действительности имеют в плане более сильно выраженную крещатость; толщина стен показана преувеличенной; неверно передана площадь западных членений храма, которая по плану Лашкарева превышает соответствующие членения средней части храма, хотя в действительности подкупольный квадрат и средние членения боковых нефов, наоборот, значительно больше по площади, чем соответствующие западные членения; неверно передано соотношение среднего и боковых нефов.

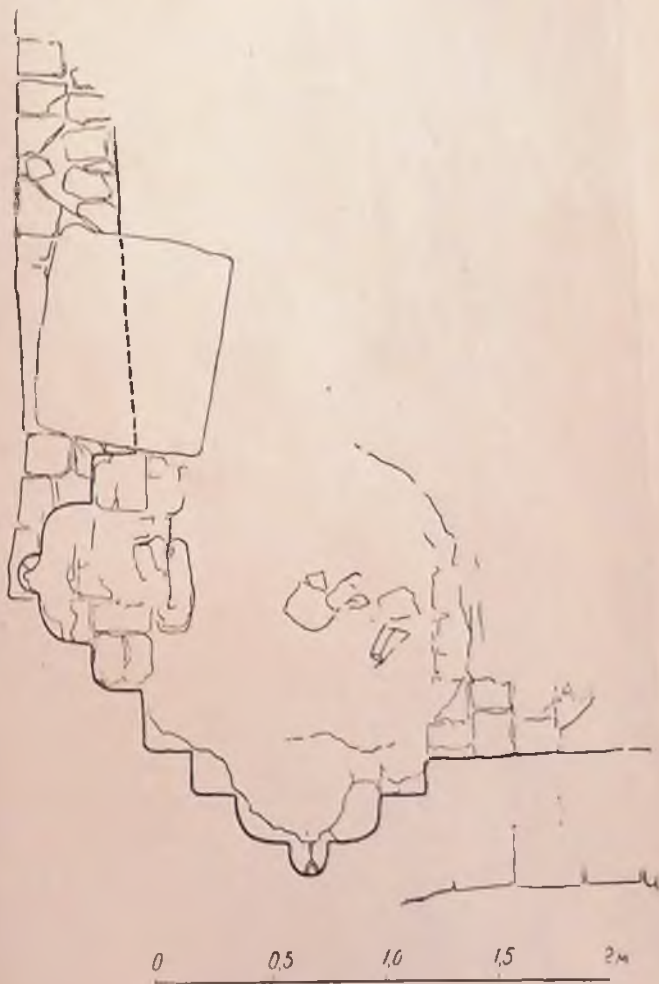

Рис. 146. Развалины церкви на Вознесенском спуске. План угловой пилястры.

Все перечисленные неточности, появившиеся, очевидно, в результате не только схематичности, но и явной небрежности обмеров раскопанного памятника, наряду с недонеслованностью наружных частей здания, привели к искажению основных элементов плана и упрощению декоративных особенностей его фасадных членений. План, опубликованный

Рис. 147. Развалины церкви на Вознесенском спуске. Западный фасад.

Рис. 148. Развалины церкви на Вознесенском спуске. Западный фасад.

П. А. Лашкаревым, многократно переиздававшийся в различных общих обзорах истории русского зодчества, давал весьма искаженное представление о характере памятника и не позволял определить действительное место его в истории киевского зодчества домонгольского периода.

Наблюдения по вопросам строительной техники, сделанные в процессе раскопок и изучения памятника, позволили значительно уточнить его дату. Все стены и столбы храма сложены из плоского кирпича сравнительно небольшого размера ($0,28 \times 0,20 \times 0,045$ м) на растворе извести с примесью толченого кирпича. Техника кладки стен относится к хорошо известному типу киевской кладки, которая характерна для памятников середины XII — начала XIII вв. Эта техника, в отличие от предшествующих разновидностей, характерных для X — конца XI вв., представляет равнослойную кладку, без применения камня и без чередования рядов кирпича, лежащих в плоскости фасада, с рядами кирпича, утопленными в кладке.

Как размер и форма кирпича, так и самая система кладки не оставляют ни малейших сомнений в том, что храм на Вознесенском спуске относится к последнему периоду зодчества Киевской Руси. Таким образом, судя по техническим особенностям, постройка храма может быть отнесена ко времени не ранее середины или второй половины XII в.

Своеобразные особенности были обнаружены при исследовании фундаментов стен и столбов храма. В здании нет ленточных фундаментов, характерных для более ранних периодов киевского зодчества. Фундаменты стен и столбов заложены в культурном слое на весьма небольшую глубину ($0,30—0,35$ м) и представляют четыре или пять рядов кирпичной кладки, однако не на растворе извести, как обычно, а на чистой зеленой глине. Утверждение П. А. Лашкарева, что фундамент заложен на слое битого и залитого известью кирпича¹, не подтвердилось. Любопытно, что вокруг всей внешней линии стен сделана кирпичная вымостка в два-три ряда кирпича, служившая, повидимому, для предохранения фундамента от проникновения влаги с поверхности земли (см. план).

Исследование плохо сохранившихся остатков простенков, соединявших северо-западный столб с северной и западной стенами, подтвердило наблюдение П. А. Лашкарева о более позднем происхождении этих частей здания, появившихся, очевидно, в результате реставраций и переделок. Незначительные остатки аналогичной кладки были обнаружены нами также между северо-восточным столбом и северной стеной.

Никаких следов дверных проемов на западном и северном фасадах здания обнаружить не удалось. Повидимому, описанные П. А. Лашкаревым западный и северный входы находились выше уровня сохранившейся ныне кладки этих фасадов. Не была обнаружена и ниша в западной части южной стены, которую Лашкарев считал аркосолием для установки гробницы строителя храма.

В процессе раскопок были собраны многочисленные фрагменты поливных половых плиток различных цветов, фрагменты фресковой росписи, обломки шиферных плит, куски свинцовых листов с кровли здания и другие образцы строительных материалов.

Необычный для киевского зодчества план храма на Вознесенском спуске с прямоугольными снаружи боковыми апсидами, сочетающийся

¹ П. А. Лашкарев, Ук. соч., стр. 165.

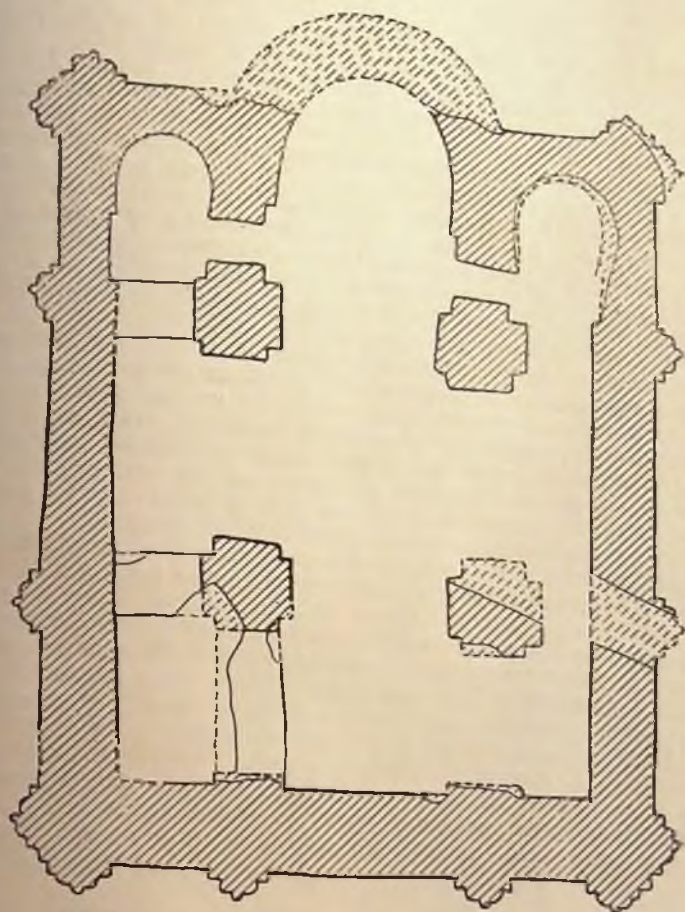

Рис. 149. План церкви на Вознесенском спуске.

с своеобразным приемом декорировки фасадов — „пучковыми пилястрами“, невольно вызывает в памяти архитектурные памятники Смоленска.

Пучковые пилястры, являющиеся выразительной особенностью декоративного оформления фасадов раскопанного нами храма, были весьма распространенной и характерной чертой смоленского зодчества XII в. Они известны на фасадах княжеской церкви Михаила-архангела в Свирской слободе, выстроенной около 1194 г. князем Давидом Ростиславичем¹, на фасаде развалин храма XII в. на р. Рачевке², на фасаде развалин церкви того же времени на Воскресенском холме³. Под прямым воздействием смоленских оригиналов эта декоративная особенность проникла однажды в Новгород, где зодчий церкви Параскевы-Пятницы на Торгу и в отношении плана и в отношении оформления фасадов явно копировал смоленский храм Михаила⁴. Повидимому, под воздействием смоленских оригиналов пучковые пилястры характерных для Смоленска профилей появились в церкви Бориса и Глеба в Гродно⁵ и в выстроенной киевским князем Рюриком Ростиславичем, братом Давида Ростиславича (строителя Смоленской церкви Михаила) церкви Василия в Овруче⁶.

Применение прямоугольных снаружи и полуциркульных внутри боковых апсид является характерной особенностью не только смоленской, но и соседней полоцкой архитектурной школы, в чем некоторые исследователи усматривали проявление близости этих школ между собой⁷. Сочетание характерного для смоленской школы приема декоративного оформления фасадов с смоленской же особенностью плана здания позволяет видеть в храме на Вознесенском спуске результат прямого воздействия смоленских архитектурных традиций.

Неожиданный и исключительный для киевского зодчества облик храма на Вознесенском спуске может быть понят только в обстановке последнего периода истории Киева, накануне монгольского завоевания. Уже с середины XII в. Киев постепенно утрачивал значение общерусской столицы. Для политической и культурной истории Руси во второй половине XII в. характерно бурно растущее значение ряда крупнейших городов — удельных столиц, оттесняющих древнюю столицу Руси на второй план. Некогда законодатель в области культуры и искусства, Киев в течение XII в. постепенно теряет эту роль. Киевское зодчество, имевшее в XI — начале XII вв. такое большое значение для формирования всех без исключения локальных школ, во второй половине XII в. уступает свое передовое место галицкому на юго-западе, владимиро-

¹ М. Шчакаціхін, Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва, т. I, Менск, 1928, табл. 17.

² И. М. Хозеров, Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска, КСИИМК, XI, 1945, стр. 22—23, рис. 20.

³ Там же, стр. 22; Ср. И. М. Хозеров, Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска, Siminarium Kondakovianum, II, Прага, 1928, стр. 355—356, рис. 2.

⁴ М. К. Каргер, Новгород Великий, М., 1946, стр. 47.

⁵ J. Jodkowski, Swijatynia warowna na Kolozy w Grodnie, Grodno, 1936, рис. на стр. 16.

⁶ Січинський, Архітектура старокнязівської доби, Прага, 1926.

⁷ М. Шчакаціхін, Ук. соч., стр. 98; Н. Брунов, Беларуская архітектура XI—XII ст. Зборнік артыкулаў, Менск, 1928, стр. 292—293.

суздальскому на северо-востоке, новгородскому и смоленскому на северо-западе.

Недостаточность наших знаний о киевском зодчестве конца XII — начала XIII вв. до сих пор не позволяла ставить вопрос об обратном влиянии окончательно созревших в это время локальных школ на киевскую архитектуру конца XII — начала XIII вв. Раскопанный на Вознесенском спуске в 1947 г. храм дает возможность сделать первую попытку в этом направлении.

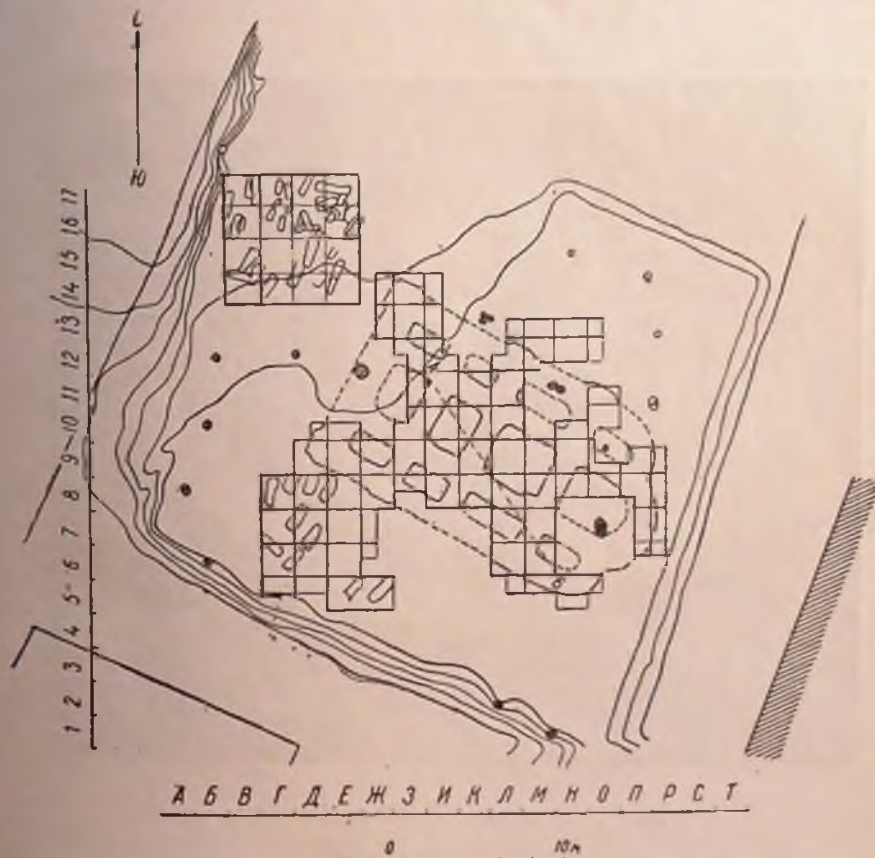

Рис. 150. Генплан раскопок в усадьбе Художественного института.

3.

Небольшой холм, расположенный в усадьбе Киевского художественного института, уже давно привлекал наше внимание. Этот холм, или, точнее, земляной бугор, расположен к югу от главного институтского здания. Бугор ограничен с северной стороны искусственно пониженной площадкой перед зданием, с южной — также значительно пониженной площадкой двора усадьбы № 18 по Вознесенскому спуску, с запада — трассой Вознесенского спуска и с востока — проездом перед зданием мастерских института. Все четыре стороны бугра созданы искусственным срезом земли, отчего он имеет почти прямоугольную форму и воз-

вышается на 1,5—2,5 м над примыкающими участками. В северо-восточной части (к зданию института) его поверхность несколько опускается, образуя незначительно пониженную террасу, сплошь занятую огородами и потому раскопкам не подвергавшуюся. Последние были проведены лишь в южной половине бугра (см. генеральный план раскопок, рис. 150). Весь бугор покрыт редко расположенными старыми деревьями, которые необходимо было сохранить, что вынуждало отказываться от раскопок отдельных, к счастью, сравнительно незначительных частей изучаемого здания. Несмотря на то, что площадь всего участка

Рис. 151. Погребение XI—XII вв. Инвентарь.

была покрыта дерном, на поверхности и особенно в обрезах крутых склонов бугра встречались в незначительном количестве обломки древних кирпичей, куски известкового раствора с цемянкой, обломки шиферных плит и другие строительные остатки от постройки домонгольского периода.

Уже в первые дни раскопок выяснилось, что на всей площади южной половины бугра, непосредственно под дерном, лежит слой земли, насыщенный различными строительными остатками: обломками плоского кирпича, шифера, известкового раствора с примесью толченого кирпича. На глубине около 0,2 м в восточной и особенно в юго-восточной части раскопа слой этот состоял почти исключительно из строительных остатков и приобрел от обилия цемянки розоватый оттенок. Найдено значительное количество фрагментов фресок. Строительные остатки встречались и в северо-западном раскопе, заложенном у самого обреза бугра над тротуаром Вознесенского спуска, но в значительно меньшем

количестве. На этом раскопе строительные остатки лежали лишь до уровня древнего горизонта, ниже которого обнаружены густо расположенные грунтовые могилы древнего христианского кладбища с очень бедным в количественном отношении погребальным инвентарем. Все погребенные были ориентированы головой на запад и лежали в деревянных плохо сохранившихся гробах. Нередко захоронения перерезали одно другое, что свидетельствует о длительности существования кладбища.

По инвентарю заслуживает внимания детское погребение с хорошо сохранившимся ожерельем из белых хрустальных и цветных стеклянных бус и оловянным крестиком (рис. 151).

В несколько меньшем количестве захоронения аналогичного типа, перекрытые сверху развалом строительных остатков древней, домонгольского времени, постройки, были обнаружены и на юго-западном участке раскопок (рис. 150).

Но наиболее интересные результаты дали работы, широко развернувшиеся в юго-восточной части бугра и сомкнувшиеся впоследствии с юго-западным участком. На всей площади этого основного участка раскопок лежал мощный слой завала строительных остатков, достигавший здесь 1,5—2 м. Строительный щебень местами лежал глубже древнего горизонта, где, как позволило установить тщательное изучение сложной стратиграфии этого участка, в плотном материковом лессе хорошо прослеживаются четыре параллельных друг другу рва от фундаментов, бутовая кладка которых оказалась почти полностью выбранной. Рвы расположены по оси северо-запад — юго-восток, причем промежутки между двумя крайними парами рвов равны между собой, а промежуток между внутренней парой рвов почти вдвое шире. Эти четыре продольные рва пересекались четырьмя поперечными рвами (рис. 152—153), причем два промежутка между тремя северо-западными рвами были почти равны между собой, а промежуток между парой юго-восточных рвов был несколько шире. В юго-восточной части продольные рвы соединялись друг с другом: средняя пара — полуциркулярным рвом, боковые пары — рвом в четверть окружности (рис. 154). Рвы имели ширину около 1,5 м при глубине от уровня древней дневной поверхности 0,60—0,70 м (рис. 155). Их отвесные стенки, вырубленные в плотном лессе, отлично сохранились почти на всю глубину, особенно же в нижней части. Рвы были заполнены засыпью, состоявшей в основном из строительного щебня, кусков кирпича, обломков известкового раствора с цемянкой, фрагментов фресок и пр. Попадались также, но в значительно меньшем количестве, куски бутового камня с остатками раствора. Весьма многочисленны обломки красноглиняной амфорной керамики с остатками раствора. Несмотря на то, что наличие деревьев не позволило подвергнуть раскопкам всю площадь целиком и отдельные части рвов остались ввиду этого не вскрытыми (рис. 156, где не вскрытые части рвов показаны пунктирными линиями), план фундаментов здания удалось понять полностью. Судя по сохранившимся рвам ленточного фундамента, разрушенное здание представляло небольшой трехнефный шестистолпный храм с тремя апсидами. Тщательное исследование юго-западного и северо-западного углов здания не оставляет сомнений в том, что храм не имел башни для входа на хоры. К тому же фундамент западной стены по ширине несколько превышает фундамент северной и южной стен, что может свидетельствовать о существовании лестницы в толще западной стены

Рис. 152. Развалины храма в усадьбе Художественного института.
Фундаментные рвы.

Рис. 153. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Фундаментные рвы.

Рис. 154. Развалины храма в усадьбе Художественного института.
Фундаментные рвы.

храма. В соответствии с композицией плана шестистолпного трехнефного храма с подкупольным квадратом, несколько сдвинутым к востоку, фасады здания членились лопатками, которые частично удалось проследить по фундаментным рвам (рис. 156), северный и южный фасады — на четыре неравные части, западный фасад — на три.

Охарактеризованные особенности плана раскопанного храма могут быть дополнены рядом других весьма существенных наблюдений, сде-

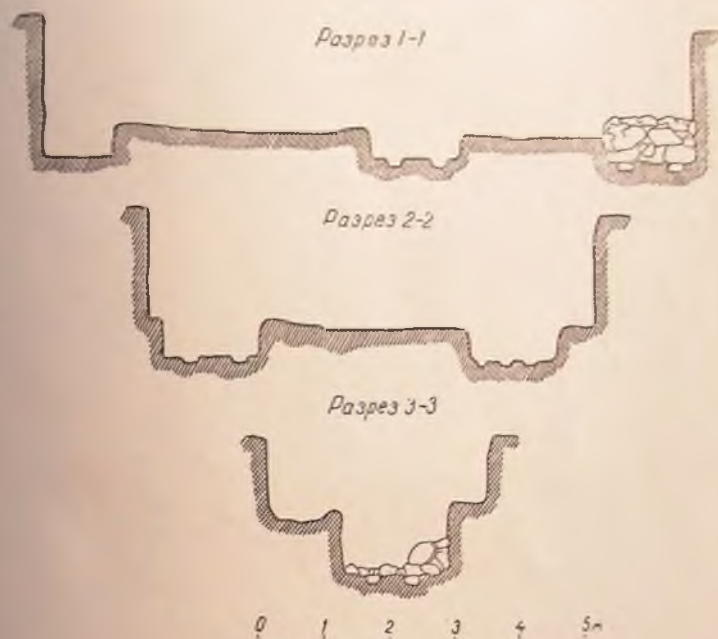

Рис. 155. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Разрез фундаментных рвов.

ланных в процессе раскопок, позволивших подойти к решению вопроса о дате памятника. Прежде всего необходимо отметить, что на дне рвов в двух местах сохранилась *in situ* бутовая кладка фундамента здания (рис. 157—158). Она состоит из огромных валунов, скрепленных известковым раствором с примесью цемента. Раствор отличного качества. На дне всех вскрытых раскопками рвов были установлены остатки — иногда только следы — деревянных субструкций, на которых покоилась бутовая кладка фундаментов. Субструкции эти состояли из деревянных лежней, уложенных вдоль всех фундаментных рвов. Исследование деревянных субструкций, в большей части давно уже сгнивших, представляло значительную трудность. Лишь в очень редких случаях от лежней сохранились хорошо видимые коричневые полосы с остатками истлевшего дерева. Хорошо прослеживался разрез лежней в нижней части каменных кладок фундамента (рис. 158). В основном, однако, расположение лежней про-

слеживалось по трассам более рыхлого грунта на месте сгнившего дерева. В результате выемки этого более рыхлого заполнения на дне рвов расчищались тонкие прямые каналы, расположенные в продольных рвах

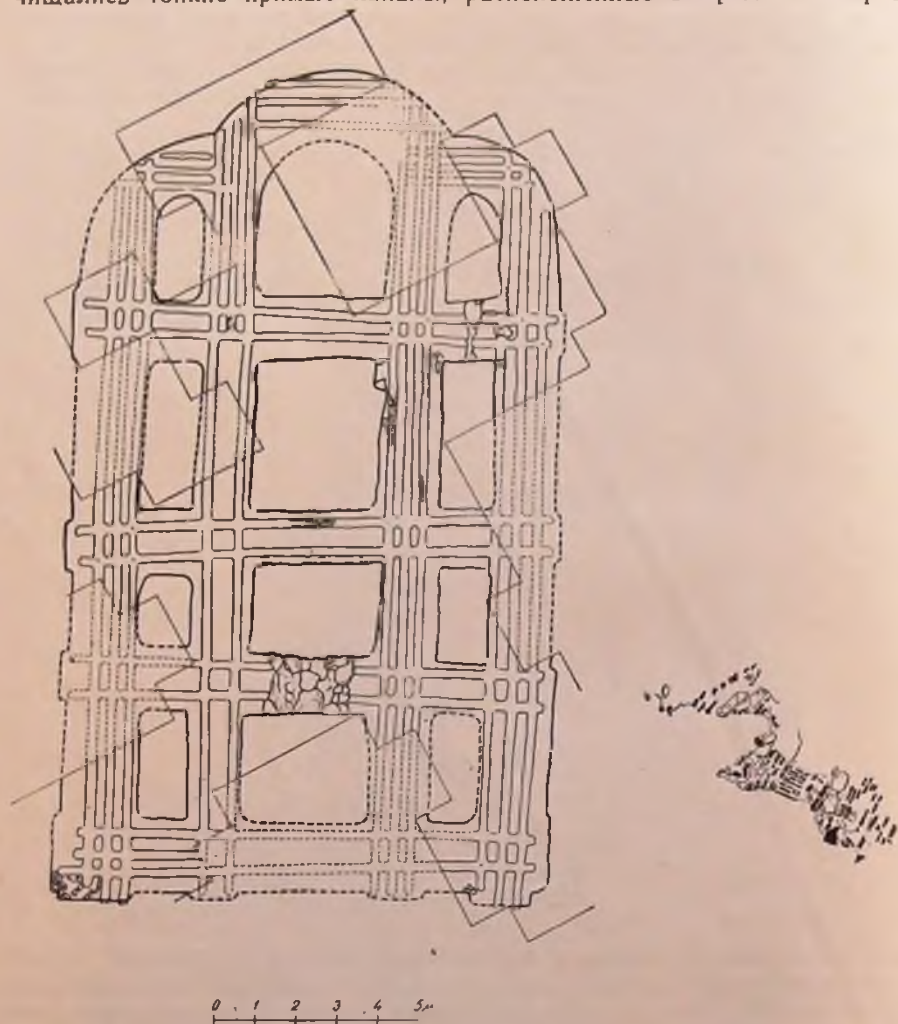

Рис. 156. Развалины храма в усадьбе Художественного института. План фундаментных рвов и кладок.

обычно по три, а в поперечных рвах — по два. Были, однако, и исключения. Продольный ров на оси северных столбов от фундамента западной стены до восточного поперечного фундамента имел не три, а два ряда лежней. Два ряда лежней были уложены и в южной части фундамента западной стены, тогда как в северной части того же фундамента лежали три ряда. В местах пересечения лежней продольных фундаментов с лежнями поперечных фундаментов были обнаружены в нескольких случаях отлично сохранившиеся железные костыли, скреплявшие некогда лежни

Рис. 157. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Следы деревянных субструкций.

Рис. 158. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Следы деревянных субструкций.

Рис. 159. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Следы деревянных субструкций.

Рис. 160. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Кладка упавшей стены.

в перекрестиях (см. план, рис. 156). Костыли сохранили свое вертикальное положение, хотя лежни, в которые они были забиты, давно сгнили (рис. 159).

Среди остатков строительных материалов, тщательно собиравшихся в процессе раскопок, обращало внимание обилие красноглиняных толсто-стенных сосудов амфорного типа, отличного керамического качества, с приставшими кусками цемянки. Не может быть сомнения в том, что сосуды эти использовались при постройке в качестве строительного материала в кладке купола или сводов. Отдельные обломки по характеру блоков кладки, в которых они были встречены, подтверждали эту мысль. Кроме того, были найдены в меньшем количестве обломки строительной керамики другого широко распространенного типа — белоглиняных голосников.

Как уже говорилось выше, среди строительных остатков с первых дней раскопок попадались многочисленные обломки кирпичей. Размер и керамические качества позволяли сближать их с кирпичом не XII в., а более ранним, имевшим распространение в киевском зодчестве второй половины XI в. Однако эти наблюдения не позволяли все же с уверенностью ставить вопрос о дате памятника, тем более что по характеру решения плана раскопанный храм скорее можно было отнести к XII в. Решающим для датировки памятника оказалось обнаружение трех блоков кладки рухнувших стен храма. К югу от развалин, в нескольких метрах от юго-западного угла, на уровне древнего горизонта был вскрыт первый из них — весьма значительный блок кладки южной упавшей стены храма. Стена лежала наружной поверхностью вниз и сохранилась далеко не на всю толщину. От удара о землю кладка распалась на части; кирпичи и камни уже не составляли одного целого, но, поскольку они лежали на своем месте, изучение структуры кладки не представляло особого труда. Последняя состояла из чередования горизонтальных рядов дикого, довольно грубо отесанного камня и рядов плоского кирпича на растворе извести с примесью мелко толченого кирпича. В средней части блока кирпичи лежали не сплошными горизонтальными рядами, а частью вертикально, частью горизонтально, образуя характерный для известных периодов киевского зодчества рисунок меандра (рис. 160—161).

О том, что эту кирпичную орнаментальную выкладку надо понимать именно так, свидетельствовал второй, незначительный по размерам, но лучше сохранившийся блок, найденный к северо-западу от развалин храма. На наружной облицовочной части кладки отчетливо видна часть меандра.

Весьма существенные дополнения для понимания техники кладки дал третий блок, найденный неподалеку от первого, у юго-западного угла развалин. Он представлял несколько рядов кирпичной кладки, где между рядами, лежавшими в плоскости фасада, лежат ряды, утопленные в кладке, прикрытые раствором с гладко затертой мраморовидной поверхностью (рис. 162). В верхней части блока чередуются один ряд кирпича, выпущенный наружу, и один ряд, утопленный в кладке; в нижней части в растворе утоплено сразу несколько рядов. На гладко затертой поверхности раствора, прикрывающего эти горизонтальные ряды по сырому грунту, прорисованы в виде графы ряды вертикально поставленных кирпичей, как бы чередующихся с камнем (рис. 162).

Техника кладки и характер декоративной обработки поверхности

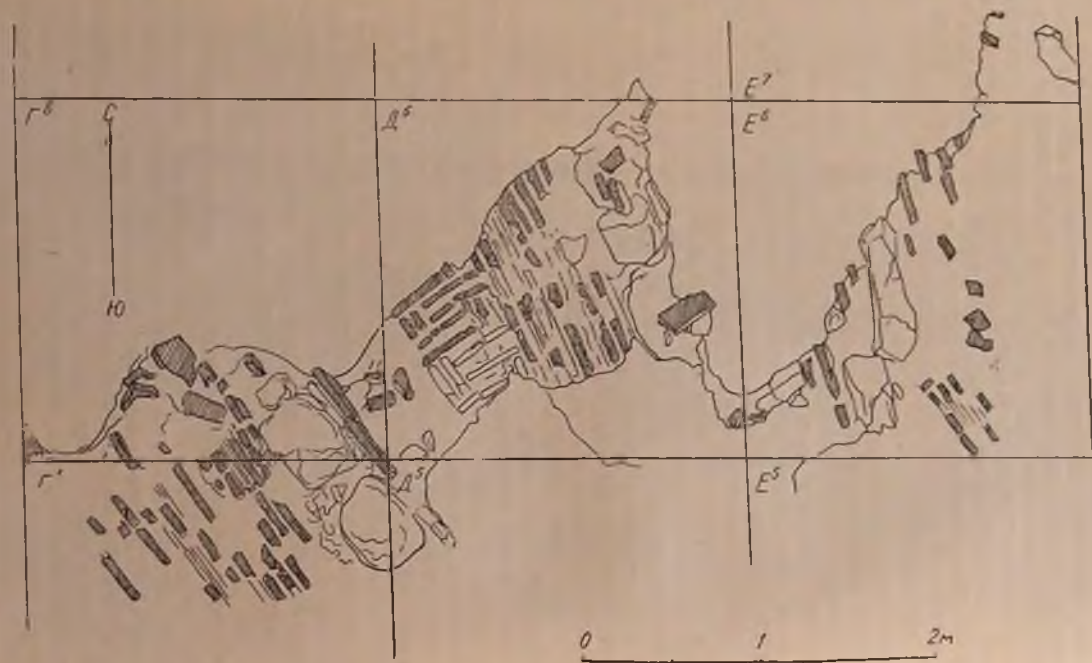

Рис. 161. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Кладка упавшей стены (план).

фасада храма на Вознесенском спуске, благодаря находке трех описанных блоков, не вызывают никаких сомнений. Кладка стен относится к широко известному в памятниках киевского зодчества XI в. типу (*opus mixtum*). Для этой техники характерно не только чередование рядов камня и кирпича, но и применение вышеописанного приема чередования рядов кирпича, лежащих в плоскости фасада и не покрытых раствором, с рядами, утопленными в кладке.

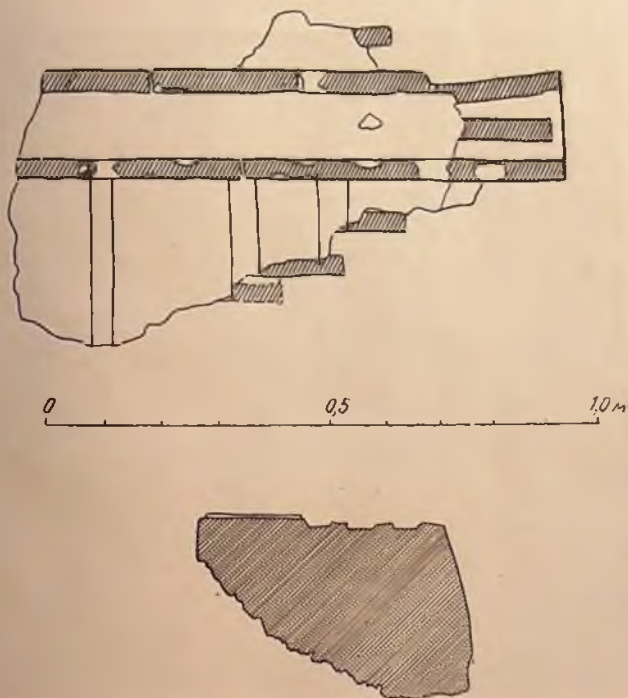

Рис. 162. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Деталь кладки стены.

Если эти черты характерны как для киевских памятников первой половины XI в. (постройки Ярослава), так и для сооружений конца века (постройки Ярославичей), то прием декорировки стены пояском меандра известен в двух памятниках киевского зодчества второй половины XI в. Поясок выложенного кирпичной кладкой меандра существовал на фасадах собора Михайловского Златоверхого монастыря, представлявшего в действительности собор Дмитриевского монастыря, сооруженный Изяславом Ярославичем. Такой же поясок сохранился на фасадах церкви Спаса на Берестове, выстроенной, повидимому, Владимиром Мономахом. Можно было бы вспомнить также аналогичный декоративный прием на изображении западного фасада неизвестной киевской церкви среди рисунков, исполненных голландским художником XVII в.

Вестерфельдом¹, если бы была уверенность, что на рисунке изображена не та же церковь Дмитрия до ее реставрации в XVII в.

Приведенные сопоставления позволяют ограничить дату храма, руины которого раскопаны в усадьбе Художественного института, пределами второй половины XI в. Необходимо отметить, что и по технике кладки фундаментов, и, в особенности, по устройству деревянных субструкций развалины этого храма, несомненно, также могут быть сбли-

Рис. 163. Развалины храма в усадьбе Художественного института. Фрагменты фресок.

жены с памятниками указанного выше периода. Железные костыли, скреплявшие деревянные лежни в местах их пересечения, в отличие от более древних построек, где применялись деревянные колки, известны в развалинах церкви Спаса на Берестове (конец XI — начало XII вв.) и в развалинах храма Бориса и Глеба в Вышгороде, заложенного в конце XI в. Что касается памятников киевского зодчества XII в., то для них, повидимому, были характерны фундаменты, сложенные из кирпича. Деревянные субструкции в киевских храмах XII в. до настоящего времени обнаружены не были.

¹ Я. П. Смирнов, Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в., Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, т. II, М., 1908, табл. VII, 2.

Рис. 164. Развалины храма в усадьбе Художественного института.
Фрагменты штукатурки с надписями.

Вопрос о том, к какому из числа известных нам по письменным источникам храмов можно отнести руины на Вознесенском спуске, связан с целым рядом историко-топографических проблем древнего Киева, поднимать которые здесь нет смысла. Этому посвящена специальная работа автора. Уместно, однако, подчеркнуть исключительно важное место вновь открытого памятника в дальнейшей разработке проблем истории русского зодчества XI—XII вв. Относясь по своим техническим показателям, несомненно, к киевской строительной традиции второй половины XI в., храм по своему плановому решению как бы предвосхищает архитектурные проблемы XII в.

В развалинах храма на усадьбе Художественного института найдено значительное количество фрагментов фресковой росписи. Среди них некоторые заслуживают особого внимания. Фрагменты фресок с изображением лиц (рис. 163) поражают ярко выраженными реалистическими чертами и живописностью. Фрескам вновь раскопанного храма совершенно чужда сухая графичность и плоскостная, условная характеристика персонажей, присущая русской монументальной живописи XII в. Им совершенно чужд абстрактный аскетический ригоризм, захвативший русское искусство в XII—XIII вв. Все это подтверждает датировку храма, сделанную на основе анализа строительной техники здания.

Некоторые фрагменты фресковой штукатурки из числа тех, снимки которых опубликованы в настоящем отчете, покрыты древними процарапанными надписями — *graffiti* (рис. 164). Интерес к этим своеобразным памятникам древнерусской эпиграфики, проявляющийся за последние годы все сильнее и сильнее, уже привел к попытке истолкования некоторых из них¹ и выдвинул задачу собирания этих весьма любопытных источников, которые способны осветить самые разнообразные стороны древнерусской жизни².

¹ Б. А. Рибак, Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, *Археологія*, II, Київ, 1947, стр. 53—64.

² В подготовленном нами к изданию корпусе новгородских и псковских надписей XI—XVII вв. надписям — *graffiti* уделено большое внимание.

VI. РАСКОПКИ В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ И В УСАДЬБЕ СОФИЙСКОГО АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

(1939—1940, 1946 гг.)

1.

Киевский Софийский собор, дошедший до нас в барочном наряде XVII—XVIII вв., лишь внутри сохранил, хотя и фрагментарно, черты своего былого великолепного убранства. Раскрытие древних фресковых росписей и расчистка имеющих мировую известность мозаик, начатые в 20-х годах нашего века, позволили, хотя бы до некоторой степени, подойти к реставрации неповторимого интерьера собора. Однако решению этой задачи крайне мешал грубый пол из чугунных плит, скрывавший не только былую роскошь мозаичного ковра древнейшего пола, но и нижние части древних фресок на стенах и столбах храма.

Путешественники XVI—XVII вв., посещавшие Киев и видевшие Софию еще в развалинах, с восхищением описывали не только мозаики и фрески, покрывавшие уцелевшие стены и своды собора, но и богато декорированные полы. Эрих Ласота, побывавший в Киеве в 1594 г., отметил, что сильно обветшавший собор Софии „внутри отделан мозаичной работой, пол же выложен красивыми цветными камешками“¹.

Подробно описывает мозаичные полы Софии Павел Алеппский, сопровождавший в середине XVII в. антиохийского патриарха Макария в его путешествии по России: „Когдаходишь в храм через западные двери, то глазам твоим открывается пол хороса (средняя подкупольная часть здания), сделанный из удивительной многоцветной мозаики с разнообразными тонкостями искусства. Такой же пол внутри алтарей и перед ними“².

Во время неоднократных реставраций XVII, XVIII и XIX вв. древний мозаичный пол Софии был в большей своей части уничтожен, а случайно сохранившиеся фрагменты скрыты под более поздними полами.

¹ Сборник материалов для истории и топографии Киева, II, Киев, 1874, стр. 16.

² П. Алеппский, Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII в., вып. II, М., 1897, стр. 69.

С 1843 по 1853 г. Киево-Софийский собор подвергся капитальной реставрации, проводившейся под общим руководством академика Ф. Солнцева. Начатая в связи со случайным обнаружением древних фресок, открывшихся из-под обвалившейся штукатурки, реставрация 40—50-х годов коснулась, однако, не только фресковой росписи. План реставрационных работ предусматривал и целый ряд мероприятий „по возобновлению“ архитектуры собора¹.

Реставрационные работы в значительной степени коснулись и пола. Судя по донесению епархиального архитектора Спарро, составленному им по освидетельствованию собора совместно с акад. Солнцевым, в августе 1844 г. „полы чугунные плитные как внизу, так и на хорах, по всем углам и около столбов, поддерживающих своды собора, вместо чугуна заложенные досками или кирпичом, в некоторых местах начинали оседать от осадки под ними земли и портящиеся сводов в погребках“². Указывая, что „древняя живопись открыта и около самого пола на столбах, коей нижняя часть закрыта чугунными плитами, что доказывает, что весь пол собора был прежде гораздо ниже“, авторы донесения предлагали „сорвать весь пол, осмотреть своды подвалов и где потребуется исправить, высыпать и утрамбовать землей, вымостить кирпичом в елку и осадить пол гораздо ниже“³. Судя по тому, что авторы проекта предлагали вместо имевшейся одной ступени на солею сделать три, понижения пола в алтарной части собора не предполагалось⁴.

Летом 1864 г. пол в соборе был понижен на $\frac{3}{4}$ арш., за исключением алтарной части храма, возвышенное положение которой, по мнению комитета, ведавшего реставрацией собора, придавало ей более величественный вид⁵. Повидимому, для подкрепления своего решения комитет указывал также, что под полом в алтарной части собора не было обнаружено фресок, что не соответствовало истине — именно в алтарной части целостность фресковой росписи наиболее грубо нарушалась высоко поднятым полом. Понижая пол на всей остальной площади собора на $\frac{3}{4}$ арш., руководители реставрационных работ полагали, что древний пол собора существовал именно на этой глубине. Новый пол был уложен из чугунных плит⁶.

Устройство отопления, предложенное первоначальным проектом, в соборе осуществлено не было, благодаря чему на некоторое время были сохранены древние полы. Однако руководители-реставраторы не проявили к ним ни малейшего интереса. Так, например, древний мозаичный пол собора, еще достаточно хорошо, хотя и фрагментарно сохранившийся к тому времени, не был, повидимому (за исключением одного участка), даже раскрыт во время реставрационных работ.

В начале 80-х годов был возобновлен вопрос об отоплении. В 1882 г., в связи с устройством центральной камеры для печей, была заново выстроена в ложновизантийском стиле западная паперть. Новый фундамент ее был углублен до пяти аршин, вместо трех. Большие земляные работы, произведенные в связи с этим в западной части собора,

¹ П. Лебединцев, Возобновление Киево-Софийского собора в 1845.—1853 гг., Труды КДА. 1878; все дальнейшие ссылки на отд. оттиск, Киев, 1879.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 8—9.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Там же, стр. 40—41.

⁶ Там же, стр. 46.

были осуществлены без какого-либо научного наблюдения. Но наиболее сокрушительный характер носили работы по всей длине южного и северного нефов собора, где были вырыты на большую глубину отопительные каналы, шириною около 1,20 м, прорезавшие не только древний мозаичный пол собора, но и все поперечные ленточные фундаменты. Стены и своды каналов были выложены из кирпича, а сверху засыпаны строительным мусором и землей до уровня чугунного пола. Во время этих работ были собраны многие крупные обломки мраморных колонн, карнизов и другие фрагменты, хранящиеся с давних пор в крещальне собора¹.

Первую серьезную попытку археологических исследований внутри собора сделал архитектор Д. В. Милеев в 1909 г. Это не были раскопки в собственном смысле этого слова. В октябре 1909 г. духовенством собора было предпринято переустройство чугунного пола в центральном алтаре Софии, который решено было заменить деревянным паркетом. Д. В. Милееву, производившему тогда большие археологические раскопки в Киеве, Археологическая комиссия поручила произвести наблюдения за этими ремонтными работами. Несмотря на вынужденную ограниченность возможных исследований, Д. В. Милеев, как чрезвычайно тщательный исследователь, сделал очень много ценных наблюдений.

Он установил наличие в центральном алтаре нескольких полов, лежавших на разных уровнях, и правильно связал наличие их с различными этапами жизни собора. Наблюдения эти, сделанные на очень ограниченной площади, не только пролили свет на историю внутреннего убранства, но и поставили вопрос о возможности дальнейших поисков древних мозаичных полов этого наиболее пышного памятника киевского зодчества.

19 февраля 1910 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества Д. В. Милеев сделал доклад о результатах своих небольших раскопок², позже опубликованный отдельной статьей³.

Выступивший в том же заседании А. В. Прахов указывал, что систематические раскопки всей внутренней части храма представляют одну из важнейших и первоочередных задач будущего археологического исследования собора⁴. Решением отделения дальнейшее археологическое исследование Софийского собора было признано весьма желательным⁵.

Совещание Киевского общества охраны памятников старины и искусства, заслушав доклад распорядительного комитета общества об исследовании и реставрации Киево-Софийского собора, пришло к решению, что дальнейшее археологическое исследование Софийского собора,

¹ Сохранением этих драгоценных фрагментов мы обязаны просвещенному вмешательству проф. А. В. Прахова.

² Д. В. Милеев, Об остатках древних полов Киево-Софийского собора, открытых осенью 1909 г. (Доклад на засед. ОРСА 19. II 1910 г.), Зап. ОРСА ИРАО, т. IX, СПб. 1913, стр. 331—335.

³ Д. В. Милеев, Древние полы в Киевском соборе св. Софии, Сборник археологических статей, СПб. 1911, стр. 212—221.

⁴ Зап. ОРСА ИРАО, т. IX, СПб. 1913, стр. 334.

⁵ Там же, стр. 335.

могущее пролить много света на вопрос об его древнем убранстве, совершенно необходимо произвести перед реставрацией собора

Однако широко поставленные исследовательские работы стали возможны лишь после превращения его в историко-архитектурный заповедник. В 1936 г. экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук УССР в соборе были проведены первые крупные археологические раскопки, вскрывшие весь крайний южный неф собора, от древней западной стены до апсиды Михайловского придела включительно, и внутреннюю южную галлерею. Несмотря на обширность раско-

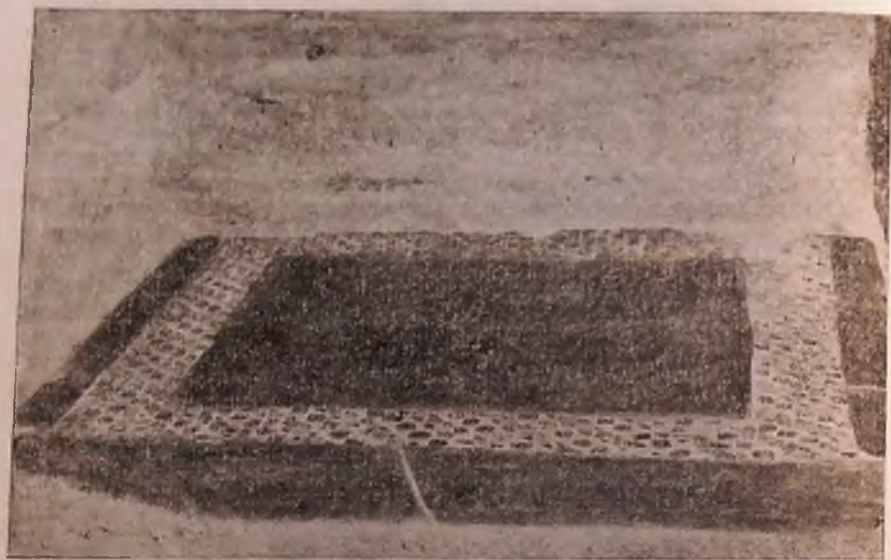

Рис. 165. Софийский собор. Фрагмент мозаичного пола.

пок 1936 г., сохранившиеся участки древнего пола удалось обнаружить только в двух местах и на весьма небольшой площади. Между столбами южной тройной арки под хорами, в западном ее делении, была найдена *in situ* отлично сохранившаяся шиферная плита с мозаичной инкрустацией (рис. 165). Кроме того, раскопки 1936 г. обнаружили фрагментарно сохранившиеся незначительные остатки пола из поливных плиток в алтаре придела архангела Михаила. Пол этот лежал на 0,20—0,25 м выше уровня древнейшего мозаичного пола собора. Результаты раскопок 1936 г. остались необработанными и неопубликованными².

¹ ИАК, Прибавление к выпуску 48, СПб, 1913, Археологическая хроника, стр. 21—22.

² Раскопками 1936 г. было обнаружено большое количество поздних погребений (XVII—XIX вв.), в деревянных гробах, почти без инвентаря или же с очень бедным и малохарактерным инвентарем. Годом раньше (в 1935 г.) были произведены небольшие раскопки у основания северной башни собора, где была найдена древняя византийская свинцовая печать.

В 1939—1940 гг. Софийский архитектурно-исторический заповедник при участии Института археологии АН УССР и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством автора настоящей книги осуществил в соборе археологические исследования большого масштаба. Раскопки, проведенные по плану, утвержденному Ученым советом заповедника, полностью вскрыли площадь центрального нефа, двух северных нефов и примыкающего к центральному южного нефа (крайний южный неф, как сказано выше, был раскопан в 1936 г.). Все четыре нефа раскопаны на всем протяжении от древней западной стены собора до солей, на которой стоит барочный резной иконостас XVIII в. и четыре алтарные апсиды собора (пятая была раскопана в 1936 г.).

Вся площадь пола, за исключением апсид, была покрыта квадратными чугунными плитами, положенными на кирпичную вымостку с подсыпкой под них тонкого слоя песка. Этот пол был сделан во время капитальной реставрации собора в 1840-х годах. Под полом на всей раскопанной площади лежал незначительный (от 0,15 до 0,25 м) слой темно-серого грунта, под которым, вплоть до уровня древнего пола, насыпан щебень из крупных обломков кирпича, частью древнего плиточного камня и известкового раствора, частью — с примесью толченого кирпича, но в основном этот слой состоял из обломков строительного материала XIX в. Не может быть никаких сомнений в том, что весь этот слой насыпан одновременно с устройством чугунного пола XIX в.

В нескольких местах в щебне встречались незначительные, крайне плохо сохранившиеся остатки пола, состоявшего из белого известкового раствора, на котором были видны отпечатки шестигранных кирпичных плиток. Подобные плитки были найдены *in situ* в центральной апсиде собора и в приделе Георгия. Уровень этого пола, полностью уничтоженного при настилке пола XIX в., хорошо прослеживался на поверхности столбов храма: фрески, лежавшие ниже уровня его, были сильно залиты белым известковым раствором. На глубине 0,60—0,70 м, под чугунными плитами, лежит известковая подготовка древнейшего пола собора. Она представляет толстый, очень прочный слой раствора известки с примесью мелко толченого кирпича, отчего раствор имеет розоватый цвет. Большая часть раскрытой в 1939 г. площади сохранила только этот слой, представляющий подготовку под мозаичный пол, не уцелевшую лишь там, где она была пробита для погребений. Кроме того, вдоль южного и северного нефов собора в 80-х годах XIX в. проложены каналы амосовского отопления, которые почти полностью уничтожили древние полы.

Только в четырех местах на известковой подготовке сохранились фрагменты мозаичного пола. Лучший из них по сохранности был частично раскрыт еще в 1936 г. Он находится между восьмигранными столбами южной тройной арки и крестчатым столбом к западу от нее. Здесь была обнаружена большая прямоугольная шиферная плита, инкрустированная вдоль краев мозаичным набором из разноцветных смальт. Мозаичная кайма имеет в ширину от 0,125 до 0,140 м. К северо-западу от этого фрагмента, в северо-восточном углу крестчатого столба, в 1939 г. был раскрыт еще один большой кусок хорошо сохранившейся мозаики (рис. 166). К востоку от него небольшими участками сохранились куски смальты в растворе, а там, где она выпала, хорошо про-

слеживаются гнезда от нее. На этом же участке пола установлена чрезвычайно интересная особенность техники мозаичного набора. Под слоем раствора, в который инкрустировались смальты, лежит другой слой, на поверхности которого, еще до того, как раствор затвердел, острым инструментом сделана графья, которой должен был руководствоваться мастер при наборе смальты (рис. 166). Под этим слоем

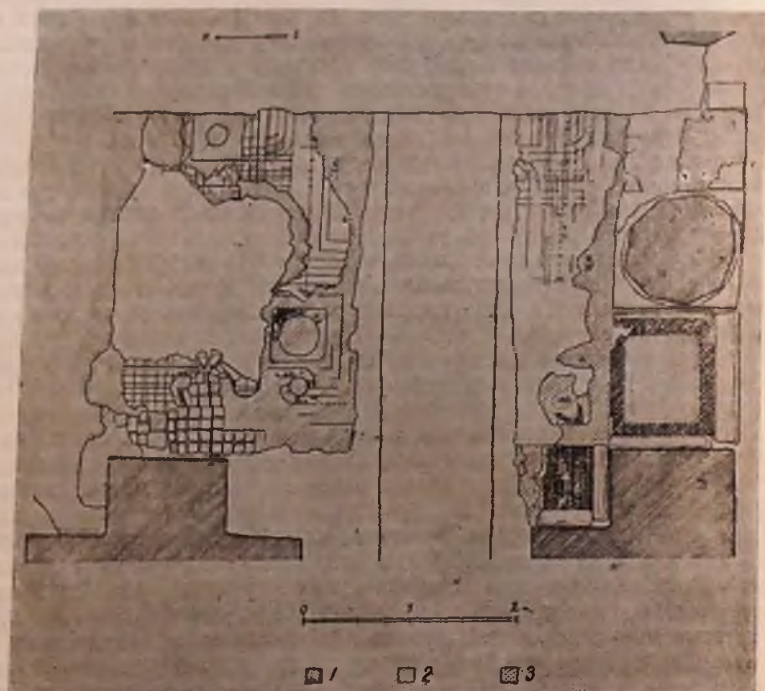

Рис. 166. Софийский собор. План остатков древнего пола в южном нефе.

лежит описанная выше известковая подготовка, сохранившаяся почти на всей площади пола. Тщательное изучение этого участка показало, что уцелевшие в третьем слое наборы смальты действительно сделаны по рисунку, данному графьей нижележащего слоя подмазки. Линии графьи продолжаются в полосах сохранившихся участков мозаичного набора, ширина этих полос соответствует расстояниям между линиями графьи. Прямые линии сделаны по линейке, круги — циркулем (рис. 166). Северная сторона этого участка перерезана по прямой линии отопительным каналом XIX в., уничтожившим большую часть хорошо сохранившегося участка древнего пола. По другую сторону канала (к северу) сохранилось продолжение мозаичного пола (рис. 166). Здесь мы видим нижний слой подготовки, лежащей непосредственно на грунте. На нем лежит второй слой подмазки с отлично сохранившейся графьей. Поверх

этой подмазки наложен третий слой с инкрустированными смальтами, частично сохранившимися *in situ*. У восточной стороны юго-восточного столба на небольшом участке верхний слой подмазки имеет несколько иной цвет благодаря меньшей примеси толченого кирпича. В этом слое отчетливо сохранились отпечатки квадратных плиток (0,105×0,105 м; рис. 167). Два небольших фрагмента их, сохранившихся *in situ* у самого столба, и несколько целых плиток, найденных в засыпи, позволили установить, что этот участок пола был покрыт не набором смальты, а керамическими плитками с цветной поливой. Этот факт, наряду с другим составом самой

Рис. 167. Софийский собор. Фрагмент пола с отпечатками поливных плиток.

подмазки, заставляет признать описанный участок пола более поздней чинкой, однако, судя по раствору и характеру плиток, сделанной еще в очень древнее время, во всяком случае не позже XII в. Причина этого ремонта объясняется, повидимому, прогибом древнего пола при осадке столба. Аналогичное явление было установлено Д. В. Милеевым в алтарной части собора, где древний пол у южной стены апсиды также был исправлен после прогиба еще в очень глубокой древности¹.

Сохранившийся участок древнего пола был обнаружен также в северном нефе, у северной тройной арки (рис. 168). Еще в 1936 г. заложенный здесь небольшой шурф обнаружил шиферную фигурную плиту в виде полудужек, примыкающих к узкой длинной полосе. Между западным восьмигранным и крестчатым подкупольным столбами лежала, повидимому, большая шиферная плита, на месте которой сохранилось сейчас углубление. По краям ее тоже были мозаики, от которых уцелели лишь незначительные фрагменты в восточной стороне углубления.

¹ Д. В. Милеев, Ук. соч., стр. 215—216 и рис. 6.

К югу от столбов раскрыт большой участок пола с хорошо сохранившейся второй подмазкой, покрытой графьей из переплетающихся кругов различного диаметра (рис. 169). Как и соответствующий участок южного нефа, этот кусок пола обрезан почти по прямой линии отопительным каналом XIX в., за которым (к югу) рисунок пола продолжается около восточной стороны северо-западного центрального столба (рис. 168).

На этом же участке местами сохранился и третий слой подмазки с незначительным количеством смальтовых инкрустаций. Обращает вни-

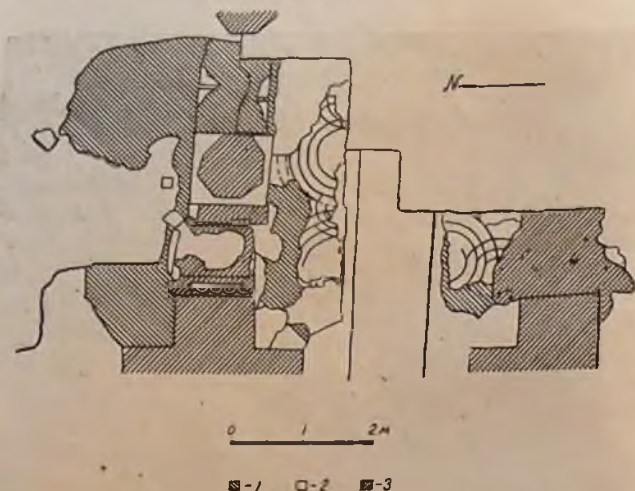

Рис. 168. Софийский собор. План остатков древнего пола в северном нефе.

мание отличие рисунка пола северного нефа от аналогичного участка южного нефа. Здесь рисунок состоял только из переплетающихся кругов различного диаметра при полном отсутствии прямых линий.

Чрезвычайно интересные фрагменты древнего мозаичного пола, наряду с полами XVII и XVIII вв., были открыты в алтарных частях собора.

Наиболее последовательную картину напластования полов различного времени удалось установить в главном алтаре собора. Как сказано выше, пол из чугунных плит в 1909 г. был здесь заменен паркетным. Под ним почти на всей площади центрального алтаря на глубине 0,25 м обнаружился хорошо сохранившийся пол из шестигранных кирпичных плиток (без поливы), плотно пригнанных одна к другой на песчаной подсыпке. Этот пол, как было установлено тогда же, относился к XVIII в. Ниже его, на глубине 0,70—0,75 м от уровня верхнего пола, был обнаружен третий пол, состоявший из тонких плиток, покрытых поливой и уложенных на известковой заливке. Плитки были различной формы — круглые и охватывавшие их лекальные. Первые были покрыты

разноцветной поливой (четыре цвета — синего, желтого, зеленого и белого), декальные плитки — одноцветной (зеленой) поливой. Этот пол Д. В. Милееву удалось видеть лишь в четырех небольших шурфах. Нашими раскопками 1940 г. он был раскрыт почти на всей площади центральной апсиды (рис. 170). Настилка этого пола относится, пови-

Рис. 169. Софийский собор. Графья на подмазке пола.

димому, к концу XVII в. Хорошая сохранность этого пола не позволила нам рисковать им для поисков более древнего пола. Последний был вскрыт лишь на тех участках, где пол XVII в. оказался разрушенным. В местах разрушения удалось установить, что ниже его лежит четвертый, самый древний пол. Он лежит непосредственно под полом конца XVII в. и состоит из очень прочного известкового раствора с мелко толченым кирпичом (толщина около 0,05 м), в который инкрустированы разноцветные смальты различной формы, составляющие сложный геометрический орнамент. Смальты сохранились далеко не полностью, но там, где они выбиты, рисунок пола хорошо прослеживается по их гнездам в растворе. Мозаичный набор состоит из темнокрасных, желтых и светлозеленых смальт различной величины и формы. Открытая нами незначительная часть мозаичного пола не позволяет судить об

общей композиции коврового рисунка. Д. В. Милеев, имея возможность, судя по опубликованному им чертежу (рис. 171), наблюдать этот же фрагмент пола, сопроводил свой чертеж описанием, значительно превосходящим изображенный на чертеже рисунок. „У стены, — писал он, — проходит дорожка, выложенная большими прямоугольными плит-

Рис. 170. Софийский собор. План пола центральной апсиды.

ками красной смальты, внутри вписан круг, также дорожкой, выложенной большими плитками, в центре его заключен еще кружок; остальные места заполнены мелким узором мозаической инкрустации из треугольной квадратной и прямоугольной смальты“¹.

При исследовании мозаичного пола в центральной апсиде Д. В. Милеев обратил внимание на одну особенность его, подтвержденную нашими наблюдениями на многих других участках пола Софии. Края пола, прилегающие к стене, оказались наклонными к ней, как

¹ Д. В. Милеев, Ук. соч., стр. 215.

бы осевшими, причем эти места сверху снова залиты древним раствором и снова украшены мозаичными смальтами. Не может быть сомнения в том, что этот прогиб полов, на отдельных участках (например, в апсиде придела Георгия) очень значительный, вызван осадкой стен, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что мозаичный пол был сделан вскоре после возведения стен, до окончательной осадки их.

Древнейшие полы в апсидах Георгиевского придела и придела Иоакима и Анны не сохранились, если не считать незначительных фраг-

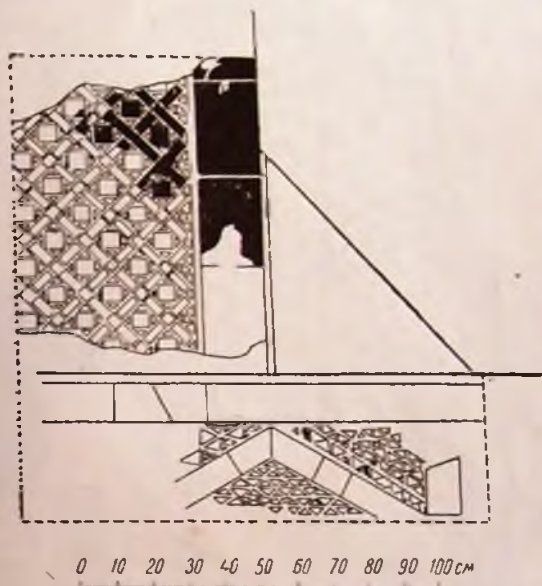

Рис. 171. Софийский собор. Деталь мозаичного пола центральной апсиды.

ментов известковой подготовки под мозаичный пол, обнаруженных нами у северной стены апсиды Георгиевского придела и давших сильный прогиб в связи с осадкой стены. В этом же приделе хорошо сохранился пол XVIII в. из шестигранных плиток (рис. 172).

Апсида придела Петра, как и внутренний северный неф собора, на всем его протяжении до западной стены, прорезаны широким отопительным каналом XIX в., при постройке которого древний мозаичный пол и все вышележащие полы были уничтожены. Однако именно в этом приделе по сторонам отопительного канала раскопками 1940 г. удалось обнаружить на нескольких участках исключительно интересные фрагменты (рис. 173). Отлично сохранившиеся куски мозаичного пола были обнаружены в юго-западном и северо-западном углах придела (рис. 174—175). Они представляли собой дорожки, которые, повидному, опоясывали придел по стенам и состояли из разноцветных различной формы смальт, уложенных в шахматном порядке. Цвета

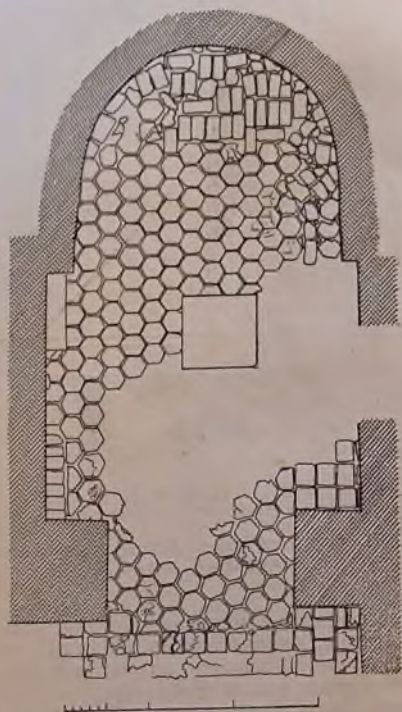

Рис. 172. Софийский собор. План пола в Георгиевском приделе.

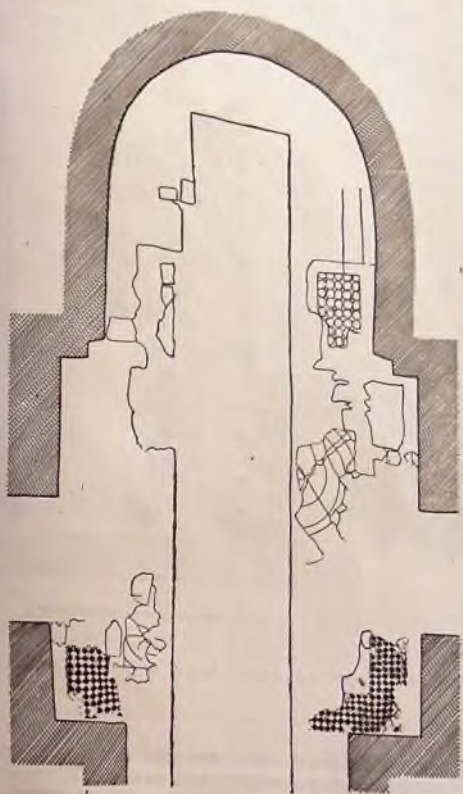

Рис. 173. Софийский собор. План пола в приделе Петра и Павла.

смальты — желтый, зеленый, лиловый и синий. В двух других местах сохранился лишь раствор с углублениями от выпавших смальт. (рис. 176).

На других частях пола обнаружена графья, сделанная острым инструментом по еще не затвердевшей известковой подготовке под мозаичный набор. По ней можно было проследить основную композицию рисунка пола. Полоса шахматного рисунка, шириной около метра, шла

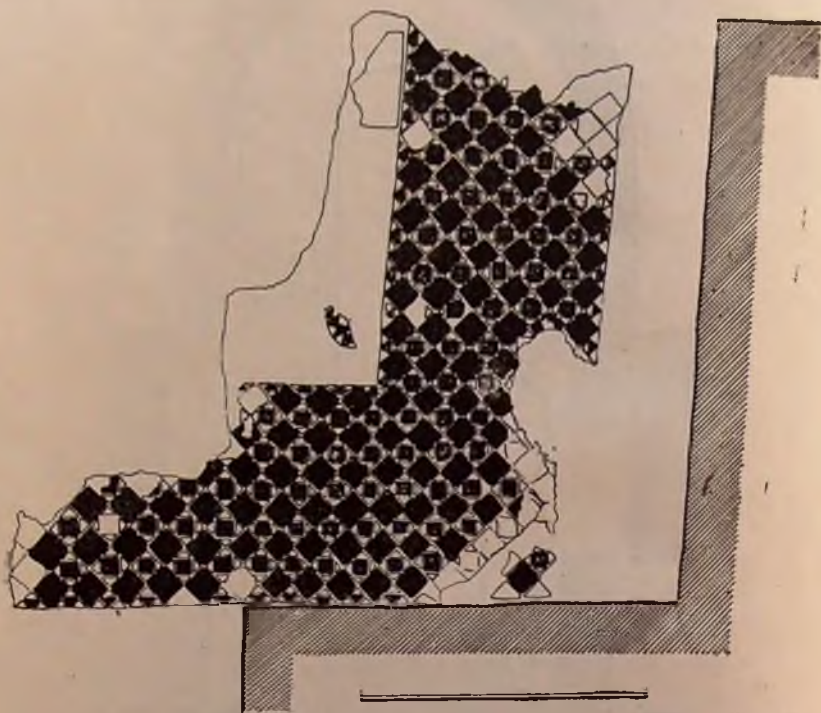

Рис. 174. Софийский собор. Деталь мозаичного пола.

вдоль всех стен апсиды. Центральная площадь пола апсиды была декорирована большими concentрическими кругами.

В приделе Михаила-архангела (крайняя южная апсида) раскопками 1936 г. были обнаружены незначительные фрагменты, по своему характеру отличавшиеся от древнейшего мозаичного пола собора. Пол Михайловского придела находился несколько выше уровня древнейшего пола и состоял в центральной части апсиды из небольших шестигранных плиток, покрытых поливой и чередовавшихся с желтыми смальтами треугольной формы, а вдоль стенок апсиды — из больших квадратных кирпичей, покрытых поливой с двухцветным орнаментальным рисунком. Пол этот прикрывал нижнюю часть фресковой росписи, которая продолжалась на стенах ниже уровня этого пола, вплоть до древнейшей

известковой подмазки (с примесью толченого кирпича), подстилавшей несохранившийся мозаичный пол. Сказанное позволяет считать пол из поливных плиток первоначальным. Устройство его можно отнести к XII в.

Под новыми полами, в слое строительного мусора, раскопки 1939—1940 гг. обнаружили значительное количество фрагментов мозаичного пола, которые дополняют картину роскошного убранства древнейшего пола Софии. Среди этих фрагментов часть сохранила инкрусти-

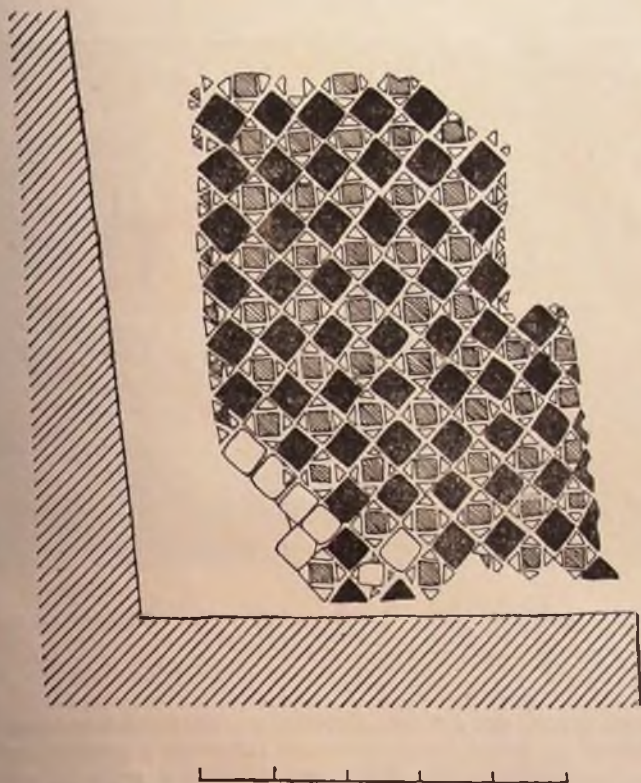

Рис. 175. Софийский собор. Деталь мозаичного пола.

рованные в раствор смальты (рис. 177), часть представляет только раствор с отпечатками последних. Среди многочисленных находок в Софии необходимо упомянуть фрагмент шиферной фигурной плиты, близко напоминающий по форме плиту, сохранившуюся *in situ* под северной тройной аркой.

Раскопки 1939 г. дали исключительной ценности материалы для реконструкции первоначального архитектурного облика Софийского собора. Чтобы оценить эти результаты, необходимо вспомнить одну проблему из архитектурной истории изучаемого памятника. Не раз обра-

щалось внимание на очень характерную особенность организации внутреннего пространства здания. В отличие от крестово-купольной системы, которая с полной последовательностью осуществлена при постройке новгородского и полоцкого Софийских соборов, как известно, в некоторой степени копировавших Киевскую Софию, в киевском соборе намечались какие-то не понятные для одних исследователей, а другим, наоборот, казавшиеся вполне понятными черты базиличности в организации внутреннего пространства здания.

Рис. 176. Софийский собор. Фрагменты древнего пола со следами поливных плиток и смальт.

Речь идет о том, что в Киево-Софийском соборе единственный раз за всю историю древнерусского зодчества северная и южная половины хор не связаны между собой. Хоры над боковыми нефами, северным и южным, в зданиях этого типа обычно соединяются в западном членении центрального нефа, для чего в нем должны быть одна или две колонны, на которые подобно тому, как это осуществлено в северном и южном нефах, опирается коробовый свод хор. Такие колонны существовали в новгородском и полоцком соборах. В киевском соборе связь южной и северной половины хор осуществляется только через хоры над внутренней западной галлереей, то есть не внутри здания, а за западной наружной стеной его.

Некоторые исследователи делали из этого факта весьма существенные и явно ошибочные выводы. Так, К. В. Шероцкий писал: „Западный конец хор пристроен в XVII в. Арки этой части хор иных размеров, чем арки, открывающиеся в средний неф. Следовательно, в св. Софии надо предположить базиличный прием раздельного существования двух поло-

вин хор, на что указывает наличие двух входов на хоры и свидетельство Синописа¹. Если К. В. Шероцкий высказал эту мысль совершенно четко и последовательно, то другие исследователи — те, разумеется, которые могли обратить внимание на эту особенность, — подозревали то же самое. Из этой именно мысли исходили исследователи-реставраторы, которые в 1936 г. производили расчистку известного коллек-

Рис. 177. Софийский собор. Фрагменты мозаичного пола.

тивного портрета семьи Ярослава. В соответствии с этой концепцией „раздельного существования двух половин хор“ поиски портрета Ярослава производились в крайнем западном членении центрального нефа, то есть там, где в действительности никакой древней живописи не было и не могло быть, ибо в этом месте находился коробовый свод западной части хор.

Необходимо отметить, что еще в 1925 г. Н. И. Брунов², в те годы весьма далекий от приемов археологического изучения памятников, на основании анализа пространственной композиции теоретически дал правильную реконструкцию западной части здания. Реконструкция эта, однако, до последней поры вызывала большие сомнения (Моргилевский).

Раскопки 1939 г. были начаты на участке между крайней западной парой крестчатых столбов с задачей окончательного решения этой важнейшей проблемы реконструкции первоначальных форм памятника. На

¹ К. Шероцкий, Киев. Путеводитель, 1917, стр. 31—33.

² Н. И. Брунов, К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии, Изв. РАИМК, V, 1927, стр. 135—138; см об этом же Н. И. Брунов, К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв., сб. „Русская архитектура“, М., 1940, стр. 113—117.

глубине менее полуметра под чугунным полом собора в первый же день раскопок были обнаружены отлично сохранившиеся два восьмигранных столба, сложенные из древнего плоского кирпича на известковом растворе с примесью толченого кирпича (рис. 178). Раскопки позволили уяснить и еще один существенный вопрос конструкции здания: под восьмигранными столбами был раскрыт ленточный фундамент, соеди-

Рис. 178. Софийский собор. Остатки восьмигранных столбов в центральном нефе.

нявший крестчатые столбы здания. Аналогичные ленточные фундаменты были установлены по всем остальным осям здания между крестчатыми столбами.

Западная пара восьмигранных столбов, обнаруженных раскопками 1939 г., позволяет совершенно точно реконструировать внутреннее пространство здания. Никаких „базилических приемов“ в Киевской Софии нет. Столбы западного нефа, подобно столбам южного и северного нефов, соединялись тройной аркой, на которую опирался коробовый свод западной части хора. Не может быть сомнений в том, что подобно южному и северному нефам над этой тройной аркой нижнего этажа находилась тройная арка на уровне хора. При такой реконструкции центральная часть здания принимает форму равноконечного креста, к которому примыкают угловые пространства, расчлененные хорами.

Эта реконструкция здания позволяет правильно понять композицию ктиторовского коллективного портрета. Не дошедшее до нас изображение Ярослава с моделью храма в руках, несомненно, находилось над запад-

ной тройной аркой, напротив центрального алтаря собора. К этому изображению направляются обе группы его семьи — женская по южной стороне центрального нефа, мужская — по северной.

Раскопки 1939 г. позволили уточнить еще несколько вопросов реконструкции первоначального архитектурного облика памятника. Под поздней широкой аркой, пробитой в центральной части западной стены здания, была обнаружена нижняя часть древней западной стены, сохранившейся на высоту до 0,35—0,40 м. В центре ее сохранился *in situ* древний мраморный порог, позволивший выяснить ширину западного портала храма. Порог этот состоит из трех кусков мрамора, которые выдолблены ступенькой. Перед порогом — шиферные плиты. Хорошо сохранился южный внутренний угол портала, на котором уцелел *in situ* небольшой кусок штукатурки, покрытой фресковой росписью. Видны остатки коринчевой каймы подобно той, которая обычно обрамляет композиции. Остатки фресковой росписи сохранились и на других участках западной стены, у самого пола. Кладка стен обычного характера: чередуются ряды красного, плохо обработанного кварцита и ряды плоского кирпича на растворе извести с толченым кирпичом. Кирпичная кладка характеризуется чередованием рядов выступающих кирпичей и утопленных в кладке, прикрытых слоем раствора, благодаря чему шов раствора кажется чрезвычайно толстым.

В северном портале собора (северный неф) удалось обнаружить еще один мраморный порог, сохранность которого несколько хуже по сравнению с западным. Часть мрамора здесь выломана и заменена кирпичом. Северный и западный пороги, как и порог южного портала, раскрытый в 1936 г., показывают, что уровень пола в центральной части собора был несколько ниже уровня примыкающих внутренних галлерей.

Раскопками 1939 г. вскрыто на различных участках здания 33 погребения. В южном нефе, большая часть которого, как сказано выше, разрушена тепловым каналом отопления XIX в., найдено только два. В северном нефе, тоже пробитом аналогичным каналом, не сохранилось ни одного. Во втором (крайнем) северном нефе вскрыто 19 погребений.

В западном членении центрального нефа, то есть на участке между древней западной стеной и основанием двух восьмigrанных столбов, обнаруженных раскопками, раскрыто 12 погребений.

Все погребения сделаны в глубоких грунтовых ямах под древним полом собора, в деревянных гробах различной сохранности. В семи погребениях было установлено наличие долбленной деревянной колоды, в остальных — деревянные гробы, сбитые железными гвоздями.

В пятнадцати погребениях не было никакого инвентаря. В четырнадцати найдена кожаная обувь, причем дважды это были высокие сапоги до колен, в остальных случаях — остатки башмаков из мягкой кожи. В шести погребениях встречены ничтожные фрагменты ткани очень плохой сохранности. Лишь в одном найдена золотая подвеска с аметистом и две стеклянных бусины. Подвеска эта не старше XVI—XVII вв.

Датировка всех найденных погребений затруднена отсутствием инвентаря. Но и само по себе это отсутствие является признаком, не позволяющим относить перечисленные погребения к раннему времени. Погребения знати в XI—XIII вв. еще хранят на себе печать старых языческих обрядов. Большинство погребений этого времени снабжено богатым инвентарем. Невозможно, с другой стороны, предполагать, что

в Софийском соборе — центральном храме города — в XI—XIII вв. были погребены представители черного городского люда. Погребения XVII—XVIII вв. уже не имели такой резко выраженной социальной дифференциации по составу инвентаря, поэтому софийские погребения могут быть отнесены именно к этой сравнительно поздней поре.

3.

В 1946 г. Софийский историко-архитектурный заповедник при участии Института археологии АН УССР и Института истории материальной культуры АН СССР приступил к систематическим археологическим раскопкам на своей территории по плану, разработанному автором.

В план раскопок 1946 г. входило:

а) исследование развалин древнего сооружения, незначительный участок кладки которого был обнаружен осенью 1945 г. при прокладке траншеи теплоцентрали к северу от северо-западного угла Софийского собора.

в) разведочные работы на территории заповедника к северу от северной стены Софийского собора.

Раскопки проводились с 21 июля по 31 августа 1946 г.¹

Раскопками вскрыта площадь на основном участке работ 326 м² и на разведочных участках — 65 м², всего — 391 м².

На основном участке обнаружены развалины большого сооружения, сложенного из бутового камня и древнего плоского кирпича квадратной формы на растворе извести с примесью толченого кирпича.

Сооружение состоит из трех примыкающих одна к другой камер (рис. 179). Большая из них имеет квадратный план. Сохранились лишь нижние части стен, сложенные из бутового камня на растворе, и кирпичная вымостка пола (рис. 180). Внутренняя поверхность стен облицована кирпичом в один ряд.

На внутренней поверхности стен хорошо прослеживались остатки выступов (лопаток), по четыре с каждой стороны. В растворе стенной кладки сохранились следы бревен (связи), положенных вдоль стен. На полу этой камеры, покрывая ее сплошь, лежал слой золы и мелкого угля.

С северной стороны к камере примыкала вплотную какая-то другая, несколько меньшая по ширине, камера, но от нее сохранилась лишь незначительная часть. Остальное уничтожено поздней глубокой ямой, обложенной деревом. На всей площади камеры лежал мощный слой развала верхних частей сооружения, состоявший из плоских квадратных кирпичей с остатками раствора на них и незначительного количества бутового камня.

С юга к центральной камере вплотную примыкала третья, меньшая, западная часть которой разрушена поздней ямой. Повидимому, камера тоже имела квадратный план. Стены сложены из мелкого битого камня; внутренняя поверхность их облицована кирпичом, поставленным

¹ В работах принимали участие под руководством автора настоящего отчета: научный сотрудник ИИМК АН СССР Корзухина Г. Ф.; старший научный сотрудник Киевского исторического музея Линка Н. В.; научн. сотр. ЦИМ Володченко З. А.; старший лаборант ИИМК АН СССР Агарания М. Г. и студенты-практиканты Всероссийской Академии художеств, Ленинградского государственного ордена Ленина университета и Киевского государственного университета.

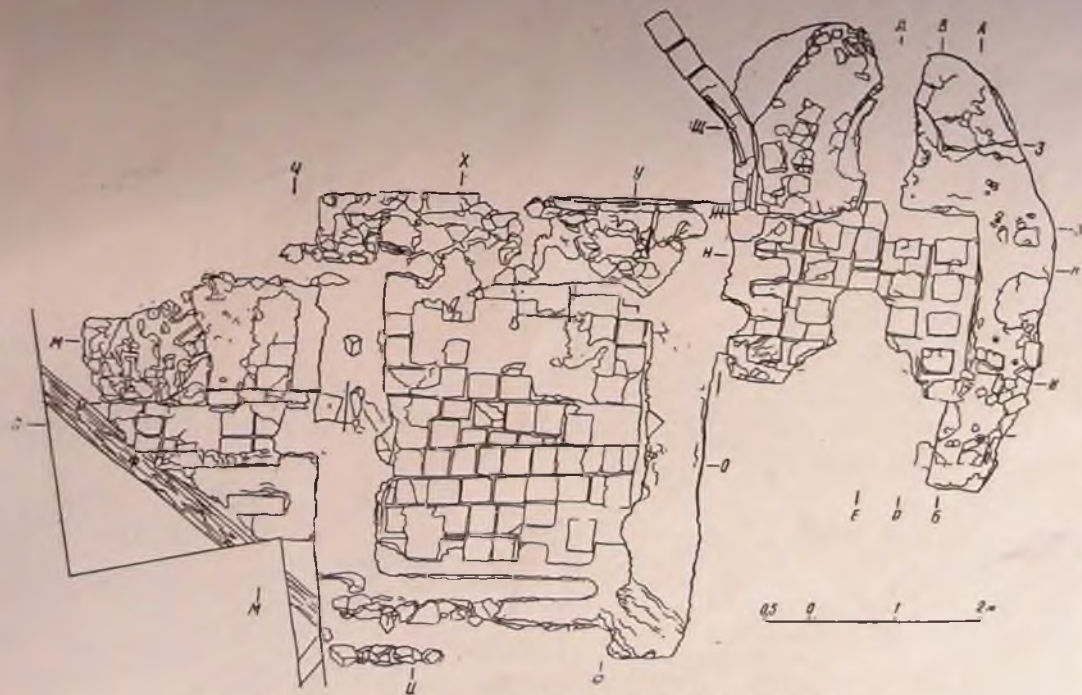

Рис. 179. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. План.

Рис. 180. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. Общий вид после раскопок.

Рис. 181. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. Деталь.

на ребро. На кирпичном полу камеры сохранились нижние части кирпичных столбиков, между которыми образуются узкие продольные и поперечные каналы (рис. 181). С восточной стороны к камере примыкает овальная в плане небольшая камера, стенки которой обложены кирпичом (в один ряд). Кирпич сильно пережжен. На полу этой последней камеры лежал мощный завал золы и углей.

Кладка стен третьей (малой) камеры значительно хуже, чем кладка первой (большой). Основной массив ее стен состоит из мелкого каменного и кирпичного щебня и даже кусков глины.

От северо-восточного угла камеры начинается узкий канал, выложенный поставленными на ребро кирпичами. Дно его также выстлано кирпичом. Канал на протяжении около 1,5 м имеет направление к северо-востоку.

К востоку от обеих камер обнаружен большой глубокий котлован, вырытый в материке, с круто падающими стенками. Котлован сплошь заполнен обломками бракованного пережженного кирпича. Размеры и керамические свойства его аналогичны кирпичу, из которого были сложены обе камеры.

План и конструктивные особенности камер позволяют с несомненностью установить назначение открытого раскопками сооружения. Перед нами керамические печи для обжига кирпича.

Сравнительно-историческое изучение конструктивных особенностей плана открытого сооружения позволило установить древнюю техническую традицию, лежащую в основе этого типа керамических печей, восходящую еще к римскому времени. Аналогичные по конструкции печи известны в X—XII вв. в разнообразных центрах, связанных с распространением византийской культуры (Херсонес, Болгария).

Софийская печь стоит совершенно особняком среди известных в настоящее время древнерусских кирпичных печей¹.

Разведки, произведенные на незначительных по площади участках в северо-западном углу усадьбы Софийского заповедника, дали интересные предварительные данные для планирования последующих археологических работ.

Особый интерес представляет разведочный шурф, заложенный у северной стены гаража. Колоссальной мощности напластование культурных слоев, доходившее местами до 5 м глубины, насыщено разнообразными находками. Разведка показала, что в северо-восточном углу усадьбы лежит мощный слой строительных остатков, кирпичи, обломки мрамора, шифера, фрагменты мозаик и фресок, свезенных сюда, повидимому, во время реставрационных работ XVII—XVIII вв.

В процессе раскопок и разведок обнаружено значительное количество разнообразных предметов домонгольской эпохи (керамика, стекло, свинцовые печати и многое другое).

Особый интерес представляют многочисленные остатки строительных материалов и фрагменты декоративного оформления древних построек: кирпичи различного времени, растворы, известняки, мрамор, фрагменты фресок, мозаик, куски свинцовой кровли, оконного стекла и, наконец, фрагменты большой резной шиферной плиты — по всей вероятности, одного из древних парапетов хор собора.

¹ В 1949 г. аналогичная печь была обнаружена А. Д. Варгановым в Суздале.

Многочисленные и весьма разнообразные памятники, открытые и исследованные Киевской археологической экспедицией с 1938 по 1947 г., наглядно свидетельствуют о том, какие огромные новые перспективы открывают археологические раскопки древнего Киева. Глубокое и всестороннее освещение основных вопросов истории Киева, изучение основных проблем истории культуры Киевской Руси в настоящее время немыслимо без широкого привлечения в качестве исторических источников разнообразных археологических памятников. Материалы, добытые археологическими раскопками последних лет, позволили по-новому поставить, а отчасти и решить ряд важнейших вопросов древнейшей истории Киева. Археологическое изучение Киева еще далеко не закончено. Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие систематические раскопки несомненно дадут еще очень богатые и разнообразные новые материалы, которые позволят осветить наиболее трудные, до сих пор не решенные вопросы истории Киева — древнейшей столицы Русского государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. Раскопки в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (1938 г.) . . .	8
II. Раскопки на территории Десятинной церкви (1938—1939 гг.)	45
III. Раскопки собора Выдубицкого монастыря (1945 г.)	141
IV. Раскопки на территории „города Владимира“ (1946 г.)	167
V. Раскопки развалин двух храмов на Кудрявце (1947 г.)	192
VI. Раскопки в Софийском соборе и в усадьбе Софийского архитектурно-исторического заповедника (1939—1940, 1946 гг.)	227

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Украинской ССР*

Техредактор *Н. И. Мусник.*

Корректор *С. И. Головащук.*

БФ 03274. Зак. № 1456. Тираж 1500. Формат бумаги 70×108/16. Бум. листов 7,875.
Печ. листов 21,575. Подписано к печати 8/IX 1950 г.
Цена 20 руб.

Типография Издательства АН УССР, Львов, ул. Стефаника, 11.